

"Граф с Земли"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

При свете сумерек весь этот кладбищенский ансамбль приобрёл таинственный мистический ореол. Ветхие поросшие мхом гранитовые памятники, насквозь прогнившие деревянные надгробия и скопища давным-давно засохших цветов придавали происходящему ощущение древности, хотя погосту совсем недавно исполнилось лишь полвека. А увядающий красноватый свет почти закатившегося за горизонт светила лишь угнетал, и словно бы вытягивал последние силы из дряхлого умирающего старческого тела.

Виктор Евгеньевич, согнувшись в три погибели, медленно протиснулся между мусорными кучами и тихо выругался: раньше такого бардака не допускали. Когда старик был ещё молодым и жил в этих краях, кладбище всегда оставалось чистым и ухоженным. Ещё двадцать лет назад здесь уважали мёртвых, а сейчас в деревне остались доживать свой век лишь такие же бабушки и дедушки, как и он сам. Хотя, Виктору Евгеньевичу ещё повезло — после смерти жены много лет назад дети забрали своего отца к себе в город, а сам старик стал навещать могилу лишь изредка, когда удавалось перебороть себя и вырваться из столичной суеты. С возрастом Виктор Евгеньевич возвращался сюда всё реже и реже; последний раз он приезжал на это кладбище четыре года назад. Но сейчас, понимая, что ему самому осталось жить всего несколько недель, он не смог не проститься со своей суженой, которую любил всю свою жизнь. Любил даже больше, чем саму жизнь, а потому после безвременной кончины супруги даже и не думал о том, чтобы начать с кем-либо новые отношения. С тех пор прошло без малого три десятка лет, и семидесятилетний старик, страдающий неизлечимой болезнью, всё ещё гордился своей верностью единственной, пусть и уже почившей, любимой женщине.

Виктор Евгеньевич ещё издалека заметил нужную ему могилу, и на душе сразу стало теплее. Он засеменял быстрее, аккуратно расчищая перед собой дорогу от мусора и опавших осенних листьев тяжёлой дубовой тростью. Подобравшись к месту, старик низко поклонился, прижался к посеревшему мрамору лбом и провёл по надгробию иссушёнными пальцами. И хоть губы расплылись в почти счастливой улыбке, глаза предательски наполнились слезами, и по щекам скатились несколько скупых блестящих в свете заходящего Солнца капель. Виктор Евгеньевич отошёл на шаг и оглядел могилу со всех сторон. Грязное надгробие вызвало у старика чувство вины. Ещё бы — четыре года дождей, снегов и прочих природных неурядиц не оставили чистоте ни единого шанса. Виктор Евгеньевич достал из кармана пальто заранее приготовленную тряпочку и стал бережно оттирать поверхность надгробия от налипшей и крепко присохшей земли. Вскоре проявилась и надпись, до этого момента скрывавшаяся за слоем пыли, но краска давно уже стёрлась, и прочитать прощальные слова не осталось ни малейшей возможности. Хотя, конечно, старик помнил их наизусть.

— Я очень скучаю по тебе, Лизонька, — осипшим голосом произнёс Виктор Евгеньевич.

Оттерев надгробие и изрядно попотев, старик со скрипом в спине опустился на колени и сгрёб в сторонку все жёлтые листья. Теперь могила выглядела куда приличнее, чем до этого, и Виктор Евгеньевич с довольной ухмылкой уселся на лавочку неподалёку.

— Знаешь, Лизонька, две недели назад у нас появился первый правнук. Пашкин сынок. Ну и богатырь, скажу я тебе!

Старик было рассмеялся, но сильно закашлялся и тут же прикрыл рот носовым платком.

Платок окрасился красным: кашель сопровождался кровавыми каплями.

— Ты не думай ничего плохого, я в порядке, — махнул он рукой в сторону могилы. — А что кашляю — так что с того? Все кашляют. У меня всё нормально, любимая, не волнуйся за меня, прошу.

Виктор Евгеньевич тяжело вздохнул и поглядел на закат. Солнце уже почти скрылось, а потому на небосклоне сейчас отчётливо виднелась Венера. «Утренняя звезда» или «Вечерняя звезда», как её называла Лиза, всегда напоминала Виктору о былых временах. Его жена в своё время увлекалась астрономией, а он, полнейший гуманитарий, ничего в этом не смыслил, хотя всегда с умным видом слушал рассказы о созвездиях, туманностях и важности их изучения для современной науки. Сейчас, конечно, старик уже всё позабыл, но каждый раз, когда взгляд его поднимался к звёздам, он улыбался и вспоминал полную энтузиазма Лизу, вечно готовую к новым открытиям и свершениям.

— Борька Тарасов умер полгода назад, — сообщил Виктор Евгеньевич. — Помнишь, как раньше он к нам каждые выходные сына своего приводил? Как детки наши игрались. Да, отличное время было...

Ветер слегка усилился, стало прохладнее. Старик приподнял воротник, но со скамейки не встал. Он понимал, что последний автобус уехал ещё час назад, а значит, сидеть здесь, на кладбище, предстоит ещё целую ночь.

— Ну, ничего. Раз уж это последний раз, когда я тебя навещаю, почему бы не побыть здесь до рассвета? Холодно, да и чёрт с этим. А темноты я не боюсь. Не маленький уже!

Словно подтверждая эти слова, сильный порыв ветра покачнул стоящие рядом деревья. Начался настоящий листопад, и всего через пару минут могила снова была припорошена пожухлой осенней листвой. Виктор Евгеньевич устало вздохнул и усмехнулся:

— Вот так всегда. Делаешь что-то, делаешь, а ветер всё замечает. И труд одного человека в сравнении с монолитным безразличием стихии не стоит и ломаного гроша. Такие вот дела, Лизонька. Такие дела.

Солнце окончательно село за горизонт, и ночной морозец сразу же вступил в свои права. Ветер, казалось, утихать и не собирался. Фетровая шляпа пару раз чуть не слетала с полысевшей головы, но старик крепко придерживал её рукой. Ведь этот головной убор — последний подарок Лизы перед её кончиной. Виктор Евгеньевич тщательно хранил её много лет, каждый день смахивал с неё незаметные глазу пылинки и ни разу не уронил её не пол.

— Скоро и я так буду лежать, — уже тихо сказал старик, будто бы надеясь, что покойная жена не услышит этих «мыслей вслух». — Я попрошу детей, чтобы меня похоронили рядом, Лизонька. Мы всегда будем вместе, слышишь? Всегда будем вместе.

Виктор Евгеньевич снова расплакался. Вытерев всё тем же окровавленным платком слёзы, он достал из кармана старенький плеер, подаренный несколько лет назад сыновьями, надел поверх шляпы уже порядком износившиеся наушники и включил музыку. Нестареющий, но, увы, давно покинувший этот мир Рэй Чарльз со своим джазовым бэндом заставил Виктора Евгеньевича снова довольно улыбнуться. Ведь любовь к джазу ему тоже в своё время привила именно Лиза.

— Я очень по тебе скучаю, любимая, — сказал старик, покачивая головой в такт музыке. — С каждым днём всё больше и больше. И безмерно тебя люблю.

Виктор Евгеньевич слушал джаз, пока плеер окончательно не разрядился. Всю ночь он так и провёл на скамье, изредка перекидываясь с самим собой незатейливыми фразами, бодрящими и успокаивающими одновременно, а наутро, встретив рассвет, снял шляпу и чинно поклонился вновь появившейся на горизонте Венере.

Попрощавшись со своей женой в последний раз, старик разгрёб на могиле собравшийся за ночь мусор и медленно направился в сторону автобусной остановки. Настало время возвращаться домой.

Обратный путь оказался долгим. Несмотря на почти болезненное чувство голода, Виктор Евгеньевич решил не останавливаться в придорожных забегаловках. Он вообще в последнее время мало задумывался о такой вроде бы необходимой вещи как питание. А виной всему та пресловутая болезнь, которая не просто убивала физически, но и лишала желания бороться за жизнь.

Автобус как всегда опоздал почти на двадцать минут. А когда подъехал, оказалось, что все сидячие места были заняты: десятки озлобленных на весь свет бабулек с утра пораньше отправились на свои дачи. И ни одна из них не уступила места старику с явно болезненным видом, так что всю двухчасовую дорогу до вокзала Виктор Евгеньевич провёл стоя, безотрывно и с гордо поднятой головой смотря на пейзажи за окном. Когда же автобус доехал до места назначения, пришлось пересаживаться на электричку — такой уж извилистый путь был от города до кладбища, где похоронена любимая жена. В вагоне, правда, всё-таки удалось присесть и отдохнуть. Благо, что поезд ехал почти полтора часа — старик даже успел немного подремать.

После всей этой дороги — ещё час на маршрутке. Виктор Евгеньевич попал в час пик, что, конечно же, не вызвало у него положительных эмоций. Очень хотелось спать. Старик решил, что как только приедет домой, то сразу же завалится на свою старую кровать и... может, никогда не проснётся. Эта мысль стала возникать в старческом сознании ещё несколько месяцев назад, и каждый раз, когда Виктор Евгеньевич ложился спать, он на всякий случай крестился и читал «Отче наш». Хотя всю жизнь и пробыл непоколебимым агностиком, да таким и остался. «На всякий случай, мне же это не повредит» — думал он и ругал сам себя за такую бесхребетность, но ничего с собой поделать не мог. Смерть близилась, и она подкрадывалась семимильными шагами. Не сегодня так завтра она могла постучаться в дверь и сказать что-то вроде:

— Конечная! Дедуль, выходи!

Виктор Евгеньевич не сразу понял, что снова задремал, на этот раз в маршрутке. Повезло ещё, что жил он на конечной остановке, так что, поблагодарив водителя, он спешно покинул транспорт и засеменял к своей панельной девятиэтажке, похожей на другие рядом стоящие дома как две капли воды.

Закон подлости вновь сработал на «ура»: лифт отчего-то не работал, так что старику пришлось подниматься на четвёртый этаж своим ходом. Каждая ступенька отдавалась в бёдрах мучительной острой болью, и даже трость не помогала полностью сохранять равновесие. Кроме того, в подъезде было полным полно никогда не подметаемого хлама, и смотреть на весь этот бардак Виктор Евгеньевич уже не мог, а, значит, взгляд на пол не опускался. Оттого и спотыкался, чертыхаясь и ругая всё, на чём свет стоит.

Когда перед самым носом оказалась дверь родной квартиры, старик, наконец, радостно

выдохнул и вставил ключ в замочную скважину. Трижды повернул его, после чего спрятал в карман и потянул за дверную ручку.

На кухне горел свет — Виктор Евгеньевич заметил это сразу. Остановившись на пороге, он стал вспоминать, не собирался ли кто из детей или внуков к нему заехать на огонёк. Порывшись в своей памяти, понял, что никто в гости заходить не планировал. Старик вдруг махнул рукой: «А, сам забыл выключить свет. Вот же я растяпа...», после чего стал медленно раздеваться. Стянув с себя сапоги, повесив пальто и шляпу на крючок, Виктор Евгеньевич пошёл на кухню — выключать свет.

Но у плиты его кое-кто поджидал.

— Здравия тебе, Богданов, — подмигнул незнакомец.

Он выглядел донельзя странным: в парадном белом костюме, с красным галстуком-бабочкой и высоким начёсом на голове, как делали «стиляги» в шестидесятых годах. На горбатом носу держались огромные квадратные очки с толстенной оправой, а длинная, но аккуратная борода была заплетена в вычурную косичку, достающую почти до самой груди. На первый взгляд казалось, что ему лет тридцать пять, не больше.

Виктор Евгеньевич бросил взгляд на стол, где лежал кухонный нож сантиметров тридцать в длину. Если постараться, то можно успеть схватить его до того, как этот странный мужик на него нападёт. Конечно, если у него вообще имелось подобного рода желание.

— Э-э, нет, — покачал головой незнакомец, крепко сжав губы. — Не будем колоть друг друга острыми предметами, О'Кей? У вас ведь так говорят?

Только сейчас старик заметил, что этот стилига жарит на сковороде яичницу с кусочками сала. Живот призывно заурчал, когда запах еды едва лишь коснулся носа Виктора Евгеньевича.

— Голодный, Богданов? Так ты садись за стол, я накрою сейчас. Кстати, доставай из холодильника бутылку. Будем пепельников гонять.

— Что? Кого гонять? — вопросительно изогнул бровь старик, медленно подходя к холодильнику. Глаз с незнакомца спускать ой как не хотелось.

— Пепельников. Больших таких, серых и рогатых. Я тебя попозже познакомлю с этими забавными ребятами, О'Кей?

Виктор Евгеньевич заглянул в холодильник. Там действительно лежала странная на вид керамическая бутылка, обвязанная льняной тканью. На матерчатой «этикетке» вручную были написаны слова на очень странном для русского человека языке. Буквы напоминали смесь арабской вязи и китайских иероглифов, что само по себе уже казалось старику абсолютно нечитаемым бредом.

— Что это такое? — спросил он незнакомца. — Ни черта не понимаю...

— О-о-о, дорогой друг! Это магмагрог — самая забористая штука во всей Вселенной! Тащи сюда кружки!

Старик поставил бутылку на стол и сложил руки на груди:

— Ты вообще кто такой, парень? Я тут как бы живу, если ты не заметил. Один. Гостей к себе не

звал, ясно? И очень не люблю, когда кто-то нарушает границы моей территории. Если ты немедленно не объяснишься, то, клянусь своими лёгкими, я пинками выпровожу тебя прямо из окна!

Незнакомец театрально понурил голову. Выключил газ и перетащил сковородку с яичницей на заранее подготовленную подставку на столе. Уселся на стул, взял в руки вилку и ответил:

— Ну, скажи, чего ты такой злой, Богданов? Чего я тебе сделал, а? Вот смотри — обед приготовил. Магмагрог притащил. Ты хоть знаешь, сколько такая вот бутылочка стоит? Да этот напиток вообще только в узких кругах пьют! Он гонится прямо из вулканической магмы! Не то, что ваша «водка», тьфу...

Виктор Евгеньевич бдительности не терял, но решил поиграть по правилам этого парня. Взяв из шкафа две пивные кружки, он разлил по ним странную жидкость огненно-красного цвета и поставил напитки рядом со сковородой. Забавным казалось то, что от магмагрога действительно пахло чем-то вулканическим...

— Ладно, ладно, понял я. Не враг ты. А кто тогда? — с этими словами старик уселся рядом и тоже вооружился столовыми приборами. — Я тут, понимаешь ли, прихожу домой, уставший, и просто хочу поспать. А тут — на тебе! Незнакомец жарит яйца на моей кухне! А сало я, между прочим, хранил для особого случая!

— Для какого такого случая? Для поминок по тебе, что ли? Хе-хе...

Мужчина в костюме достал из кармана салфетку и положил её к себе на колени, чтобы не запачкать брюки. Подцепил вилкой кусок горячего сала, закинул его в рот и сразу же запил изрядным количеством магмагрога. Незнакомец сморщился так, будто ему пришлось прожевать лимон целиком.

— Ву-у-ух! — замотал он головой. — Ну и забирает! Отведай, Богданов. Клянусь, тебе понравится! А меня, кстати, Лагош зовут. И не дуйся на меня, про поминки я чуток пошутил, хе-хе.

Виктор Евгеньевич кивнул:

— Привык я к таким шуткам, чёрт с тобой. А меня ты, видимо, уже знаешь. Но откуда? И зачем пришёл?

С этими словами старик тоже приступил к трапезе. Распробовав яичницу, глотнул странного на вид напитка и тут же закричал: горло обожгло, словно в него и впрямь залили раскалённую докрасна лаву. Но эффект длился недолго — всего спустя несколько мгновений ощущение ожога пропало, равно как и остальные неприятные чувства. И в голову дало действительно неплохо — перед глазами всё поплыло всего от одного единственного глотка.

— Ну, как оно? — ухмыльнулся Лагош. — То-то же. А вот представь себе, пепельники кормят этим грудных детей через соску! Звери, одним словом!

— Да кто эти пепельники такие? — не выдержал Виктор Евгеньевич. — Кавказцы, что ли? Я слышал, что они детей с раннего возраста вином накачивают, но чтобы такой вот отравой...

— Э, нет. Пепельники это пепельники. Потом всё расскажу. Ты ешь пока, ешь. Я ж не только для себя всё это готовил.

Старик последовал совету и стал активнее поглощать свой обед. С набитым ртом он всё же решил повторить уже заданные вопросы:

— Откуда ты меня знаешь, эм... Лагош? Зачем пришёл? И что за имя такое странное? И как ты попал в квартиру? Я, что, забыл закрыть дверь?

— Нормальное у меня имя, — чуть обиженно ответил парень в костюме. — А теперь давай по порядку. Откуда я тебя знаю? Ну, ходил себе, бродил, увидел тебя. Стал следить. Разузнал всё о тебе. Всё-всё-всё. Вообще всё. Даже то, что ты только что вернулся с кладбища, где похоронена твоя любимая жена, которую ты потерял почти три десятка лет назад. В автокатастрофе, верно? Ты всегда скептически относился к её умению водить автомобиль, всегда побаивался чего-то подобного...

— Откуда ты зна...

— погоди маленько, Богданов, я ещё не закончил. Зачем пришёл? Кое-что предложить, но об этом чуть позже, ладно? Всё расскажу, ничего не утаю, но сперва — кушай, пей, наслаждайся.

— Да уж, насладишься тут, — буркнул старик. — Когда каждое движение челюстями вызывает лютую боль в груди...

Лагош сочувственно кивнул и вытащил из кармана скомканный листок бумаги. Развернув его, он что-то быстро прочитал и покачал головой:

— Рак лёгких, да? Метастазы в печени. Всё плохо.

— Где ты взял это? — нахмурился Виктор Евгеньевич. — Я ведь сжёг эту бумагу, чтобы никто не увидел. Особенно дети. Не люблю, когда они начинают обо мне заботиться и нянчиться, словно с пускающим слюни овощем.

— Гордость, всё понимаю. Отличное чувство, как раз то, что надо для героя, вроде тебя. Но об этом позже. Почему у меня такое странное имя? А мне почём знать? Каким наградили, такое и ношу. Я своим именем, знаешь ли, даже горжусь. Вот сам посуди: каждый день меня упоминают в своих жалких причитаниях, которые грех даже молитвами назвать, сотни и сотни пьяниц, убийц, развратников и просто вставших не с той ноги неудачников. Упоминают меня! Великого меня!

Лагош громко рассмеялся и снова отпил из кружки. Хлопнув Виктора Евгеньевича по плечу, он продолжил:

— А дверь ты с детства ни разу не забывал за собой закрывать, Богданов. Так что, признаюсь, мне пришлось замочек твой «взламывать». Эй, эй, ты только не хмурься так — всё абсолютно законно! Ни один ваш закон не запрещает открывать запертые двери силой мысли!

Старик прикрыл лицо ладонью и попытался сосредоточиться:

— Знаешь, парень... весьма вероятно, что я сейчас лежу на носилках скорой помощи, а врачи беспомощно пытаются меня спасти. И всё, что я вижу вокруг — лишь плод моего воображения. Собственно, если это взаправду так, то жить мне действительно осталось совсем уж недолго. А значит, тратить время на выяснение отношений мне не с руки. Так что прощаю я тебя на этот раз.

Незнакомец мгновенно засиял и радостно захлопал в ладоши. Повеселев, он съел половину

яичницы и одним залпом прикончил весь свой магмагрог. Оба собеседника ненадолго замолчали, пока Виктор Евгеньевич пытался разгрызть тем, что осталось от зубов жёсткий кусок хорошо прожаренного сала.

— Ну, Богданов, раз уж ты лежишь на носилках, тебе уже всё равно, да?

Старик нахмурился и пожал плечами:

— Всё равно? Что ты имеешь в виду? Я не боюсь тебя, если ты об этом.

— Да брось, я совсем не об этом говорю. Мысль моя сводится к следующему: тебя скоро не станет, а всё вокруг — плод фантазии, полнейший бред, не заслуживающий полного осмысления и сопоставимости с привычной реальностью. А, значит, я мог бы предложить тебе нечто, что выходит за рамки понимания практически любого жителя Земли.

Виктор Евгеньевич, всё ещё тщетно пытаясь прожевать кусок сала, глядел на фотографию своей жены, прикрепленную к ещё советскому холодильнику небольшими магнитиками. Разглядывая лицо любимой, он забылся и широко улыбнулся. На душе сразу стало легче, и страх, остатки которого всё-таки ещё таились в задворках сознания старика, мигом испарился.

— Предложить мне что? — спросил Виктор Евгеньевич, проглотив кусок сала, устав бороться с ним зубами, что вызвало в горле до боли неприятные ощущения.

Лагош заговорчески подмигнул старику и пустился в объяснения:

— Значит так, Богданов, предупреждаю: то, что я тебе скажу, однозначно тебя шокирует. Хотя, — хмыкнул стилига. — Что может шокировать умирающего от рака и повидавшего уже всё на этом свете дедушку?..

— Ну, не томи. Объясняй уже, пока я окончательно не уснул, — рявкнул старик, уткнув взор в незнакомца.

— Хорошо-хорошо, — дважды кивнул Лагош, после чего вдруг встал из-за стола и прошёлся по кухне. Остановившись возле холодильника, взглянул на старое фото Лизы и громко цокнул языком: — Твоя жёнушка, верно? Жаль её, очень жаль. Красавица. Наверняка ещё и умницей была. Борщи готовила, носочки вязала, детей воспитывала, да?

По ехидному тону незнакомца было понятно, что сочувствию Лагоша — грош цена, и Виктор Евгеньевич пропустил бесполезную лесть мимо ушей. Сложив руки на груди, он продолжал глядеть на своего гостя, который после небольшой паузы щёлкнул пальцами и задал вопрос:

— А вот ты, Богданов, хотел бы оказаться лет на сорок пять моложе, а? Представь себе: крепкие русые волосы без тени седины, эластичные и упругие мышцы, крепкие кости, жизненный блеск в глазах и покоряющая женщин белоснежная улыбка...

— Может и хотел бы, да что с того? Мало ли, чего мы все желаем. «Без устали царь о покое желает, а нищий при виде короны оттаёт...».

Лагош состроил насмешливую мину и махнул рукой:

— Да брось ты, поэзией меня удивить вздумал? Ну, так я на неё не введусь. А ответ на свой вопрос всё ещё хотелось бы услышать от тебя, Богданов.

Старик хотел было что-то возразить, но вспомнил, что решил играть по чужим правилам, и смело ответил:

— Конечно, хотел бы. А кто бы не хотел? Только дурак, однозначно.

Стиляга подмигнул старику и задорно усмехнулся:

— Это именно тот ответ, которого я от тебя и ожидал, Богданов! Решительность, достойная королей. Ну, так что, готов к предложению, которое изменит всю твою жизнь?

Виктор Евгеньевич пожал плечами:

— Я весь — внимание. Говори.

Лагош снова захлопал в ладоши и истерично засмеялся, как смеются лишь выжившие из ума злодеи в дешёвых американских вестернах. Он вдруг задёрнул шторы и выключил свет — на кухне сразу же стало темно. А зрение Виктора Евгеньевича в его-то годы давно уже не позволяло комфортно чувствовать себя в таких потёмках даже с надетыми очками.

— Сперва — завязочная увертюра, дорогой слушатель. Ведь без предварительного разогрева нельзя приступить к большущей пьянке, да? Хе-хе...

Глаза стилиаги стали бегать туда-сюда, будто что-то выискивая. Наконец, увидев что-то, Лагош широко улыбнулся и подошёл к холодильнику. Насвистывая какую-то до боли знакомую мелодию, он стал снимать с дверцы холодильника накопленные за многие годы магниты. Почти на всех изображались города, в которых когда-либо побывал Виктор Евгеньевич или его родственники, а на остальных — мультяшные мишки и зайчики, которые попадают в упаковки из-под йогурта. Когда внуки гостят у своего дедушки, они всегда заранее запасаются целым коробом этих кисломолочных изделий.

Старик из-за темноты почти ничего не видел, но, прищурившись, всё-таки смог разобрать, чем занимается его собеседник. Вопросительно изогнув бровь и раскрыв от удивления рот, Виктор Евгеньевич захотел что-то сказать, но вскоре просто махнул рукой и стал смиренно ожидать, пока все магнитики не скроются в бездонных карманах пиджака незваного гостя.

Лагош, закончив с магнитным ограблением, смущённо улыбнулся и пожал плечами:

— Никогда не знаешь точно, удастся ли тебе выбраться в этот мир ещё раз. Вот и запасую сувенирчиками, хе-хе. Ты уж прости меня за это, Богданов. Тебе ведь все эти безделушки всё равно вскоре станут без надобности, верно?..

Виктор Евгеньевич стал потихоньку закипать. То ли от непонимания слов Лагоша, то ли от его беспринципных действий, но ярость постепенно постепенно застилала старику глаза.

— Знаешь, как тебя там, лучше просто ответь на мои вопросы, а то хуже будет.

— Кому хуже-то станет? Тебе, что ли? — усмехнулся Лагош. — Да ладно тебе, дедуль. Смотри и слушай.

Стиляга сразу же посерьёзней и громко щёлкнул пальцами. Из-под грязных и необрезанных ногтей вырвались яркие оранжевые искорки. Завертевшись в едином танце, они вдруг слились воедино, и после короткой вспышки превратились в светящийся коричневый шарик, парящий прямо посреди кухни.

У старика от удивления чуть не остановилось сердце.

— Прости, что без фанфар, но оркестрами я руководить не умею, — хмыкнул Лагош. — Значит, так. Вот эта сфера — огромный газовый гигант, типа вашего Юпитера, вращающийся вокруг тесной пары умирающих звёзд, находящейся невероятно далеко отсюда. Акемо. Гигант этот, кстати, тоже находится на последнем издыхании. Хотя, всё это в космических масштабах. Пройдут ещё десятки тысяч лет, прежде чем одна из звёздочек соизволит уменьшиться до размеров астероида и станет столь плотной, что даже свет не сможет покинуть её пределы. Не стану утомлять тебя всей этой астрономической белибердой. Это было так, к сведению.

Лагош снова щёлкнул пальцами. На этот раз появились уже зелёные искры, которые собрались в совсем малюсенький шарик, раз в десять меньше предыдущего. Новый объект встал на свою орбиту и начал медленно вращаться вокруг Акемо.

— А эта никому не нужная кроха — мир, откуда я пришёл. Пакемо. Один из тринадцати спутников газового гиганта, но единственный, имеющий разумную жизнь, какой её понимаете вы, люди! Редчайшее явление во вселенной, Богданов, хочу я тебе сказать. Там есть и леса, и моря, и даже люди... — собеседник вдруг ненадолго умолк, и спустя полминуты продолжил уже с меньшим энтузиазмом в голосе. — Ещё там есть пепельники, болотники, и крылатые, как их там... не помню. Запоматывал. Вот же растяпа!

Виктор Евгеньевич отошёл от первичного шока и стал подозревать, что его время уже пришло. Всё было похоже на бред. Старик со всей силы ущипнул себя за запястье и протяжно зашипел от полученной боли.

— Ну, не может это всё быть правдой, — буркнул себе под нос Виктор Евгеньевич. — Не может. Я ведь просто сплю. Просто сплю.

Лагош в третий раз щёлкнул пальцами, и планеты разом испарились. Сразу же сама собой зажглась лампа, и в помещении вновь стало светло.

— Так вот, — стилига отряхнул рукава и присел рядом со стариком. — Теперь о деле. Я предлагаю тебе, Богданов, воспользоваться моей безграничной добротой. У меня есть для тебя бесценный дар, получить который — уже величайшая честь и неслыханная удача. Лишь несколько человек в вашем мире удостоивались возможности просто говорить со мной, а быть награждённым мною — всего двое...

— И что же это за дар, позволь спросить? — нахмурился старик. Он до сих пор не мог понять, реально ли всё, что происходит вокруг, или же его тело уже начало разлагаться на носилках в местном морге. А пока определить наличие и степень реальности не было никакой возможности, Виктор Евгеньевич решил просто слушать и по ходу дела задавать интересующие его вопросы.

— Молодость, Богданов, — с трепетом ответил Лагош, крепко сжав кулаки. — Ты снова станешь молодым и сильным. У тебя не будет болезней, а твой организм полностью очистится. Ты станешь кристальнее слезы младенца, стерильным, как медицинский спирт. Твоим главным врагом станет лишь уже прожитая жизнь, воспоминания которой никогда уже тебя не покинут. Соглашайся, Богданов. Это твой шанс начать всё сначала.

Виктор Евгеньевич постучал себя по груди и откашлялся. Почесал свою макушку, посмотрел на фотографию Лизы — на этот раз она не придала своему возлюбленному столь нужных сейчас сил. Махнув на всё рукой, старик ответил:

— Предположим, что ты не сумасшедший, а я ещё живой и нахожусь в полном здравии. Тогда что же выходит? Ты — джинн?

— Ну, что-то типа того. Не хочу об этом говорить.

— Ладно, ладно. Не хочешь говорить — твоё дело. Если я соглашусь на твоё предложение, что уже само по себе кажется абсурдом, то смогу ли я потом вернуться обратно? Показать себя в новом облике родным, вновь покататься по стране автостопом...

Лагош покачал головой:

— Увы, Богданов. Знай, что приняв моё предложение, ты навсегда окажешься привязанным к тому миру, и никто не сможет переместить тебя на Землю. Так что, если хочешь, можешь либо доживать свой месяц тут, рядом с родственниками, или... или навсегда о них забыть, и продлить свою жизнь как минимум на полвека, но в совсем новом, другом мире. Как тебе предложение? Знаю, заманчивое.

— Зачем тебе это? Какова твоя выгода с этого? Не верю, что ты сделаешь всё это абсолютно безвозмездно.

Собеседник как-то странно улыбнулся и протянул старику ладонь для рукопожатия:

— Соглашайся и не думай о моих мотивах. В конце концов, если я скажу, что всё это — коварный план по уничтожению Вселенной, ты разве откажешься? Ты ведь не моралист, я знаю. Никто бы не отказался от моего подарка просто потому, что я не стал раскрывать своих намерений. Так что с этого момента я прекращаю свои разглагольствования и настойчиво предлагаю согласиться.

Виктор Евгеньевич минуту поколебался, после чего крепко пожал руку Лагоша. В глазах сразу потемнело, а окружавшая старика тишина вдруг превратилась в жуткий гул. Пришлось зажать уши — настолько больно звук колебал и без того уже плохо работающие барабанные перепонки. Вскоре выдерживать эту какофонию стало попросту невозможно, и Виктор Евгеньевич во весь голос завопил, а сердце его, казалось, и вовсе остановилось.

И в один миг всё это внезапно пропало. Боль, шум и слепота разом улетучились в небытие, словно их и не было вовсе. Старику вдруг очень захотелось врезать гадкому шутнику по голове, но оказалось, что Виктор Евгеньевич на кухне остался совершенно один. Лишь запах слегка подгорелой яичницы да привкус плавленного стекла на языке напоминали о недавнем присутствии странного и наверняка опасного человека.

— Не вышло ничего, значит, — задумался старик. — Ну, и чёрт с ним. Подумаешь — другой мир! Мне и в этом неплохо. Очень даже неплохо...

Во рту пересохло, но сил набрать воды совсем не осталось. Тело вдруг ослабело, и Виктор Евгеньевич, собрав последние остатки воли в кулак, поднял себя на ноги и с трудом добрался до своей комнаты. Не раздеваясь, упал на шерстяное одеяло и почти моментально заснул.

В эту ночь старик не видел никаких снов.

ГЛАВА 2

В юности Виктор Евгеньевич частенько ходил в походы. Костёр посреди леса, гитара в руках самого горластого товарища, консервы пятилетней давности — вот какова была романтика тех

лет. Со временем, конечно, страсть к приключениям постепенно пропала, но воспоминания никуда улетучиваться не собирались. И сейчас, учуяв дым костра, смешанный с терпким хвойным ароматом, старик проснулся.

Двигаться не стал. Виктор Евгеньевич всё пытался сосредоточиться и прогнать от себя прочь странное наваждение из прошлого. Может, ему чудился поход лишь потому, что на одном из таких мероприятий тогда ещё совсем молодой парнишка Витя и познакомился с очаровательной отличницей, активисткой и просто скромницей Лизой? Но ведь это было больше шестидесяти лет назад, как в памяти настолько точно мог сохраниться тот хвойный запах?

Старик открыл глаза и от ужаса тут же снова их закрыл. Попытался вспомнить, что произошло накануне. Поездка на кладбище, возвращение домой, появление на кухне странного типа со стилизмым начёсом.

«Не может быть» — подумал Виктор Евгеньевич, снова приподнимая веки. То, что предстало перед взором, сложно было назвать спальней, в которой старик уснул. Вокруг расстилался густой хвойный лес, самый настоящий сосновый бор. Чересчур крупные деревья росли друг к другу так плотно, что порой не удавалось разглядеть едва светлые небеса, по которым текли длинные, как нити, пурпурные облака.

Виктор Евгеньевич напрягся и приготовился к переводу своего тела в вертикальное положение. Челюсти до боли сжались сами собой, потому что старик знал: подниматься всегда весьма неприятно. В его-то годы. Каким же было его удивление, когда встать получилось с первого раза и без единого намёка на боль!

И зрение перестало подводить. Несмотря на густой туман, глаза вылавливали из общей картины каждую шишку, мельчайшую иголочку. И звуки — весь лес казался живым, словно единый многофункциональный организм. Отовсюду слышался птичий щебет, скрипели многовековые стволы, а шум ветра, запутываясь в верхушках сосен, завывал страшным зверем.

— Ну, ты даёшь... Лагош, — хмыкнул Виктор Евгеньевич и подпрыгнул на месте от удивления: голос его изрядно изменился. Пропала сиплость и в каждом придыхании звучало бывшее пламя жизни.

А, самое главное, не было никаких болей ни в груди, ни в голове. Могло ли это означать, что неизлечимая болезнь всё-таки отступила под влиянием Лагоша? Виктор Евгеньевич несколько раз глубоко вдохнул, ощущая полноту набранного в лёгкие воздуха, а потом сделал то, чего не мог сделать уже очень давно по причине болезни и старости: он оглушительно и протяжно засвистел.

Словно пинбольный шарик свист отскакивал от деревьев и разливался по лесу многоярусным эхом. Мигом умолкли птицы, и на мгновение появилось ощущение того, что весь бор вымер от одного-единственного свиста. Лишь спустя несколько минут Виктор Евгеньевич понял, что шуметь в подобном месте — не самая лучшая идея, а потому запоздало решил сохранять тишину.

Послышался хруст, будто кто-то наступил на сухую ветку. Старик мигом спрятался за ближайшей сосной и с немим ужасом осознал: он абсолютно нагой. При нём не было ничего, что могло защитить от дикого зверя или недоброжелательно настроенного человека. Ведь даже средней толщины кожаная куртка могла неплохо смягчить укусы зубастой волчьей пасти, или же не дать чьему-то кулаку сломать рёбра.

Задумавшись, Виктор Евгеньевич не сразу заметил то, что тело у него больше совсем не дряхлое. Крепкие руки и ноги оказались жилистыми и мускулистыми, живот был подтянутым и без единого намёка на свисающую складчатую кожу, а рельефная накачанная грудь приятно выделялась на общем телесном фоне. Виктор Евгеньевич окончательно убедился, что Лагош действительно исполнил желание и, мигом осмелев, решил: «Чего мне бояться? Я снова молод и силен. Встречу противника лицом к лицу и сломаю его голыми руками».

Набрав в грудь побольше воздуха, он решительно вышел из-за сосны навстречу неведомому врагу. Но, взглянув на приближающуюся в его сторону фигуру, замер на месте от растерянности.

Это была огромного роста и недюжинного телосложения фигура с тёмно-серой кожей. В целом, похожая на человека, с той лишь разницей, что нижняя челюсть слишком сильно выдвинута вперёд и утыкана неровным рядом торчащих в разные стороны острых резцов, как у собаки. Внушительный торс этого существа, густо усеянный ярко-жёлтыми татуировками и старыми шрамами, был полностью оголён. Из одежды на странном создании оказались лишь кожаные потёртые штаны, высокие красные сапоги с остроконечными носами и густая меховая шапка, почти полностью скрывающая голову.

Существо вдруг что-то громко прорычало и зловеще улыбнулось, глядя Виктору прямо в глаза.

— Погоди, погоди, — замахал руками пришелец с Земли, медленно отступая назад. — Я не знаю, кто ты такой, но неприятности мне совсем не нужны. Давай разойдёмся мирно, хорошо?

Чудище, казалось, пришло в недоумение, услышав человеческую речь. Улыбка спала с его лица, и после недолгих раздумий существо, в руках которого откуда-то появился небольшой одноручный топор, пошло в атаку.

Виктор побежал, не оглядываясь. Голыми пятками он наступал на природный настил из сосновых иголок, веток, острой высокой травы и незаметных мелких камешков, отчего совсем скоро до самых колен ноги исцарапались в кровь. Но останавливаться из-за такой мелочи было совершенно неуместно, когда по следу, рыча и пыхтя, гонится страшное существо.

Внезапно спину между лопаток прошила жуткая тупая боль, от которой Виктор сразу же упал на колени. Закричав, он обернулся и понял, что чудовище бросило в него свой топор. К счастью, либо противник был в этом деле полный профан, либо сегодня леди Удача решила улыбнуться голому иномирцу, но топор попал в спину ишь рукоятью. Не смертельно, конечно, но очень неприятно.

Слегка отойдя от шока, Виктор вдруг понял, что у него появилось некое преимущество. Медленно встав, он подобрал оружие и грозно рыкнул на приближающегося монстра.

— Лучше отойди, а то зарублю. И даже не поморщусь, ясно тебе?!

Существо остановилось в десяти шагах от нового обладателя его топора. Нервно дёргающиеся скулы явно говорили, что чудище на ходу меняет свой план, но пока ничего дельного в его голову не приходит. Виктор, не теряя времени, замахнулся своим оружием и встал в боевую стойку, которая должна была показать противнику, кто теперь устанавливает правила в этой стычке.

— Повторяю: беги отсюда, пока я не разозлился!

Серокожий ещё немного поразмышлял, после чего вдруг демонстративно усмехнулся и, сложив руки на груди, произнёс:

— Ну, давай, бить меня мой же топор, лесной обезьян. Я посмотреть как ты нелепо махать его словно ветка.

От этой неожиданности Виктор опешил, но решил роль злобного дикаря играть до конца:

— Ты мне тут зубы не заговаривай, мутант. Я тебя предупредил. А дальше — сам думай.

«Мутант» громко засмеялся и вытащил из сапога длинный кривой нож. Повертел лезвие между пальцев, потом схватил рукоять обратным хватом и медленно двинулся в сторону Виктора.

Ладони, державшие топор, вспотели так, что оружие то и дело норовило вывалиться из рук. Бывший старик, а теперь уже молодой парень, обречённый на смерть от рук монстра из книг и фильмов, тихо проклинал заварившего всю эту кашу Лагоша. Ведь если он столь всемогущ, как казалось сначала, то мог бы забросить Виктора не в глухой лес с озлобленными обитателями, а в более тихое и мирное место. Но причитания и слёзы по самому себе пришлось отложить до лучших времён, потому что существо с ножом в руках уже подобралось Виктору на расстояние рывка.

Чудовище дико взревело и бросилось вперёд, пытаясь сбить соперника плечом, словно игрок в американский футбол. Виктор, сам не понимая, как, отпрыгнул в сторону и свалился в густые кусты подле небольшого скопища молодых сосенок. Топор из рук пока не выпал, так что надежда на победу всё ещё никуда не улетучилась, хотя после яростного нападения озлобленного существа она слегка подтаяла.

— Трус! — заявил серокожий. — Ты вставать и биться со мной как воин, а не как сопливый баба!

— А ты, видимо, настоящий мужик, раз ставишь себя выше женщин? — усмехнулся Виктор, поднимаясь на ноги и отряхивая себя от грязи. — Ну, что ж, дубль два.

Существо снова пошло в атаку, но на этот раз уже не слепо бросаясь вперёд. В свободную руку серокожий взял подвернувшуюся под ноги толстую палку, по размерам не уступающую хорошей дубине. Размахивая сразу двумя оружиями, противник прокричал что-то на незнакомом языке и совершил длинный прыжок в сторону Виктора. На этот раз удар пришёлся точно в цель, но вовремя выставленный блок топором на миг остановил наступление. Согнувшись в коленях, серокожий выкинул руку с кинжалом вперёд, и в самый последний момент увёл лезвие в сторону, одновременно с этим финтом обрушивая на Виктора всю мощь дубины, из которой, к слову, торчало немало мелких и острых сучков, так что оружие это можно было уверенно называть какой-никакой, а палицей.

На этот раз пострадало левое плечо. Удар оказался столь сильным, что обмякшее тело Виктора отлетело в сторону, как футбольный мяч, врезавшись головой в неудачно подвернувшуюся сосну.

А обоюрукий враг победно воздел ладони к небу и неприятно загоготал:

— Ха-ха-ха! Лесной обезьян побеждён! И где же теперь твой прыть, человек?!

Кое-как придя в себя после жуткого удара, Виктор оглядел окровавленное плечо — оно всё

было изодрано, ему срочно требовалась перевязка, и это уже не говоря о многочисленных мелких ссадинах и ушибах. Вот так «подарок» — новое, молодое, нетронутое тело, которое сразу же попадает в такой неравный бой и, превращаясь в ходячий фарш, оказывается на тоненьком волоске от страшной и нелепой гибели.

Серокожий, откинув в сторону палицу, приготовился добить раненого противника одним лишь ножом. Виктор, увидев приближающуюся фигуру, попытался нащупать рукоять топора, но рядом её не оказалось: видимо, оружие выпало из рук во время предыдущего натиска. И от осознания этого факта глаза стало застилать немое отчаяние. «Как так, Лагош? Зачем ты предложил мне это? Чтобы я сразу же столь глупо умер?..».

— А-ха-ха! — продолжал заливаться смехом монстр. — Голенький обезьян не хотеть смерть! Но Грош'ну плюёт на жалость к твой род!

Подтверждая свои слова, серокожий смачно плюнул под ноги своей жертве. Он подошёл ещё ближе, пока Виктор безуспешно пытался куда-то отползти, и приготовился нанести добивающий удар.

А в голове человека, тем временем, отчаянным вихрем крутились десятки самых разных мыслей. Был там и страх к скорой смерти, хотя ещё тот, пожилой Виктор Евгеньевич был, в общем-то, давно готов. Была там и ненависть к шутнику Лагошу, несмотря на то, что тот, возможно, и вовсе участия в нынешней проказе не принимал. Был там и банальный интерес ко всему происходящему, ведь вокруг раскинулся лес иного мира, а прямо перед носом стоит неведомое доселе существо, о существовании которых на Земле даже и не догадываются. И все эти мысли, эмоции вдруг стали сплетаться в одно-единственное, но смертельно важное в данный момент желание: выжить. Сбежать, победить или просто уговорить противника сложить оружие, но выжить.

Виктор шумно выдохнул и вытянул руку в останавливающем жесте вперёд. Серокожий, сомнительно нахмурившись, лишь снова засмеялся. Ему нравилось наблюдать за беспомощностью поверженного врага, а отсутствие жалости добавляло ситуации некий «пикантный» оттенок.

Существо вдруг схватило Виктора за волосы и подняло его на уровень своей оскалившейся морды. Холодное лезвие ножа легло на человеческую шею и больно вдавилось кожу, оставив на ней небольшой надрез. Сразу стало трудно дышать, а вонь из пасти зубастой твари окончательно убило какое-либо желание разрешить конфликт любовно.

— Молиться своим богам, человечиска, — сопровождая каждый слог зловонными плевками, выдавил из себя серокожий.

А Виктор, тем временем, в безрассудной попытке спасти самого себя схватился обеими ладонями за руку врага, держащую нож. Сперва это казалось абсолютно бессмысленным, ведь противник был гораздо сильнее, да и на порядок опытнее, но когда на лице серокожего вдруг отразилась гримаса боли, всё вокруг поменялось. Запахло чем-то палёным, и существо, ослабив хватку, отпустило жертву. А рука серокожего, за которую в отчаянии схватился Виктор, вдруг покрылась волдырями и ожогами. Испуганный взгляд чудища говорил без слов: что-то явно пошло не по плану палача.

А сам же спасённый от неминуемой смерти счастливчик взглянул на свои ладони и мигом потерял дар речи: на подушечках пальцев вместо привычных человеческому взгляду узоров, по отпечаткам которых в нашем мире идентифицируют многих преступников, ярко горели

странные узоры, похожие на замысловатые скандинавские руны. Скорее всего, решил Виктор, именно эти рисунки и подожгли кожу серокожего чудовища. Но своего владельца горящие руны не обжигали. Напротив, придавали сил и уверенности, заряжали какой-то странной и чуждой энергией.

Испуганный монстр, с ужасом поглядывая то на ожоги, то на оставившего их человека, медленно отступил. Пятившись, он что-то тихонько пробормотал себе под нос и вскоре побежал, не оглядываясь. Эхо ещё долго вторило его яростным агонизирующим крикам.

Только лишь через минуту Виктор понял, что всё это время не дышал. Опомившись от шока, снова взглянул на свои руки: светящиеся символы гореть перестали и превратились в некое подобие самых обыкновенных татуировок, наколотых бледно-красными чернилами.

— Ну, Лагош, — процедил сквозь зубы обладатель сверхъестественных рун на пальцах. — Ну, попадись мне теперь только — я тебя заживо сожгу!

Пока длился бой, Виктор не заметил, как плотный туман постепенно рассеялся, а сквозь густые сосновые ветви стали пробиваться тёплые солнечные лучи. Щebet птиц усилился, когда рассвет перерос в полноценное утро, а отсутствие иных более-менее опасных звуков не могло не радовать уже порядком уставший взор всё ещё абсолютно нагого человека. И хотя в крови до сих пор бушевал адреналин, опасность точно прошла мимо, но бдительности в любом случае снижать не стоило. Ведь если первые проведённые в новом мире минуты чуть не стали для пришельца с Земли смертельными, то что же может произойти дальше?

Виктор вооружился ножом, который совсем недавно чуть не лишил его жизни. Думая, где бы раздобыть одежду, он вдруг ударил себя ладонью по голове и чертыхнулся. Во время стычки с серокожим монстром из головы совсем вылетел тот факт, что где-то неподалёку пахло костром. Возможно, хвойные ветки разжигало то самое чудовище или, что хуже, его друзья. Может, это был кто-то другой, менее или более опасный. Виктор решил, что сейчас важно соблюдать осторожность и разузнать, что же тут всё-таки происходит, потому что другого способа обрести хоть какую-то помощь в данный момент попросту не существовало. Без сторонней подмоги выбраться из леса казалось задачей непосильной. Кивнув сам себе, горе-смельчак пошёл на запах.

Идти пришлось долго, зато нашлось время оглядеться и сравнить местную флору с земной. Сосны отличались лишь аномально крупными размерами, а сама хвоя имела слегка бирюзовый оттенок. Между тесными рядами древесных стволов росли странные кусты с завёрнутыми в длинные трубочки листьями. А вот трава действительно имела с земными аналогами несколько существенных различий: во-первых, в большинстве своём она была ярко-пурпурной; во-вторых — сами травинки росли на тоненьких высоких стебельках и имели форму кленовых листьев. А кое-где из вишнёвого травяного покрова выглядывали маленькие жёлтые ягодки, пробовать которые желание так и не появилось.

Кроме всего прочего, влажность в здешних местах просто зашкаливала, и неприятная тяжесть чувствовалась в каждом вдохе. При этом каждую минуту всё теплело и теплело, что означало только одно: к полудню этот лес превратится в настоящую парилку, так что с поисками помощи надо медлить не стоило.

Виктор заметил высокий столб дыма ещё издалека. Он приметил, что костёр располагался на широкой поляне. Всё свободное пространство вокруг очага было усеяно несколькими большими палатками и десятком крытых обозов с запряжёнными в них лошадьми. Людей там

тоже оказалось предостаточно — по крайней мере, на виду сновали туда-сюда человек двадцать.

«Ну, слава богу, не монстры. Надеюсь, эти ребята мне помогут» — решил Виктор и смахнул со лба накативший пот. В горле запершило. Очень хотелось пить, да и желудок занял в ожидании пищи. Последней трапезой для Виктора послужила яичница с салом, но давно ли это было? Сколько времени проспал старик, упав на кровать в своей квартире? Сколько длился сам переход между мирами?

Здравый смысл подсказал, что надо бы подобраться к лагерю поближе и, прежде чем совершать необдуманные поступки, всё внимательно оглядеть. Виктор решил со здравым смыслом согласиться, и стал аккуратно пробираться сквозь остролистые колючие кустарники. Когда до костра оставалось не больше тридцати шагов, пришлось остановиться и затаиться: дальше заросли сменялись невысокой травой, и заметить на ней голого шпиона было задачей наилегчайшей.

Виктор стал разглядывать караван во всех подробностях. Что находилось в повозках, оставалось загадкой, но наверняка что-то ценное, потому что вокруг постоянно патрулировала вооружённая охрана. Половина всех людей расположилась у костра и завтракала, пока остальные стояли на посту. Обмундирование воинов казалось крепким и повидавшим множество боёв. Поверх матерчатой или кожаной одежды на многих свисали кольчужные туники, перевязанные оранжевыми ремнями, на плечах красовались высокие блестящие на солнце наплечники с яркой птичьей символикой. Некоторые носили поверх подбитых мехом шапок высокие бацинеты с забралами в виде острых орлиных клювов и пучками птичьих перьев на висках. Виктор усмехнулся, когда увидел за спиной одного из воинов размашистые белые крылья. Возможно, это был лидер «птицеголовых» или просто очень сильный и матерый вояка.

Язык, на котором разговаривали эти люди, был вполне понятен и разборчив, а потому Виктор решил без утайки заявить о своём присутствии и попросить кого-нибудь о помощи.

— Эй! Эй, там! — крикнул голый пришелец с Земли, держа руки на виду, чтобы в него ничем случайно не пальнули. Он встал из своей засады, демонстративно бросил кинжал в сторону и медленно направился в сторону сборища людей возле костра, которые сразу же отвлеклись от приёма пищи и насторожились, но вооружаться не стали. Видимо, странный парень, вышедший из чащи леса, вызывал больше интерес, нежели опасение.

— Назовись! — крикнул один из воинов, стоящих неподалёку. На его поясе зловеще поблескивало лезвие изогнутой сабли, и проверять на себе её остроту на собственной шкуре Виктору очень не хотелось, поэтому он остановился в десяти шагах от костра.

— Меня зовут... Виктор, и я... я...

— Откуда так хорошо наш язык знаешь? — спросил кто-то другой. — Вроде лесной, дикий, а говоришь без акцента.

— Срам-то свой прикрой! — раздалось откуда-то слева.

— Дайте мужику воды и бинтов. Он же в крови весь!

— И пожрать отсыпьте! А то немощный какой-то.

— Зачем ему помогать? Чик сабелькой по горлышку и нет никакого дикаря. А нет дикаря — нет

проблемы.

Гогот снова разразился над лагерем. Никто уже не обращал внимания на только что внезапно появившегося «лесного»; все продолжали трапезу.

Вдруг рядом с Виктором возник тот самый воин, у которого за спиной развевались огромные белые крылья, целиком состоящие из маховых перьев какой-то хищной птицы. Приподняв клювообразное забрало, он взглянул на голого парня глазами, полными недоверия, и вдруг тепло улыбнулся:

— Повезло тебе, что ты на нас наткнулся. А то сдох бы в этом лесу. Как пить дать сдох бы. Идём со мной. перевяжем твою рану, потом накормим кашей да отпоим хоть и палёным, но всё-таки забористым магмагрогом.

Услышав последнее слово, Виктор сразу же замотал головой и запротестовал:

— Нет-нет, никакого грога. Меня им уже напоили.

Воин пожал плечами, что в его доспехах сделать было не так-то просто:

— Ну, как знаешь. За мной.

Крылатый латник проводил Виктора к одной из палаток и спросил:

— Сам справишься? Бандаж на коробке лежит. Там уже один наш отлѣживается, ты у него спроси, где бальзам, он тебе его выдаст. Ну, всё. Как перевяжешься — жду тебя у костра.

С этими словами добродушный воин похлопал раненого по плечу и удалился. А сам же Виктор, удивляясь внезапной заботе, вдруг повеселел. Возможно, пребывание в этом мире окажется не таким уж плохим, как думалось сначала. Быть может, Лагош и не желал никому зла, а тот монстр появился рядом исключительно благодаря слепому случаю. Как бы там ни было, сейчас об этом стоило забыть — рана всё ещё кровоточила и отдавалась в ключицу тупой пульсирующей болью.

Внутри палатки царил темнота. В дальнем краю, укутавшись в рваное одеяло, кто-то крепко спал, а рядом с ним на импровизированном столике из разобранного ящика стояли лекарственные средства. Виктор решил, что будить больного не стоит, и сам отыскал нужные медикаменты. «Бальзамом» тот парень назвал самый обыкновенный спирт, но отчего-то яркого красноватого цвета. Всего через минуту рана была полностью обработана и накрепко перевязана плотными льняными бинтами. Тут же нашлось и ещё одно одеяло, которое Виктор накинул на себя, дабы прикрыть наготу. Ему вдруг стало стыдно за то, что он ходил по лагерю в таком вызывающем виде, и все на него пялились, как на идиота. Облачившись в покрывало и сделав из него некое подобие тоги, он мысленно попрощался со спящим раненым и покинул палатку.

Его уже ждал один из солдат. Скептически оглядев укутанное в одеяло тело, он скривил хмурую рожу и указал рукой в сторону повозок:

— Пойдёшь туда, Грокотух хочет тебя видеть.

— Ладно, а кто такой этот Грокотух?

— Тот, кому ты жизнью обязан, — гоготнул воин и направился по своим делам.

Повозки стояли полукругом, а между ними на вычурном складном кресле сидел... серокожий монстр. Не тот, которого Виктор повстречал ранним утром, но и этот не внушал доверия. Правда, в отличие от первого чудища, этот Грокотух выглядел на порядок внушительнее и презентабельнее. Он походил на зажиточного купца: красные сапоги, плотные матерчатые штаны, оранжевая рубашка и длинный чёрный камзол нараспашку — всё это было прошито золотом и усеяно блестящими камушками. На голове серокожего красовалась длинная беловолосая шевелюра, собранная в аккуратную косу. Но особый шарм этому существу придавали небольшие очки-пенсне на длинном горбатом носу.

Виктор, всё ещё не до конца отошедший от утреннего боя, неспешно подошёл к Грокотуху и опасно ему поклонился:

— Добрый день. Меня зовут Ви...

— Ве-е-екта?р! Я уже слышать, — улыбнулся серокожий. — А меня ты уже знать, да?

— Знаю только имя. Ещё знаю, что ты хотел меня видеть. И меня зовут не Вектар, а...

— Так-так-так, Вектар. Не знать, кто ты и как сумеешь попасть в эту чащобу, но то, что ты здесь выжить, говорит уже о многом. Поведать Грокотуху свой секрет. А я взамен дать тебе одежда, пища и кров на недолгий срок.

Виктор пожал плечами:

— У меня нет никакого секрета. Есть, конечно, кое-что странное и из ряда вон выходящее, но в целом — всё вполне обыденно. Для вас, в смысле. Потому что для меня всё страннее некуда.

— Это ещё почему? Что же для тебя странно?

Грокотух встал со своего стула и прошёлся до ближайшего обоза. Приподняв матерью, скрывающую содержимое повозки, он вытащил оттуда пару стеклянных бутылей и бросил одну из них своему гостю. Виктор поймал напиток, но откупоривать пробку пока не спешил. Он размышлял, стоит ли открывать караванщику правду, или же придумать правдоподобную ложь. Ведь никто не мог угадать заранее, какой окажется реакция этих ребят на информацию о пришествии некоего пришельца из иного мира. Может, они возьмутся за оружие, или, наоборот, станут перевозить Виктора как героя. А если солгать, то во враньё могут как поверить, так и раскусить его с первого слова. Шанс на благоприятный исход был половинный.

— Ну, я...

— Давай, Вектар. Никто тебя не обидеть. Я за этим проследить.

— Ладно. Так вышло, что мне, кхм, напрочь отшибло память. Очнулся посреди леса абсолютно голый, без оружия. Осматриваюсь, и тут — бац! Появляется один такой, ну, как ты. Серый.

— Как я? Пепельник? — Грокотуха вдруг объял пламенный интерес. — Какой он? Как выглядеть?

— Он был в штанах, сапогах да шапке. Большой такой. Ещё татуировки по всему телу. В общем, напал он на меня, а я его и отметелил по первое число, заставив бежать. Потом я пошёл на запах костра, и теперь стою здесь, перед тобой. Вот и вся, собственно, история.

Караванщика, видимо, больше всего интересовал момент с тем самым чудищем в лесу. Виктор

вдруг вспомнил слова Лагоша о том, что пепельники отпаивают своих детей магмагрогом, и почему-то, глядя на Грокотуха, он не испытывал в этом никаких сомнений.

— Человек, а ты знать, что ты победить мой воин? Глупый, задиристый, но всё же мой воин. Перед рассветом он говорить всем, что его тошнить от каша и он ходить в лес за добыча. Видимо, он найти тебя. Потому что совсем недавно он возвращаться домой со странными ранами. Сейчас его перевязали, и он спать в лазарете. Что ты сказать на это?

Колени Виктора вдруг подкосились. Стоило ли врать дальше? Рассказывать ли Грокотуху о странных рунах на пальцах, или ограничиться коротким описанием боя без магического вмешательства? Подумав, он ответил:

— Он хотел меня убить. Каждый имеет право защищать свою жизнь. И я твоего воина, кстати, не лишил жизни. Когда проснётся — ещё спасибо мне скажет.

Грокотух задумался. Откупорив свою бутылку зубами, он отпил разом половину и оценивающе оглядел своего собеседника:

— Вектар?

— Нет, Вик-тор. Можно просто Вик. Ударение на первый слог. В крайнем случае, Виктор Евгеньевич...

— Странное у тебя имя, человек. Нездешнее. Мой тебе совет — пока ты здесь, не говорить, что тебя зовут Век-тар Ев-ге-не-витч. Лучше назваться нормальное имя. Викферт! У меня есть знакомый Викферт, ты должен называться именно так.

— Хорошо, если это так необходимо. А зачем, кстати, мне нужно переименовываться?

— А затем, чтобы не быть лишних вопросов, — Грокотух вдруг опасно осмотрелся и заговорил на порядок тише. — Слушать сюда, Вик. Если ты завалить Грош'ну, то у тебя определённо талант. А я платить талантливым людям за их умения. Если тебе нужна звонкая монета, ты можешь присоединиться к моему каравану. Всё, что тебе нужно делать — это поглядывать по сторонам да защищать повозки от мелких хищников. Я понятно изъясняюсь?

— Вполне, — кивнул Виктор. — И как долго мне придётся побыть на твоей службе?

— Через шесть дней мы прибывать в Авельон — столица герцогства. Там мы сбывать наш товар и ты можешь быть свободен, как птица. К слову сказать, почти все мои охранники — наёмники из клана «Орлиная тропа». Денег берут много, но репутация у них выше всех похвал. Поговаривают, что десяток таких «орлов» запросто перемолет в муку добрую сотню вооружённых болотников. Ты ведь встречался с болотниками? Знаешь, как с ними бороться?

— К сожалению, пока не довелось, — замялся Виктор, придумывая, что бы ответить. — Но для меня это не проблема. Если надо — хоть болотника, хоть пепельника — всех завалю! И глазом не моргну.

— Вот это характер! — цокнул языком Грокотух и громко рассмеялся. — Что ж, добро пожаловать в наши ряды. Йормлинг, кажется, ждать тебя у костра. Это тот парень с крыльями за спиной, он главный среди наёмников. Сказать ему, что я приказать выдать комплект одежды под твою комплекцию. И поглядеть чего в оружейном сундуке, там наверняка найдётся что-то тебе по вкусу. Но по окончании пути чтоб вернул на место, ясно тебе?

Виктор низко поклонился караванщику и отправился на поиски лидера воинов. По крайней мере, теперь в пока ещё неокрепшей голове земного путешественника появилось небольшое видение происходящего. Во-первых, никто его теперь убивать не собирался. Во-вторых, ему не придётся искать одежду и оружие, или, чего хуже, мастерить всё самому. В-третьих, караван вскоре прибудет в некий Авельон, по-видимому, крупный город, где можно будет если не осесть и обосноваться, то хотя бы получить побольше знаний об этом мире и завести хоть каких-нибудь полезных знакомых.

Подойдя к костру, Виктор кивком поприветствовал всех собравшихся вокруг и присел на бревно рядом с Йормлингом, который как раз доедал свою порцию. Набрав полную тарелку каши, он протянул её Виктору и, усмехнувшись, сказал:

— Ложку, прости, не дам. Руками справишься?

Со всех сторон слышались глупые смешки.

— Справлюсь, справлюсь. Спасибо. Приятного всем вам аппетита, ребята.

Не особо церемонясь, Виктор стал загребать густую белую жижу пальцами. Как оказалось, кашу сварили из пресного риса, при этом слишком сильно пересолив, но организм требовал пищи, и отказываться от такого угощения было бы верхом глупости. Пока тарелка не опустела, Йормлинг не произнёс ни слова, но когда Виктор всё-таки доел, крылатый воин спросил:

— Как, говоришь, тебя зовут? Когда ты только появился, мы услышали какое-то абсолютно непристойное имя. Заморское какое-то.

— Кхм... Викферт меня зовут. И да, я не из этих мест. Из очень-очень далёких краёв. Возможно, настолько далёких, что никто из вас о таких местах даже и не слышал. Да и вообще, какая разница? Если я правильно понял, все здесь присутствующие — наёмники, сдающие свои клинки в аренду этому Грокотуху. У каждого наверняка есть множество тайн, верно?..

— Неверно, Викферт, — покачал головой главный наёмник. — Мы все здесь из одного клана. Живём общиной, скитаемся и воюем группами. Нерушима та стена, в которой мы кирпичи. И секретов друг от друга тоже не держим. Верно, парни?

— Да! — хором ответили солдаты. — «Орлы-ы-ы!»

— Ладно, ладно, — пожал плечами Виктор. — Но сказать, где мой дом, я всё равно не могу. Вы уж простите меня, ребята, но даже не уговаривайте.

— Да знаем мы таких, — махнул рукой Йормлинг. — Нет у тебя дома. Бродяга ты, верно? Так ты по этому поводу особо не переживай. Тут у нас каждый третий бездомный, но оттого не потерявший честь. Ладно, рассказывай, что да как. Какие планы?

— Ну, Грокотух сказал, чтобы ты выдал мне комплект одежды и оружие, потому что я еду с вами до Авельона. А дальше — пока не знаю. Скорее всего, останусь ненадолго в городе, подыщу какую-нибудь непыльную работёнку.

Наёмники переглянулись и о чём-то зашептались. Йормлинг, нахмурившись, спросил:

— Это за какие такие заслуги тебя в эскорт записали? Ты что, воин? Так ты заранее пойми, мы тут не пепельников гоняем, а действительно следим за сохранностью каравана. Не даём ни одной твари подобраться к повозкам. Если надо — так и жизнями своими пожертвуем ради

телег с грузом, потому что нам за это прилично заплатили. А кто ты такой? Ты вообще в боях ранее участвовал?

— Да вот не больше часа назад подрался с одним из ваших. Грош'ну, если память мне не изменяет. Встретились в лесу, слегка повздорили... а теперь он отлёживается в палатке и наверняка втихаря попивает бальзам.

— То есть, ты хочешь сказать, что завалил самого крепкого пепельника из окружения Грокотуха? Пойми, караван полностью принадлежит пепельникам, и единственные люди здесь — это мы. Остальные предпочитают обедать отдельно от нас. И Грош'ну из них, пожалуй, самый сильный. Так что прими мои поздравления.

— Да врёт он всё, — фыркнул кто-то из наёмников. — Я видел, что у того пепельника рука вся опалена была. Как ты это сделал, Викферт? Избил беднягу факелом? Хе-хе...

— Да не собираюсь я оправдываться, — гордо поднял голову Виктор. — Победил, и всё тут. Он первым на меня набросился, а я всего лишь отбивался.

Йормлинг встал и похлопал новоиспечённого защитника каравана по плечу:

— Доедай и пойдём подбирать тебе комплект по фигуре. Если не найдём нужного — выдам иглу да нитки, будешь ушивать по себе. И не бери из оружия то, с чем не сможешь совладать.

Виктор кивнул и отправил остатки каши себе в рот. Насытившись, он благодарно кивнул за предоставленную пищу наёмникам и пошёл вслед за их лидером. Йормлинг сразу сообразил, что лучше всего подойдёт Вику и выбрал ему лёгкий комплект обмундирования: сапоги, мешковатые штаны, белую рубаху и плотный кожаный камзол. Обувь была уже поношенной, обе подошвы давным-давно исхудали, но жаловаться не приходилось — это казалось лучше, чем шнырять босиком по колючей лесной траве. От верхней одежды заметно пахло потом, а чересчур широкие в талии штаны пришлось опоясывать витым ремнём.

Пока Виктор переодевался, Йормлинг притащил крупный гремящий сундук. Внутри лежали десятки разномастных клинков и кинжалов, топоров и булав. Видимо, все трофеи, собранные на поле боя, «Орлы» складировали именно тут.

— Фехтуешь? — спросил лидер наёмников. — Думается мне, что самым оптимальным вариантом будет именно одноручный меч или сабля.

— Самую малость. Я больше кулаками да ногами...

Виктор не стал говорить, что в своей молодости он потратил почти пятнадцать лет на спортзал и занятия боевыми искусствами. Конечно, сверх-бойцом стать не удалось, но заурядных хулиганов одолевать получалось без каких-либо проблем. Оставалось лишь надеяться на то, что спустя столько лет навыки всё ещё сохранились и могут в подходящий момент хоть как-то помочь в этом суровом мире, где наличие оружия на поясе сродни ношению мобильного телефона в кармане в нашем мире.

— Ну, ты всё равно возьми клинок. Вот, например, попробуй рапиру, — Йормлинг достал меч с тонким лезвием и бросил его рукоятью вперёд. Виктор поймал меч на лету и оглядел со всех сторон красивый эфес оружия. Изящная гарда дважды опоясывала основание клинка и плавно переходила в черен, где завивалась вокруг него и в самом конце облачалась шарообразным навершием.

— Эффектно, — признал Виктор. — А почему именно рапира? По-моему, стилю боя со шпагой нужно долго и упорно учиться, а каким-нибудь тесаком раз и отрубил врагу голову.

— Какие-то у тебя поверхностные знания о холодном оружии, Викферт, — нахмурился «Орёл». — Во-первых, рапира — самый лёгкий из мечей, что тут есть. Во-вторых, даже, как ты изволил выразиться, тесаком махать тоже надо учиться. Если хочешь, я как-нибудь проведу с тобой парочку тренировочных боёв, научу основным стойкам и нескольким самым распространённым выпадам, и ты поймёшь, почему я выбрал именно рапиру.

— С удовольствием приму это предложение, — Виктор заткнул своё новое оружие за пояс, и теперь, когда с выбором одежды и вооружения было покончено, облачённый и насытившийся землянин решил задать давно терзающий его голову вопрос своему новому товарищу. — Эй, дружище, могу я кое о чём тебя спросить?

Йормлинг, закрывая сундук и унося его в сторону, коротко бросил:

— Конечно, спрашивай.

Виктор перемялся с ноги на ногу и вдруг решил, что его могут счесть сумасшедшим. Или врагом. Или и тем и тем вместе взятым. В любом случае, отступить назад было уже нельзя, так что вопрос прозвучал решительно, хоть голос слегка и подрагивал:

— Ты веришь в магию, Йормлинг?

Наёмник вдруг остановился, неспешно повернулся в сторону Вика и поставил сундук на землю. Подошёл чуть ближе и вопросительно повёл бровью:

— К чему такой странный вопрос? Ты ведь не сомневаешься в собственном существовании, верно?

— Верно. То есть, ты хочешь сказать, что у вас тут магия всё-таки есть, да? — со странным придыханием спросил Виктор, глаза которого уже загорелись от любопытства.

— У нас? Викферт, с тобой всё в порядке? У кого это — у нас? «Орлы» ни шаманствами, ни друидизмом не пользуются, не наше это всё. Но мне и самому не раз довелось видеть, как волшебники высекают огненные шары прямо из воздуха и заставляют склониться ветра к их коленям. Вот и скажи, как можно не верить в то, что ты видел собственными глазами?

Виктор кивнул. На данный момент информации для размышления хватало с лихвой. Сердечно поблагодарив Йормлинга за предоставленное вооружение и одежду, он решил всё как следует обмозговать где-нибудь вдали от шумного сборища наёмников и решить, стоит ли кому-нибудь открывать всю правду. С одной стороны, можно было довериться лидеру наёмников и понадеяться на его бескорыстную помощь в освоении пока неизвестно чего, а с другой — никто не запрещал поделиться секретом с Грохотухом, который статусом явно был повыше любого из людей во всём этом караване. Сердцем Виктор чувствовал, что открывать тайну сразу обоим — очень плохая мысль, да и вообще торопиться с саморазоблачением было некуда.

Улёгшись в тени палатки, в которой отдыхал раненый Грош'ну, Вик и сам не заметил, как задремал. И на этот раз сны всё-таки появились, да такие, какие не посещали иномирца уже давно. Виктору снилось, как он борется при помощи одной лишь рапиры с целой армией злобно ревущих пепельников и побеждает их, словно против него стоят маленькие дети, а не жестокие чудища. А когда на фоне всего этого сна вдруг промелькнула хитро улыбающаяся фигура в белом стилизёвском костюме и квадратных чёрных очках, наваждение мгновенно испарилось.

ГЛАВА 3

Когда Виктор проснулся, его отдохнувший разум потребовал не отлёживаться в тенишке, а искать ответы на все свои вопросы. Первым делом надо было где-нибудь раздобыть зеркало и посмотреть, как выглядит обновлённое и омоложенное тело со стороны, и любопытство не давало Виктору думать о чём-нибудь другом. Зеркала, увы, во всём лагере не нашлось, так что пришлось довольствоваться своим размытым отражением в бочке с мутноватой водой. Но и этого вполне хватило для того, чтобы чуть не задохнуться от внезапно нахлынувшего счастья.

Разумеется, обвислости, морщины и небольшие пурпурные пятна, что были разбросаны по щекам и лбу в силу возраста, исчезли без следа. Теперь лицо выглядело подтянутым и эластичным, без видимых признаков каких-либо травм. Над пронзительными серыми глазами росли аккуратные приподнятые к внешним концам брови. Вокруг чуть поджатых губ расположилась без единого намёка на старческую седину густая щетина. Волосы также омолодились — они стали длинными и русыми, а плешь, которая давно уже стала обыденностью для умирающего старика, исчезла полностью и бесповоротно.

И, самое главное, зрение, слух, обоняние — всё это многократно усилилось. Теперь не нужно было носить очки, ведь глаза видели более чем отлично без какой-либо внешней помощи. И если лет пятьдесят назад Виктор не придавал особого значения остроте своего зрения, то в сравнении с тем, что было в семьдесят пять, оно показалось ему просто божественным. За этот дар Виктор снова мысленно поблагодарил Лагоша, надеясь, что никакого подвоха в омоложении чувств нет и не будет.

Солнце уже вошло в зенит, и, как ожидалось, на лес нахлынула духота. Даже в тени столбик термометра, если бы он в этом мире существовал, наверняка переваливал за тридцать-тридцать пять градусов, но «Орлы» и изредка появляющиеся пепельники Грокотуха (они вообще нечасто были на виду) вроде бы переносят такой климат как должное, и даже с некой толикой удовольствия. Ни один воин не снял с себя кирасу или шлем, не спрятался от палящего зноя в палатку. Почти все либо восседали вокруг костра, либо патрулировали стоянку.

Понимая, что от жары всё равно не спрятаться, Виктор решил стиснуть зубы и найти караванщика, чтобы задать ему ещё несколько вопросов. Грокотух нашёл неподалёку от лагеря. Оторвавшись от созерцания леса, он широко улыбнулся Виктору и помахал ему своей четырёхпалой рукой. То, что на руках у этих монстров не по пять, а по четыре пальца, стало понятно лишь сейчас, когда появилось время рассмотреть всё и всех более детально.

— Эй, Викферт! Как ты поспать? Я уже начинать беспокоиться. Караван отходить через пару часов. Ты уметь скакать на коне, да?

Виктор слегка замялся:

— А на повозке можно? Честно говоря, я был в седле в последний раз давным-давно, когда мне было лет десять. Я совершенно не помню, как нужно правильно прищпоривать лошадь, как отдавать ей команды и как с неё не падать. Я бы лучше на телеге поехал...

Грокотух упёр кулаки в бока и нахмурился, но вскоре потряхнул головой и задорно рассмеялся:

— Ладно уж. Доброте моей предела нет, хе-хе! Будешь сидеть рядом со мной. Ты скрасить мне поездку!

Виктор благодарно кивнул:

— Спасибо.

— Не стоит, не стоит. Я тебе за это даже заплачу. Не как «Орлам», конечно, но немного монет в конце путешествия зазвенит в твоём кармане. А заодно ты расскажешь мне о себе подробнее. Мне думать, что ты не так прост, как кажешься на первый взгляд.

Зазывной тон Грокотуха говорил, что от неприятных вопросов со стороны караванщика отделаться не получится, а потому, скорее всего, придётся открыть ему всю правду про другой мир, таинственного Лагоша и его странное безвозмездное предложение.

— Ладно, ты пока иди и помогай всем собраться, а через два часа подходи к головной повозке. Я тебя там ждать.

Виктор снова кивнул и побрёл к «Орлам», которые уже постепенно сворачивали свой лагерь. Почему-то теперь над Виктором никто не смеялся, не подшучивал и не называл лжецом. Возможно, из-за рапиры на поясе, потому что любой высокий и крепко сложенный человек с оружием в ножнах даже полным своим бездействием уже будет внушать окружающим хоть немного доверия и уважения. Виктор бескорыстно помогал всем перетаскивать покрывала, мешки с провизией и прочие походные вещи обратно в грузовой обоз. Йормлинг, наблюдая за помощью нового защитника каравана, делал свои выводы, но говорить ничего не стал. Со стороны казалось, что он просто присматривается к Виктору, наблюдает за ним, оценивает. Может, чем чёрт не шутит, думает даже взять его в свой наёмничий клан. Но пока что он просто стоял неподалёку и, скрестив руки на груди, смотрел.

А Виктор тем временем успел познакомиться с несколькими наёмниками поближе. По сути, они оказались очень даже неплохими ребятами. Почти все «Орлы» всегда были жизнерадостны и полны энтузиазма. Они жили так, будто сегодня последний день в лихой и полной опасностей жизни. Ни о чём не жалели и никогда не грустили, да и о будущем думали мало. Все их мысли обращались на задание, за которое заказчик платит кругленькую сумму. Как рассказал один из новых знакомых, пару дней назад оплата наёмников окупилась сторицей. Когда караван шёл по тракту, на обозы вдруг напала целая орава лесных разбойников — около сорока человек и десятка пепельников. Они надеялись застать защиту врасплох, но не тут-то было. «Орлы» полностью оправдали свою репутацию и всего за минуту перебили всех бандитов, не понеся при этом ни единой потери. Защитники даже не стали собирать трофеи — у нападавших были лишь ржавые затупленные мечи, топоры для рубки деревьев да неказистые дубины. Послушав этот рассказ, Виктор стал чувствовать себя в относительной безопасности рядом с «Орлами» и решил от них далеко не отходить. Мало ли — вдруг лесные бандиты нападут снова.

Когда караван уже был готов к пути, оказалось, что пропал горе-герой Грош'ну. Искали все вместе почти полчаса, и нашли его неподалёку среди высоких кустов. Он прятался там и, кажется, потихоньку сходил с ума. Раненый пепельник сидел на гладком камне и, поджав под себя колени, раскачивался взад-вперёд. При этом он постоянно что-то бормотал и глядел куда-то вдаль, не обращая ни на кого ни малейшего внимания.

Когда же перед его взором появился Виктор, Грош'ну громко закричал, и, резко вскочив, попытался убежать. Грокотуха, наблюдая неадекватное поведение соплеменника, приказал его схватить и силой притащить в один из обозов, чтобы потом показать ополоумевшего пепельника лекарю в Авельоне.

И вот, когда все, наконец, собрались и приготовились отчаливать, караван медленно тронулся в путь. Двенадцать крытых повозок одна за другой поехали по узкой лесной дороге. Собственно,

груз, который требовалось доставить до точки назначения, находился лишь в восьми обозах, которые шли сразу за головным. Следом пристроились две транспортные телеги, в которых ютились восемь пепельников Грокотуха, не считая тех, что работали сейчас кучерами. Кто они и чем занимаются кроме хлестания лошадей кнутами, караванщик пока не говорил. Замыкал колонну большой и красивый дилижанс «Орлов», который принадлежал только им. В нём наёмники иногда отдыхали, а также перевозили все свои личные вещи и завоёванные в боях трофеи.

Наёмников насчитывалось двадцать два, включая их командира — Йормлинга. Защитники разделились по десять человек и разошлись в разные стороны подле каравана, а оставшиеся двое замыкали охранную процессию, предупреждая возможный удар в спину.

Грокотух не гнушался сам править своим обозом. Он держался за поводья так, словно делал это всю свою сознательную жизнь. Возможно, так оно и было. Виктор сидел рядом с караванщиком и, изнемогая от жары, осматривал окрестности. Путешествуя и оглядываться по сторонам, при этом не двигая ногами, даже несмотря на погоду, оказалось занятием чертовски приятным. Пейзажи выглядели более чем живописными: вскоре густой хвойный лес сменился смешанным, а спустя полдня и вовсе превратился в лиственный. Иногда удавалось заметить местную живность — то птичка пролетит, то какой-нибудь олень проскочит по тракту. В общем, скукой здесь и не пахло — занятие всякий раз само себя находило.

Кроме всего прочего, караванщик постоянно болтал о какой-нибудь бесполезной чепухе. Как понял Виктор из двухчасового рассказа, Грокотуху сейчас почти полвека отроду, и поставками редких товаров занимался ещё его отец, по стопам которого и пришлось пойти серокожему вопреки своей воле. У Грокотуха в своё время были жена и дети, он даже планировал отойти от дел, но двадцать лет назад между людьми и пепельниками разгорелся очень неприятный конфликт, плавно переросший в крупномасштабную войну. Правивший тогда у серокожих хан без зазрений совести грабил пограничные города Авельонского герцогства, и герцог, разумеется, не мог оставить эту наглость без внимания. Собрав неслабую армию, он провёл крупномасштабную наступательную кампанию и продвинулся до самой столицы пустынного Лавеоцкого ханства — родных мест всех пепельников — и вздёрнул хана на собственных кишках. Надо сказать, серокожие были только рады свержению тирана, и с тех пор между людьми и пепельниками воцарился прочный мир. Но, увы, в той войне от рук наступающей армии герцога погибла вся семья Грокотуха. Сперва он злился и ненавидел всех людей на свете, жаждал мести, но спустя много лет пришёл в себя и продолжил заниматься торговлей. Так по сей день и катается из пустыни в герцогство и обратно, старательно обходя стороной популярные тракты, потому что, по словам Грокотуха, в обозах частенько приходится провозить контрабанду, за которую сборщики налогов или гвардейские дознаватели по головке не погладят, да ещё могут на долгие-долгие годы без зазрений совести бросить в холодную и мрачную подземную темницу.

Виктор аккуратно расспрашивал Грокотуха о магии и её проявлениях в обыденной жизни, дабы не вызвать к себе каких-нибудь подозрений. Караванщик с удовольствием рассказывал обо всём, что знал сам. Он поведал о том, что в мире есть всего два Великих чародея. Первый — человек — живёт в замке герцога Авельонского. В основном, занимается дипломатией и редко прибегает к настоящему чародейству, но когда ему приходится пускать в ход свой посох — все враги в ужасе разбегаются, а друзья ютятся к магу как можно ближе. Второй — пепельник — отшельничает где-то в лесах далеко на западе. Его практически невозможно отыскать, даже если вдруг появилась такая нужда, но вот сам он всегда появляется в самый неожиданный момент. Иногда приходит на празднества или казни каких-нибудь популярных, чаще всего преступных личностей. Последнее мероприятие он любит больше всего. Поговаривают, что иногда этот маг-пепельник сам переодевается палачом и свершает над преступниками святое

правосудие, но подтверждения этой легенде никто привести не может.

Почти в каждом крупном городе есть свои боевые маги, но их сила не чета великим чародеям. А тех, кто только начал постигать основы колдовства, и уже возомнил себя архимагами, и вовсе не счесть. Где-то на севере, на берегу заледенелого океана, стоит старинная цитадель, где Объединённый Орден Волшебников обучает молодняк. Виктор подумал, что, возможно, ему стоит обратиться в этот самый Орден и рассказать о том утреннем случае с горящими руками и рунами на пальцах.

Под конец рассказа о волшебстве, Грокотух вдруг странно покосился на Виктора и спросил:

— А ты чего, совсем ничего не знаешь? Откуда же ты появишься, раз тебе всё незнакомо да неведомо?

Виктор собрался с мыслями и стал размышлять, раскрывать ли караванщику свою тайну прямо сейчас, или же дожидаться какого-то иного момента. Он подумал, что Грокотух на первый и даже на второй взгляд не казался злодеем или бесчувственным чудовищем. Напротив, его весёлый нрав настраивал окружающих на позитивную волну; пепельнику хотелось доверять, что Виктор, в конце концов, всё-таки и решил сделать:

— В общем, мне нужно тебе кое-что рассказать, Грокотух. Но, боюсь, то, что я сейчас скажу, может иметь для меня очень негативные последствия. Заметь, я сам захотел тебе довериться, так что надеюсь и на ответный жест от тебя того же плана.

Караванщик огляделся, не подслушивает ли кто, и сказал:

— Говорить, что тебя тревожить, друг. Я выслушать тебя и помочь, чем смогу. В пределах разумного, конечно. И никому ничего не сказать, если ты не хочешь.

Виктор сделал глубокий вдох и на миг задумался: если вдруг Лагош и впрямь какой-нибудь великий колдун, то наверняка он не стал бы посылать в этот мир старика с Земли, чтобы вот так просто дать умереть — просто из-за сказанной не тому человеку (или пепельнику) правды. В конце концов, наверняка Лагош предсказывал, что Виктор захочет с кем-нибудь поделиться своими секретами. Иномирец, всё обдумав, воспрянул духом, выпрямил спину и гордо, но коротко выпалил:

— Я пришёл сюда из другого мира.

Грокотух поперхнулся и закашлялся, резко потянул на себя поводья. Первый обоз остановился, а за ним и весь караван. Придя в себя, пепельник махнул рукой Йормлингу, мол, всё в порядке, и погнал лошадей вперёд. Движение продолжилось.

— Что-то ты сказать? — уже на порядок тише переспросил он. — Я, наверное, не расслышать...

— Да нет, ты всё верно расслышал. Я не из вашего мира. Меня сюда перенёс один... наверное, волшебник, но я не уверен.

Грокотух внимательно смотрел на Виктора недоумевающим взглядом, и тот, пожав плечами, продолжил рассказ:

— Есть кое-что, наверное, поинтереснее переноса в вашу реальность. На своей родине мне было почти семьдесят шесть, и в моих лёгких находилась неоперабельная опухоль. Жить мне оставалось от силы месяц. И тут появился этот парень. Назвался Лагошем. Предложил мне

снова стать молодым, но при условии, что он перенесёт меня сюда, к вам. Я согласился. Потом очнулся в лесу, а твой товарищ Грош'ну на меня с ножом и дубиной полез. Остальное ты знаешь.

Караванщик задумался. Нервно облизнул губы длинным чёрным языком. Снова закашлялся.

— Я понимаю, что история, возможно, звучит неправдоподобно, но клянусь своей жизнью, что я не лгу. Я даже не знаю, как доказать своё иномирское происхождение. Кроме того, я каким-то образом отлично понимаю ваш язык, хотя он совсем уж не похож ни на мой родной русский, ни на английский, который я знаю более-менее хорошо.

— Положить, языку тебя во время «перехода» обучить тот самый... как ты его назвать?

— Лагош.

— Да, Лагош. Очень знакомое имя. Я точно его раньше где-то слышать. Надо бы поговорить с одним знакомым, который жить в Авельоне. Как только мы приедем в столицу, я тебя проводить к нему, если хочешь. Он тебе точно поможет. Я гарантирую это.

— С удовольствием приму твою помощь. Но почему ты хочешь мне помочь? Какая тебе с этого выгода?

— Честно говорить, я не корыстен, хоть и участь моя — торговцем быть. Думать, что если я сделаю что-то хорошее, однажды мне это воздастся по заслугам. Так говорить мои боги, — Грокотух погладил висящий на шее медальон с изображением чьей-то зубастой, похожей на крокодилю, пасти. — А с тобой сейчас мы поступить так: ты пока никому не говоришь о своём происхождении, хорошо? Тебе повезло, что я к этому нормально отнесюсь. А «Орлы» могут запросто зарезать!

Виктор сглотнул подскочивший к горлу комок и поблагодарил сам себя за то, что не стал рассказывать о себе и своём «волшебном» случае Йормлингу.

— А вообще, возможно про меня когда-нибудь потом будут говорить: «Вот, это же Грокотух! Это он оказал первые почести герою Викферту!». Хе-хе-хе...

Караванщик хрустнул шеей и, улыбаясь, продолжил вести лошадей через чащобу. У Виктора словно камень с души свалился, когда он окончательно осознал, что ни к чему плохому его короткая исповедь не привела. Грокотух начал что-то насвистывать, и, видимо, обмозговывать фантастический рассказ своего собеседника. Виктор решил пока помолчать и дать караванщику возможность разложить все полученные сведения по своим мозговым полочкам.

Кто-то из сидящих повозках пепельников стал красиво перебирать струны похожего на классическую гитару музыкального инструмента, а несколько скачущих неподалёку «Орлов» затянули длинную балладу. Виктор окончательно расслабился и предался сладкому полудрёму, попутно слушая местный фольклор на протяжении почти трёх часов. Певцы поочередно менялись, словно забывая о том, что во враждебной среде нужно быть тише и осторожнее, а к струнному инструменту сперва добавилась флейта, а после этого там-там. Наёмники пели о годах славной войны, когда объединённая армия людей и их серокожих союзников с честью сражалась с некими болотниками, которые «...смеясь, грохоча, поражали стрелой; погибнуть тогда было страшной судьбой. Детей не жалели, да баб убивали, мужчин и мальчишек в рабы забирали. Весь скот уводили к себе на болота, броня их прошита была позолотой...».

— Эй, друг, — толкнул Виктор караванщика. — А кто такие болотники?

— О, брат! — Грокотух воздел палец к небу. — Такие сволочи, коих нигде не сыскать больше! Раньше они только на своих болотах жить, ну, там, под Акемо. А потом их что-то двигать сюда, на наши широты. Только они приходят без мира, а сразу начинать войну! Но мы их тогда победить. Давно. Уже почти столетие назад.

— Под Акемо? Где это?

Грокотух посмотрел на Виктора, словно на идиота, но вдруг вспомнил, что тот из иного мира и пустился в объяснения:

— Наша планета — Пакемо — вращаться вокруг огромной Акемо. Ты слышать об этом?

— Да, кажется, Лагош что-то об этом говорил... Пакемо — это один из тринадцати спутников, да?

— Именно так. Но так уж выходит, что наша планета всегда обращена к Акемо лишь одной своей стороной. И вот на этой стороне жить болотники. Собственно, когда мы доберемся до Авельона, ты сможешь увидеть на горизонте один из полюсов Акемо.

Виктор кивнул и взял на заметку, что тот мир, где он сейчас находится — это луна огромного газового гиганта, и приливная сила Акемо синхронизирует собственное вращение спутника вокруг своей оси так, что Пакемо всегда повернут к гиганту лишь одним боком. Из памяти вдруг возникло лицо Лизы, которая однажды рассказала Виктору о том, что Луна с Земли всегда видна лишь одной своей стороной, что породило огромное количество теорий заговора, баек о сверхсекретных нацистских базах на тёмной стороне спутника и прочих глупостях.

— Но ты не расслабляться, — сказал Грокотух, оглядываясь по сторонам. — В наших лесах оставаться ещё много этих зеленокожих лягушек. Они часто вгрызаться в спину, и эти твари попадаться мне много раз во время моих странствований, но я всегда хорошо платить за охрану, и поэтому со мной всегда всё в порядке. А «Орлы» лучшие в своём деле — держать в руках клинки они уметь лучше всех. Мы сотрудничать уже далеко не в первый год, хе-хе...

Караванчик снова пустился в долгий рассказ. Как заметил Виктор, тот гораздо больше любил повествовать, нежели слушать. Грокотух стал подробно объяснять, почему болотники проиграли ту войну, привёл массу цифр и процентных соотношений, будто он был историком, а не простым караванщиком. Как выяснилось, болотники слабо походили на людей и пепельников как образом жизни, так и внешним видом. Средний болотник имеет рост почти два с половиной метра, невероятно тощее телосложение и тёмно-зелёный окрас кожи. Он покрыт странными багровыми наростами, а его глаза абсолютно белые, словно вовсе не имеющие радужки или зрачков. Длинные вьющиеся локоны чаще всего имеют медный оттенок, а оттопыренные остроконечные уши болотники почти всегда скрывают под странными головными уборами, очень напоминающими крупные морские раковины.

Живут эти воинственные создания во влажной и тёмной среде, и самыми излюбленными местами их обитания являются, как нетрудно догадаться, лесные болота и чащобные топи. К счастью, большинство таких мест располагается довольно далеко от герцогства, так что набеги зеленокожих варваров здесь очень нечасты.

Как сказал Грокотух, в Авельоне проживает несколько десятков, возможно, около сотни болотников. Все они либо беженцы, либо прислуга у знатных людей, потому что на более почётную работу ни одного из этих великанов не берут. Видимо, ещё со времён войны осталась лютая ненависть и предвзятость, аналогичная «чёрному» рабовладению в старой Америке. Зеленокожие заморцы, как их иногда называют, даже будучи жителями графства, редко

вызывают симпатии пепельников и людей.

Так за разговорами и пролетел целый день. Ближе к закату караван остановился на час, чтобы охрана и кучера могли как следует поесть и немного передохнуть. Когда же солнце практически село и на лес опустились сумерки, повозки встали полукругом, и между ними развели большой костёр, возле которого все собрались на плотный ужин и ночлег. «Орлы», разумеется, бдительности не теряли, и как минимум треть охранников постоянно находилась на посту. А Йормлинг, несмотря на усталость, решил стоять в карауле всю ночь. Впрочем, он практиковал многодневную бессонницу, как и все ночи до этого дня, как сказал Виктору один из наёмников. Лидер «Орлов» владел очень странной техникой сознания и бодрствования, которая позволяла ему не спать по несколько дней кряду, лишь периодически подрёмывая в седле, оставаясь при этом абсолютно боеспособным членом отряда.

Виктору казалось, что день тянулся слишком уж долго. Спросив о длине суток у Грокотуха, он подтвердил свои догадки: время в этом мире протекало несколько иначе, нежели на Земле. День на Пакемо длится почти тридцать три часа, а полный оборот вокруг солнца спутник вместе со своим родителем-гигантом совершает за пятьсот пятьдесят суток, из которых лишь сотня приходится на зиму, а остальное время берёт на себя жаркое, но плодородное лето. А на землях болотников, где над их головами постоянно маячит тень огромной планеты, всегда очень влажно и темно, что создаёт так называемый парниковый эффект. «Если уж тут, на светлой стороне, так душно, то что же творится там?» — с ужасом подумал Виктор, приступая к вечерней трапезе.

— Итак, девчонки, за безмятежную ночь! — поднял свою кружку с магмагрогом один из наёмников, который назвался Бэйном. Этот крепкий усатый парень был ещё молод, но уже сыскал уважение своих товарищей, активно участвуя во всех боях и не щадя своих врагов.

— За ночь! — поддержали его остальные.

Виктор от алкоголя отказался: стоило ему лишь вспомнить о первом глотке этой дряни ещё там, в своей старой квартире, как в горле запершило, а желудок вдруг сжался в комок. Вместо магмагрога ему налили перепелиного бульона, чему Виктор был несказанно рад.

Пока «Орлы» развлекались, а пепельники, по обычаю, ютились в своих повозках, Грокотух отвёл Виктора в сторонку и, усадив его на поваленное бревно, спросил:

— Викферт, ты уверен, что не знаешь, как тот Лагош переносить тебя в наш мир? Ты совсем-совсем ничего не помнишь?

— Совсем-совсем, друг, — пожал плечами Вик. — Я же говорю: мы обменялись рукопожатиями и он исчез. Потом я уснул и...

— Ладно, ладно, я понимаю. Ничего страшного, об этом я ещё поспрашивать знающих людей. Просто я тут подумать: а что, если бы существовать способ наладить поставку товаров из вашего мира в наш и наоборот? Ты только представь, какие деньги на это можно сделать! И не только деньги. Я знаю несколько личностей, которые за булыжник с вашей планеты отдадут половину герцогства в награду... наверняка и у вас есть такие люди.

Виктор задумался. Да, подумал он, наверняка на Земле найдутся те, кто заплатят целое состояние за одни только доказательства существования Пакемо. Но как тех людей найти? Лагош сказал, что обратного пути не будет, и эта мысль вдруг вызвала у Виктора немую тоску.

— Может, и есть возможность так сделать. Да только назад я вернуться не могу, Грокотух.

— А мы найти того чародея и уговорить его на сделку. А? Что сказать на это, Викферт?

— Ну, предположим, я согласен. С чего нужно начать? Мы всё ещё находимся в глухом лесу и увидим признаки цивилизации только через несколько суток. К тому же, ты и понятия не имеешь, с кем я тогда столкнулся. Может, это не колдун был, а кто-то другой. Он наверняка может менять внешность. И ещё — его костюм и антураж чересчур мало походили на одежду и стиль вашего мира. Скорее всего, он был землянином.

Караванщик отрицательно покачал головой:

— Говорить же, я точно слышать это имя раньше. Очень знакомое. Когда доберемся до Авельон, я всё узнаю. Всё-всё-всё. Ладно, возвращаться к костру и ужинать, скоро мы отправляться в путь.

Бархатистый бас Грокотуха успокаивал и настраивал на добрый лад. Виктор улыбнулся и, кивнув, вернулся к «Орлам», откуда уже доносился манящий аромат овощного рагу с мясом: кое-кто из наёмников недавно подстрелил оленя. «Орлы», казалось, не желали оставлять от дичи ни косточки. Особо бесстрашные воины обглаживали копыта или соскабливали остатки сырого мяса с внутренней стороны шкур. Виктору повезло. Йормлинг приберёт для него сочную вырезку, и этот жест доброты на фоне общего веселья показался пока ещё не до конца освоившемуся здесь иномирцу верхом гостеприимства. Этот мир всё больше и больше казался Виктору приветливым и безопасным, но рассказы о жутких болотниках и живописное обмундирование наёмников немного сбивали положительную спесь.

Под конец ужина несколько «Орлов» всё-таки скинули с себя доспехи и клинки, после чего разделились на две команды по четыре человека и устроили неподалёку от костра показательный бой стенка-на-стенку. Сперва Виктор решил, что в стане людей возник какой-то конфликт, но после выяснилось, что такие кулачные драки эти ребята устраивали ежедневно. Гогот драчунов и подбадривание товарищей говорили о том, что и зрителям и бойцам это действие приносило массу удовольствия. Однако, Йормлинг стоял в стороне и всё время как-то косо поглядывал на Виктора, не особо обращая внимания на зрелищный бой, из которого никто без синяков и кровоподтёков не вышел.

Когда настала пора трогаться в путь, обе команды обменялись крепкими объятиями и, вновь натянув на потные разгорячённые тела свои доспехи, расселись по лошадям. Виктор помог «Орлам» собраться, после чего вернулся на головной обоз и уселся рядом с Грокотухом, но караванщика на месте не оказалось. Вместо него поводья держал один из подсобных пепельников. На вопрос «Где командир?» этот серокожий ответил, что Грокотух прилёг отдохнуть, и в эту ночь вести караван не будет.

Виктор решил, что несколько часов в молчании помогут лучше сконцентрироваться на задании, ведь ему всё ещё нужно стеречь караван. Усевшись поудобнее, Виктор стал внимательно разглядывать каждый кустик, каждое деревце, мимо которого проезжал обоз, и не заметил, как вдруг весь этот лесной калейдоскоп, наполненный стрекотанием сверчков, уханьем сов и волчьим воем утянул его в глубокий сон.

Внеплановая передышка оказалась очень недолгой. Медленно бредущий по узкой лесной тропе караван поджидала тщательно подготовленная засада.

ГЛАВА 4

Лицо Виктора обдало чем-то тёплым и вязким, и глаза залила странная масляная жидкость. Сон моментально улетучился, во многом благодаря тому, что вокруг все шумели и галдели,

повсюду слышался лязг металла и грозные боевые кличи. Как можно скорее оттерев себя от чего-то неприятного, Виктор понял, что это была чёрная, как ночь, кровь того пепельника, что сидел рядом и вёл караван через лес. Сам же кучер откинулся назад, закатив глаза: его шея была насквозь пробита толстой стрелой с ужасающим раздвоенным наконечником, будто кучера поразила не стрела, а короткое метательное копьё. Но яркое густое оперение однозначно указывало на тип снаряда. Кто бы ни был стрелком, собственной силой и мощностью луком этот парень мог гордиться.

Прострация прошла почти сразу. Виктора словно кто-то повёл за ручку, помогая ему одним прыжком слезть с повозки и спрятаться за ней, дабы не получить в грудь что-нибудь смертельно острое. Затаившись, Виктор огляделся. «Орлы» мигом собрались в единый кулак и, размахивая клинками и копьями, поскакали на показавшегося из-за деревьев врага. Кем оказались нападавшие, пока было неясно, но судя по дневным рассказам наёмников, опаснее голодных разбойников тут никого находиться не могло.

Пепельники столпились возле каравана, оцетинившись своими палицами и топорами. Их не обучали военному делу, но защищать свою жизнь они, видимо, всё-таки умели. В гущу боя не лезли, но и бежать явно не собирались. Присмотревшись, Виктор понял, что серокожие своими телами закрывали Грокотуха, который уже успел вооружиться каким-то огнестрельным оружием, издав далеко похожим на пищаль. Караванчик выглядел готовым рвать и метать за свой товар. Он коротко отдавал своим подчинённым приказы, и те, кивая, слегка улыбались. Такой преданности Виктор не ожидал и подумал о том, что в его родном мире, на Земле, вряд ли кто-то вот так, с такой самоотверженностью встанет грудью за простые материальные блага. Может, раньше так оно и было, но в двадцать первом столетии, веке информации, ценности изменились и стали несколько иными.

Виктор вдруг вспомнил о своих обязанностях, больно стукнул себя по лбу, собрался с духом и нехотя вытащил из ножен рапиру. Рукоять податливо легла в ладонь, гарда словно оплела руку, защищая её и оберегая. Лезвие слегка завибрировало и затряслось, издавая тихий свистящий звук, но вскоре успокоилось — сталь была многослойной и явно прочной. Кроме того, сам факт наличия оружия в руках придавал уверенности и даровал фальшивое чувство защищённости. Виктор так крепко сжал рукоять, что побелели костяшки пальцев, и аккуратно выглянул из-за повозок.

Вовсю шёл бой. «Орлы», не слезая с лошадей, рубили странные силуэты, совсем не похожие на людей. Противники были высокими, но пешими, а потому всадники почти без труда справлялись с беспечными разбойниками. Нападавшие пытались окружить скакунов, загонять их длинными копьями, но наёмники ловко вырывались из петель и яростно кромсали всех, кто попадался им под руку. Лес наполнился агонизирующими предсмертными воплями и стонами, смешанными с воинственными криками «Орлов». Две стороны закрутились в смертельном танце, и всё действие походило на загон оленей волками, в которых олени вдруг насмерть стали загрызать свирепых хищников, отчего последние находились в полной растерянности и даже в некотором ужасе. И среди всего этого адского водоворота взгляд Виктора вычленил фигуру Йормлинга, крылья которого были раскрыты, словно в бою принимала участие огромная белая птица. Лидер наёмников двигался быстрее ветра, не обращая внимания на боль или усталость. Один его вид внушал соратникам веру в победу, что, скорее всего, и решало исход битвы в пользу защитников. Мужественности Йормлинга могли позавидовать многие земные вояки. Всё вокруг выглядело так, будто он не воин на поле боя, а профессиональный повар на кухне — так грациозно Йормлинг парировал все атаки, безмятежно, но стремительно подбирался к следующему и шинковал его своим клинком. Затем оборачивался, что-то выкрикивал и вновь пронзал грудь очередного врага острым как игла лезвием. Виктор даже залюбовался рисовавшейся прямо на его глазах картиной, на миг забыв

обо всём остальном.

А, тем временем, несколько разбойников окружили караван с другой стороны и неожиданно напали на собравшихся вокруг Грокотуха пепельников. Они не стали таиться и заявили как хозяева, заставив Виктора оторваться от завораживающего осмотра битвы и повернуть в их сторону голову. Тут-то при свете фонаря Виктор, наконец, разглядел противников и тихо ахнул: это были те самые болотники, о которых караванщик рассказывал совсем недавно. Они действительно оказались очень высокими, но невероятно худыми. Их доспехи напоминали бесформенные слои болотной тины, кое-как перевязанные тонкими промасленными бечёвками, а вооружены разбойники были длинными посохами и копьями; у некоторых за спинами висели огромные луки, тетиву которых не под силу натянуть даже взрослому и имеющему крепкое телосложение человеку.

Семеро болотников окружили пепельников, которые не спешили первыми бросаться в драку, хотя бесстрашно глядели в глаза грабителям. Разбойники зловеще улыбались и смеялись, предчувствуя скорую победу. И смерть кучеров была бы неминуема, потому что «Орлы» были заняты на ином фронте и не знали, что первое нападение было лишь отвлекающим, хоть и слегка провалившимся, манёвром.

Что-то заставило Виктора сбросить оковы страха и встать с земли, гордо выпрямив спину. Болотники сразу его заметили и, обменявшись удивлёнными взглядами, неприятно расхохотались. А сам Виктор тут же осознал всю глупость своей бравады, но отступить уже не стал. Он вытянул лезвие рапиры в сторону противников, встал к ним полубоком и подмигнул пепельникам.

— Викферт! Назад! — рыкнул Грокотух, вскидывая своё ружьё и целясь в ближайшего к нему болотника.

— Нет, — повинуюсь неведомому наваждению, покачал головой Виктор. — У меня есть для них небольшой сюрприз.

Караванщик вдруг выстрелил, одновременно отдавая приказ атаковать разбойников. Пепельники в ответ не стали медлить и набросились на нападающих. Болотники сразу же кинулись в контратаку, а один из них, видимо, командир, быстрым шагом направился прямо к Виктору, раскручивая в руках длинный шест с тройным лезвием на конце. У зеленокожего отсутствовал один глаз, и его единственный белоснежный зрачок вкупе со зловещей ухмылкой почти физически втапывали в грязь боевой настрой Виктора всё глубже и глубже.

Болотник проверещал на своём языке что-то отдалённо напоминающее ругательство и клацнул зубами, которых было не так много, но все они казались очень острыми. Противник высунул свой раздвоенный язык и зашипел, как змея, приобретая ещё больше сходств с пресмыкающейся чешуйчатой тварью. Он подошёл к Виктору вплотную и навис над ним, словно скала. Видимо, ощущая своё явное превосходство, болотник откинул трезубец в сторону и, схватив Виктора за плечи, поднял его так, чтобы посмотреть ему прямо в глаза и плюнуть в лицо чем-то очень едким и зелёным. Рапира со звоном упала на землю и отлетела на куда-то в сторону.

Виктор зажмурился: слюна болотника попала на глаза. Будь она ядовитой, наверняка слизистая уже была бы расщеплена кислотными свойствами зеленоватой слизи, но никакие болезненные ощущения пока не появлялись.

Зато перед взором вдруг появилась картина из далёкого прошлого: спортзал, поздний вечер,

учитель в белом кимоно... Виктор, встав в стойку, призывно подмигнул своему сопернику, после чего сразу же начал поединок. Сэнсэй с ловкостью парировал все назубок выученные приёмы и удары, но и сам не забывал поддевать тогда ещё всего лишь ученика. Виктор, порядком выдохнувшись, стал совершать глупые ошибки, и, в конце концов, напёрся лбом на ошеломляющий удар ладонью. Упав на колени, он понурил голову и потерял всякую волю к продолжению боя, но учитель лишь похлопал ученика по плечу и сказал: «Один в поле не воин, Витенька. Один воин — это слабый воин, как бы хорошо он не был подготовлен. Но ты не должен забывать, что я так же одинок в этом поединке, как и ты. И я так же слаб, как и ты. Мы с тобой абсолютно равны». Виктор вытер тоненькую струйку крови под носом и спросил: «И как мне вас победить тогда, а? Вы сильнее меня, так что шансы наши совсем не равны!». Сэнсэй усмехнулся и помог ученику встать. Отряхнув его, он снова встал в исходную позицию и ответил: «Просто атакуй. Из боя двух слабых победителем выйдет сильный. Главное — не теряй веры».

Виктор с трудом разлепил веки — слюна засыхала прямо на глазах, как в прямом, так и в переносном смысле. Набрав полную грудь воздуха, он направил свой взгляд на лицо болотника, и, схватив его за запястья, ругнулся матом на родном русском языке. Виктор вспомнил утро, когда он победил первого попавшегося ему в этом мире пепельника, и попытался воспроизвести те эмоции, что вызвали у него «воспламенение» пальцев. Гнев, ярость, желание выжить — всё это мгновенно смешалось в голове, и руки сразу же налились приятным теплом. Видимо, болотник почувствовал не просто тепло, а самый настоящий обжигающий жар, потому что он сразу же ослабил хватку и буквально отбросил от себя Виктора. На том месте, где только что лежали раскалённые пальцы иномирца, красовались алеющие и дымящиеся ожоги.

Болотник яростно взревел и схватил опалёнными руками трезубец. Не тратя времени на запугивание, он бросился вперёд. Видимо, осознав силу Виктора, он решил прикончить его как можно скорее, а потому сделал резкий тычок лезвиями своего оружие прямо в грудь противника. Виктор, в глазах которого пылали огоньки, уже предвидел этот ход, а потому заранее сделал шаг в сторону, и трезубец пролетел мимо него. Зато появилось время поднять отлетевшую в сторону рапиру, что Виктор и сделал, продолжая держать болотника в поле своего зрения. А сам одноглазый, разозлившись из-за промаха, впал в боевой раж. Он стал наносить удар за ударом, не особо следя за точностью тычков, но уклоняться или парировать их было практически невозможно. Виктор с трудом отбил последний удар своим клинком и длинным прыжком ушёл в сторону, выходя из боя.

Ряды пепельников, тем временем, таяли на глазах. Грокотуха окружали уже всего шестеро его соотечественников, а количество болотников уменьшилось лишь на одного. Грабители, несмотря на потерю, вели себя как хищники: они кружили вокруг своих жертв и играли с ними, вынуждали совершать необдуманные действия и ловили их на этом, лишая пепельников жизни одного за другим. Караванщик вёл себя как настоящий военачальник и очень походил на Йормлинга, который в это время сражался на другом фланге. Видимо, единственный убитый болотник был застрелен из ружья Грокотуха, так как в зеленокожей голове лежащего рядом трупа красовалась огромная дымящаяся рана, нанесённая явно не холодным оружием.

Виктор чуть не пропустил тот момент, когда оправившийся от неудачи командир разбойников снова стал атаковать. Болотник мощным пинком отбросил своего противника в сторону, и Виктор отлетел на несколько метров в сторону, упав прямо возле повозок. Слепая злость стала заполнять его рассудок, и вечно компромиссный настрой вдруг улетучился без следа. Руны на пальцах загорелись ещё сильнее. Лезвие рапиры раскалилось добела, и, издавая характерное шипение, ярко осветило собой окружающее пространство.

Болотник на миг остановился и в недоумении поглядел сперва на сияющий клинок, затем на

странную ухмылку Виктора. Это действие также заметили и все остальные участники битвы, как болотники, так и пепельники, и бой между ними на время прекратился. Все заковано наблюдали за странной магией, заставившую рапиру превратиться в это раскалённое нечто.

— Ви... Викферт? — выдавил из себя Грокотух. — Что это?!

Виктор медленно поднялся с колен и изящно выписал восьмерку кончиком лезвия. Направив его в сторону главного болотника, он подмигнул караванщику и гордо выпрямил спину:

— Это мой небольшой сюрприз.

В этот миг на поле боя ворвались на своих скакунах наёмники. Судя по их радостным кличам, они одержали победу, и, видимо, совсем без потерь. Окружив оставшихся разбойников, они заставили их бросить оружие и упасть на колени, держа руки на виду. Один лишь главарь болотников явно не собирался сдаваться живым. Зарывав, он кинулся на Виктора, надеясь пронзить трезубцем его тело прежде, чем кто-либо успеет среагировать. Но когда лезвия и цель разделяла всего пара шагов, что-то со свистом врезалось в голову болотника, оттолкнув его с линии атаки. Виктор, рассмотрев снаряд, удивлённо отвесил челюсть: им оказался щит Йормлинга. Чтобы метнуть такую вещь с подобающей силой и точностью, нужно тренироваться этому годами, подумал вновь избежавший смерти пришелец с Земли. А сам командир наёмников стрелой подскочил к главарю разбойников и обрубил его жизнь коротким взмахом полуторного меча.

Лезвие рапиры, как и ярость в голове, потухли. Пришло понимание того, что бой окончился, причём в пользу защитников. Но не было радостных возгласов и победной эйфории. Никто не наслаждался наказанием грабителей. Все — пепельники и наёмники — смотрели на Виктора, не сводя с него глаз и не торопясь убирать клинки в ножны. Атмосфера продолжала оставаться накалённой, и единственным «раздражителем» в этой ситуации стал именно проявивший свои сверхъестественные способности Виктор. Похоже, что горящие лезвия и светящиеся руны на пальцах не были для местного народа обыденностью, равно как и для человечества на Земле.

— Объяснись, — раздался голос Йормлинга. Лидер наёмников подошёл к Виктору на расстояние вытянутой руки. — Кто ты такой? Ты чародей или колдун? Проклятый торговец душами, а?

Лезвие полуторника оказалось около шеи Виктора. А сам «чародей», дабы не вызвать ещё больше агрессии в свою сторону, медленно заткнул рапиру за пояс и поднял ладони на уровень головы.

— Нет-нет, я не колдун. Я, честно говоря, научился этому вчера утром, а до этого момента и понятия не имел, что у меня есть такие способности.

Йормлинг нахмурился, но меч не убрал. Мыслительный процесс сопровождался нервными подёргиваниями скул и бровей, и в это время все вокруг не издавали ни звука. Наёмник, что-то надумав, убрал оружие и кивнул:

— Ладно. Ты нам помог, а, значит, на нашей стороне. Но я всё ещё жду от тебя душещипательную историю о внезапном приобретении волшебного дара. И постарайся врать как можно правдоподобнее, потому что я-то точно знаю, что нельзя вот так просто взять и стать колдуном или кто ты там вообще.

В разговор вдруг вмешался Грокотух. Караванщик подошёл к Йормлингу и, отведя его в сторону, что-то прошептал на ухо. Озадаченный наёмник несколько минут о чём-то спорил с

Грокотухом и в конце концов махнул рукой:

— Ладно... Викферт. Мы с тобой ещё побеседуем. А пока — собираемся и в путь! И всем быть настороже — лес всё ещё полон опасностей!

Виктор с облегчением выдохнул. И хотя окружающие поглядывали на него с опаской, было уже не так тревожно за свою жизнь. Оставалось лишь надеяться, что караванщик не сказал командиру наёмников ничего такого, из-за чего потом придётся кормить своим телом земляных червей да опарышей.

Караван начал движение не сразу. Оставшиеся в живых пепельники собрали большой костёр и провели на нём ритуал сожжения павших товарищей, молясь за их упокоение в лучшем мире. Вся кремационная процессия длилась почти час, так что Виктор успел очистить свою одежду от грязи и слегка отдохнуть возле погребального костра. Пламя согревало, и пришлось затолкать мысль о назначении этого очага как можно глубже в задворки разума. Подумаешь — трупы сжигают, тепло же от этого не портится, подумал Виктор. Хотя иной раз приходилось воротить нос из-за непробиваемого запаха палёной плоти.

Когда похороны закончились, караванщики расселись по обозам и продолжили движение. Нескольким наёмникам пришлось занять места убитых пепельников, что немного уменьшало защищённость, но зато не пришлось бросать посреди леса ценный товар и дюжину крепких коней.

Виктор снова сел в головную телегу, надеясь побеседовать с Грокотухом обо всём, что произошло во время и после боя, но караванщик оставался на удивление молчаливым. Он старался не глядеть никому в глаза и перестал улыбаться, что для него было довольно странно. Грокотух ограничивался короткими ответами и постоянно бормотал что-то вроде «не теряй бдительности, потом поговорим», и в итоге Виктор решил дожидаться утра. Йормлинг постоянно шёл вровень с головным обозом, не спуская глаз с «колдуна», который, по его мнению, представлял всей этой караванной кампании несомненную угрозу. Виктор хотел поговорить с лидером наёмников, объяснить, что он не желает никому зла, и что все его способности — это лишь результат перехода между мирами или же «скромный» подарок от Лагоша, но это могло привести к ещё более печальным последствиям, так что от этой затеи пришлось отказаться. Караванщик был прав — эту тайну стоило держать при себе и стараться быть похожим на местных, нежели на пришельца из иного мира. Загрустив, Виктор укрылся какой-то жёсткой и колючей шкурой и до самого утра полностью погрузился в самого себя, оставшись наедине со своими мыслями и переживаниями.

Осознание сна пришло не сразу. Лишь взглянув на свои руки, Виктор понял, что его молодость улетучилась без следа, вновь вернув на обыденную для них позицию старость и дряхлость. Старик очнулся в тёмной комнате без окон и дверей, где единственными предметами интерьера служили две деревянные табуретки да древняя советская люстра, свисающая с потолка. Виктор попробовал сделать шаг и сразу же взвыл от боли: за последние сутки он уже отвык от своего старого тела. Ноги почти не держали туловище, а каждый вздох настолько мучительно разрывал больные лёгкие, что хотелось умереть. Но это был лишь сон, и Виктор это прекрасно понимал, но что-либо изменить в нём или вовсе проснуться он не мог. Что-то этому мешало.

И причина не замедлила явиться: в дальнем углу комнаты вдруг появился Лагош. Но, на сей раз его допотопная стилизья одежда сменилась блестящими налакированными наёмническими доспехами. Гремя латами, он чинно подошёл к табуретам и сел на один из них,

жестом предложив Виктору воспользоваться вторым. В руках Лагоша неожиданно оказалась бутылка магмагрога и две пивные кружки.

— А чего это мы так скуксились? — спросил он. — Что-то не так, Богданов?

Виктор, преодолев боль, сел рядом с собеседником и хотел было что-то спросить, но осёкся, не зная, с чего начать. И пока вопросы выстраивались в логическую цепочку, Лагош разлил напиток по кружкам и, протянув одну из них старику, произнёс:

— За чудесную победу над злыми зеленокожими разбойниками! — проголосил он и сделал глоток. Поморщившись, продолжил. — Как у тебя дела, Богданов? Не болеешь? Новое молодое тело не жмёт? Ты, если что не так, сразу говори. Верну всё на своё место в любой момент, коли будет воля твоя на это. А захочешь — так и вовсе память о былом сотру, будешь считать себя умирающим дедулей и даже не вспомнишь обо всём том, что произошло в этом мире.

Виктор, не раздумывая, отпил из кружки, и, собравшись с силами, сказал:

— Я благодарен тебе за перенос. Моя жизнь уже подходила к концу, и ты дал мне второй шанс. Но, кажется мне, в твоём предложении скрылась целая масса подвохов, да? И один из них — иероглифы на подушечках пальцев. Что это такое? Откуда это взялось? И что с этим делать?

Лагош хмыкнул:

— Если это то, что тебя интересует больше всего, то я отвечу: когда некоторые решившие посвятить свою жизнь волшебству магии и чародеи проходят тайное испытание своей силы эдак на десятом-двадцатом году обучения, колдовская сила может оставить на их телах такие вот зарубки. Тебе повезло, что руны не высеклись, например, на лбу или на пятках, а ведь могло быть и так.

— Как они появились у меня? Буковки эти замысловатые, я совсем не понимаю, что они значат.

— Ну, предположим, руны нанёс тебе я. Так сказать, бонус к покупке. Если не нравится — могу убрать, ты только скажи...

— Нет-нет-нет, — замотал головой старик и проклял себя за это действие. Шея громко хрустнула, и боль прошла весь позвоночник. Чтобы заглушить её, пришлось залпом осушить половину кружки. — Не надо ничего убирать. Мне этот дар уже дважды помог. Да только вот о нём узнали те ребята, что меня окружают, и теперь наёмники наверняка хотят меня убить, а пепельники вообще смотрят как на вселенское зло. Как мне доказать, что я им не враг, при этом не раскрывая тайны? Что мне делать?

Лагош пожал плечами:

— Я, что, твой личный гид? Богданов, чёрт тебя дерит, я перенёс твою тушку в этот мир, подарил уникальную возможность — жечь своих врагов голыми руками, а ты ещё горюешь? Может, стоит поджарить всех тех, кто сомневается в тебе?..

— Не собираюсь я никого жарить! — вдруг вспыхнул Виктор. — Слышишь меня? Не собираюсь! Если для тебя человеческая жизнь не значит абсолютно ничего, то это не моя беда. Я ценю каждый миг, данный мне, и не смею лишать аналогичного времени кого-то другого. Я не считаю себя человеком принципов, но некоторые соображения по поводу морали у меня, знаешь ли, тоже имеются.

— Поражаюсь я тебе, Богданов, — задумчиво почесал свою бороду Лагош. — Вся твоя земная жизнь прошла, можно сказать, в муках. Жена умерла давным-давно, зрелость и старость пролетели в полном одиночестве... как у тебя ещё остались силы на мораль? Поверь, в этом мире всем на неё глубоко наплевать. И если ты считаешь, что Земля преисполнена лицемерия, то тебе явно стоит побывать в Авельоне да поглядеть на местную знать. Залюбуешься!

— Плевать я хотел на местное лицемерие. Я не несу за них никакой ответственности. Единственный человек, действия и мысли которого должны меня волновать, это я сам. Не знаю, что там, за гранью жизни и смерти, но мне бы очень не хотелось умирать плохим человеком. Чужие слабости, знаешь ли, не делает меня сильнее.

— Ну, да, да. А чужие глупости не сделают тебя умней. Что ж, Богданов, я рад, что выбрал именно тебя. Столь добродушного человека как ты я не видал уже давненько. Ставлю на тебя всю свою месячную зарплату, моя маленькая самокритичная лошадка, хе-хе! Н-но-о-о!

Виктор хотел было обидеться, но махнул рукой:

— Ладно, ладно. Что значит «ставлю на тебя зарплату»? К чему ты это сказал? Это и есть тот подвох, да?

Лагош пожал плечами:

— Да мало ли. Вот когда караван доберётся до Авельона, тогда и будет видно, есть подвох или нет, — расплывчато ответил он и, достав из ниоткуда запалённую трубку, втянул в себя горький табачный дым. — И, кстати, хочу тебя предупредить: вполне возможно, это последний раз, когда мы с тобой видимся. Быть может, я более не появлюсь на твоём горизонте. И если у тебя остались ко мне какие-то вопросы, то задавай их сейчас, и если они мне понравятся, я на них отвечу.

— Во-первых, скажи, я правда здоров? Ну, в том теле. Я не умру от рака через месяц-другой? Не склею ли лапы от старческого недержания?..

— Отличный вопрос! Отвечу без утайки: да, твоё тело целиком и полностью молодо и здорово. Оно, можно сказать, очищено даже от тех болячек, что были у тебя сорок с лишним лет назад. По сути, ты младенец, Богданов. Самый настоящий младенец, чёрт тебя дери.

Виктор облегчённо вздохнул:

— И на том спасибо. А что с Грокотухом и Йормлинггом? Можно ли им верить? И стоит ли говорить о себе как о пришельце из другого мира? Раскрывать ли тайну наёмникам?

— Я же говорил, это твоё дело. Решай сам. И, кстати, больше я за тобой приглядывать не буду, так что если напорешься на чей-нибудь кинжал, то истечёшь кровью и умрёшь. Никто не подымет тебя из небытия. Твоей плотью отобедают дикие звери, а останки сгниют в какой-нибудь непроходимой чаще.

— Ну, дай хоть парочку советов, хоть какую-нибудь наводку, молю тебя! Что мне делать после прибытия в Авельон? Следовать за караванщиком и искать помощи у тех, к кому он собирался обратиться? Пожалуйста, ответь!

Лагош прикрыл глаза и сделал крупную затяжку. Задержав дым в лёгких на несколько секунд, выдохнул его прямо в лицо Виктору и, вдруг встав из-за стола, закричал:

— Ублюдок! За племя!

— Что? — не понял Виктор. — Чего ты так кричишь? Что я сде...

Тяжёлый ботинок Лагоша со всего размаху врезался подошвой в грудь старика. Виктор, не ожидая такого поворота событий, зажмурился от боли и упал со стула. Но полёт этот оказался несколько длиннее, чем следовало бы — покинув сон, молодое тело Виктора вылетело из телеги и упало на влажную траву. А на самом обозе, оттолкнув в сторону Грокотуха, стоял разъярённый Грош'ну, руки которого всё ещё были перевязаны из-за ожогов, оставленных огненными рунами. Потерявший рассудок пепельник заставил караван остановиться: ударом здоровенного тесака он обрубил поводья, и лошади вдруг ускакали вперёд, оставив обоз позади. Несколько наёмников тут же окружили головную телегу, но впавший в ярость Грош'ну явно намеревался прикончить Виктора вне зависимости от того, сколько «Орлов» преградит ему путь.

— Я тебя на куски изорвать! За племя! — взревел он и спрыгнул на землю, всего в шаге от находящегося в горизонтальном положении Виктора. К пепельнику тут же подскочил один из наёмников, и Грош'ну резко перевёл внимание на скакуна. Размашистым ударом он подрезал коню брюхо, отчего тот встал на дыбы, выкинул из седла всадника и завалился на бок, задрыгав в конвульсии всеми конечностями.

— Не убивать! — рыкнул Грокотух. — Брать живым!

— Всех порешать! — не унимался татуированный пепельник. — Всех перерезать, если надо!

И с этими словами он вновь бросился на Виктора, который уже успел подняться на ноги и вооружился своей рапирой. Время замедлилось в несколько раз. Лицо Грош'ну исказилось злобной гримасой, когда он рванулся вперёд, одновременно замахаясь своим оружием. Всадники, окружившие буйного пепельника уже вскинули самострелы и приготовились открыть огонь, в то время как караванщик отчаянно махал руками в знак протеста. Виктор во всей этой суматохе успел перевести взгляд на непоколебимого Йормлинга, который ждал подходящего момента, и, дождавшись, коротко кивнул, одновременно отдавая приказ:

— Огонь!

Спустя мгновение тело пепельника пронзил десяток арбалетных болтов. Раны выглядели столь серьёзными, что их несовместимость с жизнью не подвергалось ни малейшему сомнению. Грош'ну остановился, выронил из своих рук тесак и, продолжая смотреть ненавидящим взглядом прямо в глаза Виктора, упал на колени. Из уголков его рта потекли тоненькие струйки чёрной крови.

— Нет... — только и смог произнести Виктор, отступая на шаг. — Я не хотел этого...

Йормлинг спешил и медленным шагом подошёл к сидящему на коленях пепельнику, параллельно расчехляя полутурник. Вытащив клинок из ножен, он встал позади Грош'ну и, что-то прошептав, вонзил ему лезвие между лопаток. Подождав несколько секунд, оттолкнул уже бездушное тело в сторону и вытер от крови меч об его штаны.

— Эта жертва на твоей совести, Викферт, — тихо произнёс Йормлинг, снова забираясь на своего коня. — Всем вернуться на исходную! Продолжаем движение!

Виктор, ошеломлённый и обескураженный, медленно забрался в свой обоз. Пока пепельники хоронили Грош'ну и впрягали в головную телегу запасных лошадей, он думал обо всём

произошедшем этой ночью. Всего несколько часов, но впечатлений хватит на целую жизнь. Не сдержав эмоций, Виктор заплакал. А караванщик, лишь мельком взглянувший на него, сочувственно похлопал по плечу, не сказав ни слова.

До самого рассвета караван не останавливался даже на пару минут, чтобы каждый мог справить нужду. Зато когда солнце постепенно растеклось по горизонту алеющей полосой, впереди показался оживлённый тракт, и Грокотух, заметив его, облегчённо вздохнул. А Виктор понял: дальнейший путь до Авельона пройдёт без особых проблем, ведь государственный тракт, явно более безопасный, чем лесная тропа, охраняется герцогскими патрулями, которые своё дело знают и не пустят грабителей к странствующим торговцам. Но тревога всё ещё не покидала сердце Виктора, ведь каждый час, проведённый в новом для него мире, приносил то боль и страдания, то радость и покой, и эта замысловатое раскачивание лодки пока не предвещало ничего хорошего.

ГЛАВА 5

Последующий путь до Авельона действительно оказался гораздо спокойнее, чем уже пройденное расстояние. Никто больше не налетал на караван из чащи, да и самих чащоб, как таковых, уже не наблюдалось: ближайший лес находился от тракта на расстоянии полёта стрелы. Мощёная дорога извилисто вела в сторону столицы герцогства, а по периметру всего тракта через каждые несколько километров стояли наблюдательные вышки. Если бы в этих местах появилась неведомая вражеская армия, то посредством сигнальных огней эта весть стремительно дошла бы до самого герцога, а тот, в свою очередь, незамедлительно выслал армию для сдерживания противника. К счастью, по этому пути редко перемещались лица, мыслящие о недобром. Чаще всего попытки грабительства или разбойничьи налёты вмиг пресекались либо силами обороняющихся, либо с помощью какой-нибудь патрульной дружины.

Но Грокотух всё равно постоянно озирался в поисках опасности. Когда Виктор спрашивал, чего тот так нервничает, караванщик лишь махал рукой и держал ответ при себе. Видимо, его очень задел тот случай проявления магии во время нападения болотников, оттого его отношение к Виктору резко изменилось. Не сказать, что упало, нет. Просто пепельник стал бояться своего нового компаньона, хотя ни одного повода для беспокойства иномирец больше не давал.

Хотя, думал Виктор, скорее всего всё это из-за смерти Грош'ну, хоть он и умер исключительно по собственной глупости, или, иначе говоря, из-за акта безумия. В конце концов, его не могла свести с ума пара ожогов на запястьях, а, значит, причина крылась в чём-то другом. И это настораживало.

Каждый день был невероятно жарок, а ночи, наоборот, холодны. Несколько раз Виктор замечал в небесах сразу по несколько лун, имеющих разные размеры и цвета. Большинство походило на земную Луну как по цвету, так и по структуре, но были и некоторые, выходящие за рамки привычного понимания спутников: две из них оказались похожи по цвету на перезрелые сливы, а поверхность другой в зависимости от времени дня менялась от бледно-жёлтой до ядовито-зелёной. Но самым красивым небесным натюрмортом, несомненно, считался сам газовый гигант, вокруг которого и вращался мир Пакемо. Так как в этих широтах его практически не было видно, выгледеть его удалось лишь на подходе к Авельону. Сперва это было похоже на идеальный коричневый холм, а чуть позже он возрос над горизонтом лишь на тридцатую часть, как сказал Грокотух, но и этого хватило, чтобы буквально задохнуться от красоты увиденной картины. Виктор решил, что если эта махина действительно настолько огромная, то стоит однажды съездить в те места, откуда она видна полностью.

А природные пейзажи, тем временем, сменились на равнинно-холмистые. Вся растительность

теперь заключалась лишь в небольших подлесках, выглядевших издалека как чуть великоватые пучки травы на голой земле. Зато дальность обзора резко возросла, и обновлённое зрение Виктора передавало в голову удивительные по красоте виды. По всей видимости, раньше землетрясения и внезапные сдвиги тектонических плит были здесь не редкостью, так что иногда холмы внезапно обрывались, оголяя пласты разномастной земли. Кое-где ввысь поднимались абсолютно нелогичные скалы, то прямо торчащие вверх, то завивающиеся арками и расползающиеся по всей округе витиеватыми змейками. А самым, пожалуй, завораживающим элементом во всей этой феерии было движение облаков. На высоте в несколько километров ветер, решил Виктор, настолько сильный, что он разгоняет облака до скорости, раз в десять превышающую среднюю земную. И эти тонкие белые нити формировались в столь причудливые и постоянно меняющиеся узоры, что оторвать от них взгляд оказалось задачей практически непосильной. К сожалению, облачные фигуры мгновенно таяли, но тут же взамен них появлялись новые, так что заняться было чем, пока караван бесечно двигался по безопасному тракту.

Два раза в день процессия останавливалась на пару часов, чтобы плотно отобедать или поужинать. Благо, дичи в этих краях обитало столько, что хоть руками лови, так что наёмники каждый раз приносили с охоты что-нибудь вкусное и питательное. Чаще всего добычей оказывались кролики или какая-нибудь птица, но иногда «Орлы» приносили оленя или косулю, и тогда начинался настоящий пир. Хотя с Виктором делиться никто не спешил, и ему постоянно доставались одни объедки. Но унывать по этому поводу Виктор сам себе строго-настрого запретил: иного выбора у него просто не существовало. По крайней мере, до прибытия в Авельон, который уже, как поговаривали пепельники, практически маячил в поле зрения.

И вот, одним утром, кто-то из наёмников радостно воскликнул:

— Приехали! Приехали, братцы!

Виктор мгновенно проснулся и попытался разглядеть тот самый город, о котором шло так много разговоров, но ничего не увидел.

— Где Авельон? — спросил Виктор. — Я ничего не вижу. Куда смотреть-то?

— Эх, дурья твоя башка, — усмехнулся «Орёл», заголосивший о прибытии. — Ты путеводные таблички-то читаешь? По всему тракту расставлены. И знай, что Авельон — это не просто город. Это огромная территория, усеянная небольшими селениями, деревушками и поместьями, в центре которой, на трёх высоких холмах, и располагается герцогская цитадель. Смекаешь-то?

— Смекаю-то, — кивнул Виктор. — И всё же, большое ли герцогство?

— Авельон имеет свой выход в море. От побережья до границ Лавеосского ханства — три недели пути на лошади. А ширишь лучше и не считай — точных границ нет! То леса, то горы. Не определишь, в общем. Хотя, горные ребята не согласны с этими границами, но никого это, по чести сказать, не волнует. Смекаешь-то?

— Смекаю-то. А что там, за морем? Болотники?

Наёмник кивнул:

— Они самые. Там одни болота, мать их... мой дед там был и живым вернулся. Говорит, люто! Чуть ступишь не туда — проваливаешься в топь по самую шею. А потом из тины вдруг

выплывает какая-нибудь змееподобная тварь, цепляет тебя за ноги и тащит на дно... бр-р-р...

— А что твой дед там делал-то? Воевал, что ли?

— Шутишь, что ли? — «Орёл» вылупился на Виктора как на идиота. — Кто ж туда в здравом уме-то воевать-то полезет-то? Он как я, наёмником был. Один жирный торгош решил за редкими товарами сплавать. Вот, мать его, сплавал... из сотни наёмников домой вернулись всего пятнадцать. А сам торгош остался там кормить змей. Бедолага. Идиот, но бедолага, ей богу...

Виктор зарубил на носу, что плавать в те места, где полностью виден газовый гигант, всё-таки не стоит. Если, конечно, нет чётко сформированного желания умереть от рук зеленокожих монстров.

— Там не только болотники жить, — вдруг подал голос сидящий по правую руку Грокотух. — Много других страшных тварей существовать на той стороне. За морем опасность гораздо большая, чем говорить твой дед.

— Ну, не скажи, — надулся наёмник. — Ты-то там был-то? Нет? А мой дед-то был. Вот он и видел-то всё, а потом мне и рассказал-то.

— Почти тысячелетие назад пепельники собирать экспедицию за море. Тогда ещё не быть Авельон и герцогство, так что люди этого даже не помнить. Так вот, мы плыть туда и уходить вглубь их материка. Эта информация общедоступна, и тебе, юноша, стоит просто сходить в библиотеку. Там тебе всё рассказать.

— Библиотеку-то? — усмехнулся «Орёл». — Ты что, отец, в книжники записать меня хочешь? А караван-то твой защищать кто будет-то, а? Скажи-то мне!

— Слушай, дружище, — вдруг вмешался Виктор в беседу, повернув голову в сторону наёмника. — Зачем ты постоянно вставляешь после слов «то»? Эта частица, знаешь ли, при слишком частом употреблении очень сильно режет слух.

По презирающему взгляду «Орла» можно было понять, что к Виктору он вдруг стал относиться ещё хуже, чем раньше. Громко рассмеявшись, он решил идти возле другой повозки. Видимо, общество «книжных червей» было ему чуждым.

А Грокотух, держа одной рукой поводья, повернулся и достал из своего личного мешка небольшой фолиант. С виду он казался довольно старым: никаких надписей на истёртой и обесцветившейся кожаной обложке не было. Края завернулись от постоянного воздействия то тепла, то холода, а половина страниц так и норовила улететь по своим, далёким от чтения делам. Караванщик протянул книгу Виктору и снова продолжил вести повозку.

Сильный порыв ветра чуть не вырвал фолиант из рук, настолько лёгким он был. Виктор аккуратно открыл первую страницу и после нескольких попыток разобрать истлевший рукописный текст, вслух прочитал:

— Хро-ни-ки... чего хроники? Не разобрать.

— Хроники Шаогропа. То быть наш хан много лет назад. Он собирать экспедицию за море, на земли болотников. Когда ещё не существовать Авельон в том понимании, в котором вы его знать сейчас, на месте, где он сейчас располагаться, быть наша провинция. Шаогроп построить там большой корабль и спустить на воду. А потом...

— «А потом собрал он четыре сотни смельчаков под одним парусом и отправился в путь, покорять неизведанное», — читал Виктор. — «Тридцать недель бороздил этот гигант моря и океаны, да нашёл в конце концов пристанище себе у берегов земель странных, но интересных, где кроны деревьев отличались такой шириной, что закрывали свет солнца, а сама почва была не твёрже сметаны...»

— Ну, не настолько всё было плохо, конечно же — заметил Грокотух. — Это просто сравнение. Там речь идти о болотах. Глухие топи, плакучие деревья...

— «...встретили их недружелюбно. Лютые чудовища из старых сказаний, трёхголовые змеи и летучие драконы не пускали путешественников в свои земли, но Шаогроп был столь храбр, что не повернул вспять, и продолжил исследование новых территорий. С корабля спустили лодки, на коих и отправились по болотам вдаль. Постоянно завязывались бои — змеи атаковали исподтишка, но brave смельчаки отличались силой и ловкостью, и всё им было нипочем...»

— Да, я знать, похоже на сказку, но это давно известные факты. Это история.

Виктор пожал плечами. На самом деле в глубине души сейчас он ликовал, потому что Грокотух, наконец, изволил снизойти до разговора. Возможно, его страх постепенно стал отступать.

— «...в глухих непроходимых чащах встретили путешественников странные создания, имя которым ныне — болотники. Они, как и твари на берегах, дружелюбием не отличались и даже не пытались войти в контакт. Вместо этого они старались убить всех незваных гостей самыми неприятными способами, и Шаогроп был вынужден отдать приказ о возвращении на корабль. Благодаря выдержке и смелости всех участников похода, жертв оказалось совсем немного, но и этих погибших оплакивали как героев...»

— На самом деле, их имена давно забыты, но родители рассказывать детям истории о том, как трое оставшихся в тех землях пепельников вырваться из плена и возвращаться домой своим ходом. Но всё это лишь выдумки...

Виктор захлопнул книгу и отложил её в сторону. Он решил, что сейчас самое лучшее время для того, чтобы до конца выяснить все отношения:

— Чёрт с ним, с Шаогропом. Скажи мне лучше, как ты сам? А то молчишь в последнее время, не хочешь со мной разговаривать. Это из-за Грош'ну? Или из-за той магии?

Грокотух тяжело вздохнул:

— Да нет, Викферт. Я на тебя не злиться и не бояться тебя. Я бояться за себя. Ты знать, у нас суровые обычаи. «Орлы» могли подумать, что я скрывать колдуна, и тогда мне прийти крышка. Понимать? Не обижаться на меня.

— Понимаю, — кивнул Виктор. — Я не в обиде. Не в моих это правилах. Я надеюсь, все недопонимания между нами исчерпаны? Верно?

Караванщик бодро кивнул:

— Конечно! Никаких недопониманий! И, кстати, я уже всё продумать. Как только мы прибывать в Авельон, мы с тобой идти к моему знакомому, который на таких, как ты собаку съест. Также мы брать с собой Йормлинга — на всякий случай нам может понадобится охрана, ты соглашаться со мной?

— Ну, если это так необходимо...

Всего через полчаса показались первые селения. Грокотух обратил внимание Виктора на далёкий горный кряж на горизонте, окружённый густым хвойным лесом. По его словам, в этих горах живёт некто граф Мартин Хускар, прославившийся своей неуёмной жадностью вырезать всех разбойников в этих лесах до последнего. А, не уходя так далеко, подле тракта виднелись несколько поместий и небольших деревенок, окружённых пшеничными полями. Местность была разнообразная и интересная; в Викторе вдруг проснулось неуёмное желание исследовать эти земли вдоль и поперёк, побродить по здешним местам «туристом», но всё это откладывалось до лучших времён.

Дозорные башни стали встречаться всё чаще и чаще. Изредка караван останавливали небольшие конные патрули: они проверяли содержимое повозок и убирались восвояси, надолго не задерживаясь. Вскоре на горизонте показался и сам Авельон, и по мере приближения к нему Виктор всё больше и больше завораживался этим зрелищем.

Как и говорил один из наёмников, столица герцогства раскинулась на трёх больших холмах. На самом высоком из них виднелась величественная цитадель — дворец герцога. В тени её стен уютились сотни плотно прижатых друг к другу небольших домиков с высокими крышами из цветной черепицы. И всё это великолепие располагалось на берегу огромного моря, на горизонте которого виднелся один из полюсов Акемо — газового гиганта.

— Сколько в Авельоне проживает людей? — спросил Виктор.

— Только людей? — переспросил Грокотух. — Несколько тысяч. И пять-шесть сотен пепельников. Ну и, конечно, болотники...

— Кстати, о них. Ты не боишься, что эти зеленокожие вдруг нападут посреди бела дня прямо на улицах? Они ведь дикие, так?

— Не совсем. Те болотники, что жить в Авельоне, смиреннее псов. Они практически животные, только без поводков. Потому что знать: если хоть один из них причинит кому-то вред, то герцог вздёрнуть сразу всех.

Виктор усмехнулся, вспоминая земную историю, где практически те же условия применялись к античным рабам. А караванщик продолжал:

— Пару лет назад быть один случай. На главной площади вдруг появиться несколько лесных болотников с оружием в руках. Они стали устраивать мятеж! В итоге всех их перебить, но многие авельонские зеленокожие почувствовать мимолётный вкус свободы. Вот теперь многих страшит тот факт, что дикари вдруг могут начать бойню. Но ты не бойться — там столько стражи, что можно защититься даже от господнего гнева, хе-хе! О! Забыл! У меня же для тебя есть сувенир!

Грокотух хлопнул себя по лбу, достал из кармана какой-то небольшой предмет и отдал его Виктору. Сувениром оказалась небольшая оранжевая «капелька» на серебряной цепочке. Внутри драгоценного камушка навеки застыло какое-то насекомое, смутно напоминающее муху. Виктор надел красивое украшение на шею и поблагодарил караванщика.

— Это не просто безделушка, — сказал Грокотух. — Это пустынный янтарь. Раньше в наших краях быть не песчаные барханы, а густые тропические леса, но они исчезать много миллионов лет назад. И теперь под пустыней спрятан пласт, в котором иногда кто-то находить такие камни. Они приносить удачу. У меня, кстати, точно такой же.

Караванщик продемонстрировал абсолютную копию подарка на своей груди и чуть приобнял Виктора, прижав его к себе:

— Эх, парень. Прорваться мы с тобой, я тебе это обещать. Ух, будем богатыми, хе-хе...

— И как мы станем богатыми? Продадим весь груз, который ты везёшь?

Грокотух презрительно фыркнул и открыл рот, чтобы что-то ответить, но вдруг передумал и замолчал. Впереди показался очередной контрольный пункт. Из находящегося подле тракта барака вышли трое крепких солдат в тяжёлых доспехах и с алебардами наперевес. Они перегородили дорогу и каравану пришлось остановиться. Грокотух достал из закромов заранее припасённый мешочек с монетами, и когда стражники подошли вплотную к головному обозу, отдал его капитану. Солдаты, получив взятку, лениво оглядели обозы и отошли в сторону, пропуская караван вперёд. Виктор хотел спросить, зачем караванщик заплатил столько денег, но, увидев уверенное и довольное лицо Грокотуха, понял, что тот совершает подобное действие далеко не в первый раз, и не стал задавать лишних вопросов.

При подъезде к городу тракт заметно оживился. По нему постоянно сновали одиночные повозки или всадники, изредка показывались богатые экипажи со знатными пассажирами или простые транспортные телеги для людей не столь обеспеченных. В разные стороны стали ответвляться небольшие дороги с разными указателями. В основном, все они вели в ближайшие поместья, но некоторые странным образом упирались прямо в горы или в морское побережье.

Виктор же с интересом наблюдал за местными мужчинами и женщинами, за их поведением, стилем, их одеждами и прочим. Его сильнее всего смутило то, что у большинства жителей герцогства штаны да рубахи были словно сшиты из мешков, а шапки иногда напоминали птичьи гнёзда. А ещё крестьяне выглядели либо чрезмерно скромными, либо на редкость пугливыми — они старались не подходить к тракту, всё время ходили сгорбившись и смотря себе под ноги, и никогда не глядели в глаза проходящим мимо людям. Многие из них, как сказал Грокотух, работают на местных фермах и пшеничных полях, а остальные чаще всего связывают свою жизнь с лесопилками и пилорамами.

Наконец караван упёрся в сомнительной прочности деревянный барбакан, где уже стояли на изготовке шестеро стражей. Они остановили повозки и стали их проверять, уже тщательнее, чем предыдущие солдаты. Тем временем Грокотух передал бразды головной телеги одному из своих кучеров, а сам взял двух лошадей и перебрался на одну из них. Жестом поманив на другую Виктора, он прикрикнул:

— Йормлинг! Идти сюда!

— Я, честно говоря, не думаю, что мне стоит залезать на коня, — пытаюсь попасть ногой в стремя, сказал Виктор. — Боюсь, что он меня не удержит.

— Ты должен расслабиться. Нам идти-то всего ничего. К тому же, я тебе помогу.

Подскакал командир «Орлов». Он обменялся с Грокотухом загадочным взглядом и взял лошадь Виктора за узду, помогая тому забраться в седло. Когда дело было сделано, поводья перехватил сам караванщик, и, управляя сразу двумя конями, он двинулся вперёд, а лидер наёмников шёл чуть позади. Караван в это время продолжил свой путь, но уже в другую сторону, и Виктор, ничего не понимая, спросил:

— Куда же они? Мы ведь идём в город, да? Зачем они его обходят?

— Не волноваться, Викферт. Обозы прибывать туда, куда нужно. А у нас с тобой другие планы, ты не забывать? К тому же, нам помогать в этом деле Йормлинг. Правда, друг?

«Орёл» коротко кивнул. Он находился явно не в том расположении духа, чтобы болтать попусту.

— Красиво тут, — произнёс Виктор, когда троица шла по дороге меж пока ещё совсем небольших одноэтажных домиков. Постепенно их плотность увеличивалась, равно как и размеры, и вскоре почти всё пространство вокруг занимали эти крепкие каменные строения.

— Красиво? — усмехнулся караванщик. — Ты смеяться? Вот во дворце и впрямь красиво — огромные залы, бархатные ковры, золотые люстры... А тут что? Простые дома для бедных людей. И ничего больше.

— Ну, не знаю. Я придерживаюсь идеи о том, что всё вокруг красиво по-своему. Наверное, даже земли болотников имеют собственное очарование, если смотреть под правильным углом.

— Слепому и крестьянка принцессой почудится, — вставил свои пять копеек Йормлинг. — Нравится тут? Оставайся жить. Я посмотрю на тебя через годик-другой — будешь ныть, как дитя, от безысходности.

Виктор просто пожал плечами. Он принадлежал к тому типу людей, которых невозможно заразить плохим настроением, как ни старайся.

— Вот подождать, друг, — поднял указательный палец вверх Грокотух. — Добраться до площади, тогда и говорить, каково здесь: красиво или же нет. А пока не спешить с выводами.

Дальше шли молча, просто осматриваясь по сторонам. Узкие улочки Авельона были полны жизни. Туда-сюда бегали, резвясь и громко хохоча, дети, отовсюду слышались грубые мужские и смеющиеся женские голоса. Из кузницы доносился лязг металла, а где-то за углом притаилась группа бродячих музыкантов, задорно играющих местные фольклорные песни. Именно эта оживлённость и казалась Виктору красивой, и, возможно, даже уютной, несмотря на зашкаливающее количество грязи и навоза вокруг. А ведь кроме всего прочего тут стоял не самый приятный запах, а потому нечастые порывы ветра, приносящие свежий воздух, воспринимались как божественная благодать.

Совсем скоро троица добралась и до искомой площади. Она оказалась воистину широкой и необъятной: от края до края пешком можно быть идти минут двадцать, а то и вовсе полчаса. В самом её центре, окружённый всяческими торговыми палатками, Виктор без труда узнал величественный храм из тёмно-серого кирпича. Это здание очень напоминало земные готические храмы — стены были «резкими» и густо усеянными остроконечными башенками с высокими окнами, а на самой верхушке храма стояла статуя неизвестного Виктору бога. Грокотух, решил несколько минут постоять и полюбоваться зрелищем, тем самым привыкая к пейзажу, после чего направился в совсем другую сторону, откуда доносились громкая музыка и манящие нюх ароматы.

— Таверна, друзья. Оставить тут лошадей да отдохнуть с дороги маленько надо, а? Никто не против?

Виктор с глупой улыбкой на лице поспешно закивал головой. Йормлинг, ничего не ответив, просто последовал за спутниками. Когда все спешились и оставили коней в небольшом притрактирном загоне, Грокотух походкой короля вошёл в яркое двухэтажное здание и сразу же направился к свободному столику.

Внутреннее убранство трактира тоже показалось Виктору в своём роде уютным. Несмотря на заколоченные изнутри окна, света было предостаточно: крупный камин у дальней стены освещал всё помещение. Почти все места оказались заняты пьяными и пока ещё пьянеющими работягами, между ними с подносами протискивались пышногрудые полненькие официантки с литровыми пивными кружками на подносах. В углу возле барной стойки играли на лютне и флейте два смешно одетых пепельника, а третий музыкант — человек — подыгрывал им небольшим бубном и что-то подпевал, но в общей суматохе и страшном гуле слов было не разобрать. И хотя вокруг было много нетрезвых посетителей, караванщик заметил, что напиваться вдрызг — занятие в герцогстве очень непочётное, а потому находящиеся вокруг пьянчуги — это практически вся пьющая часть населения Авельона.

Йормлинг и Виктор последовали за Грокотухом и все трое уселись в плохо освещённой части таверны за небольшой столик, крышка которого была исписана бранными словами вдоль и поперёк. Караванщик сразу же подозвал одну из официанток и, сделав какой-то заказ, широко улыбнулся своим компаньонам:

— Господа! Мы прибывать в столицу! Разве это не прекрасно? Я каждый раз ликовать, хотя прибываю сюда раз в два-три месяца на протяжении многих лет...

— Ура, ура, ура, — без единой эмоции на лице ответил наёмник, поправляя сложенные крылья за спиной. Виктор подумал: странно, что «Орёл» ими никого ещё не задел тем самым не вызвав агрессию у местных задир. Видимо, здесь к такому все относились с равнодушием.

— Я рад, что ты, Викферт, впервые увидешь этот чудный город. Надеюсь, тебе тут хорошо. Ведь именно отсюда ты начинать свою славную карьеру! Кстати, ты ещё не решать, кем становиться?

Виктор почесал подбородок, раздумывая, и покачал головой:

— Пока не придумал. А много ли у меня вариантов?

— Ну, не знать. Если ты пока не определяться, то не спешить. Мой знакомый, скорее всего, брать тебя в своё гнёздышко. Это будет лучшее для тебя сейчас решение.

Наёмник отвернулся в другую сторону, словно не принимая участие в разговоре. Караванщик нахмурился, наблюдая за этим актом безразличия, но почти сразу махнул на него рукой и, повернувшись к Виктору, заговорчески ему подмигнул:

— В этой таверне работать лучшие шлюхи во всём герцогстве...

Виктор натянуто улыбнулся и смущённо понурил голову. Он таким видом «товара» никогда не пользовался, и изменять своим взглядам на этот счёт не собирался.

— Ну, это потом, если вдруг захотеть, — сразу же сказал Грокотух. — О, а вот и наш заказ.

Страшненькая официантка, улыбаясь, поставила на стол тарелку с овощами и жареными кусками мяса, после чего отошла и вернулась с тремя здоровенными кружками чего-то алкогольного. Виктор почему-то даже не сомневался, что караванщика заказал не пиво, вино или ром, а уже порядком приевшийся магмагрог.

— Ну, за приезд, — молвил тост Грокотух, начиная трапезу. Особо не разговаривая, он стал набивать рот едой и запивать напитком, в то время как Йормлинг ограничивался лишь магмагрогом. Виктор же довольствовался малым, ведь у него аппетит разыгрался не так

сильно, как у пепельника. Целая куча новых впечатлений практически полностью насытила его как морально, так и физически.

Наёмник выжидающе посмотрел на Грокотуха, и караванщик, кивнув ему в ответ, продолжил свою речь:

— Викферт, — сказал он, отставляя тарелку в сторону и вытирая жир с губ собственным рукавом. — Мы тут с Йормлингом хотим тебе сказать, что тот мой друг, к которому мы тебя отводить, он довольно знатный. Ты должен быть кротким рядом с ним, понимать?

— Не совсем, но доверюсь тебе. Кротким — значит кротким. А почему, собственно? Он настолько высокопоставленная шишка?

— Вроде того, — ответил «Орёл». — Просто следуй нашим советам, если не хочешь, чтобы с тобой приключилось что-нибудь нехорошее. И надень пока вот это.

Йормлинг бросил на стол перед Виктором пару кожаных перчаток и продолжил:

— Надевай. Никто не должен увидеть твои пальцы, иначе будет беда. Ну, чего глядишь? Прямо сейчас, да-да!

Виктор принял очередной подарок и сразу же натянул перчатки на руки. Грокотух продолжил есть, наёмник снова отвернулся к стенке. На одном из столов вдруг начали танцевать сразу двое пьянчуг, что и привлекло внимание пришельца с земли. Танцоры не попадали в такт музыке, но окружающих это явно не волновало — всем было весело. Некоторые отдыхающие достали деревянные ложки и стали отстукивать свой ритм, на фоне которого инструменты музыкантов зазвучали комариным писком. Обидно, подумал Виктор, играют-играют, а всем лишь бы наклюкаться до безобразия да уснуть за углом. Нехорошо выходит.

Но когда композиция закончилась, все вдруг угомонились да расселись по своим местам. И Виктор вскоре понял, почему. Со второго этажа по винтовой лестнице медленно и вальяжно спустилась странная девушка с непонятным цветом кожи. После тщательного осмотра стало ясно, что дама эта никто иная как самка рода пепельников.

— Пепельница, — буркнул себе под нос Виктор и рассмеялся с собственной шутки. Кто-то с соседнего столика приложил палец к губам и зашипел, призывая к тишине.

А девушка, наконец, вышла на свет, где её и удалось разглядеть поближе. По фигуре она походила на широкую в кости человеческую женщину, но формы были приятные, округлые. Облегающее чёрное платье с откровенным вырезом приятно приподнимало и без того крупную грудь, которую украшал сверкающий золотой медальон. Лицом она вряд ли могла заинтересовать человеческих мужчин, но по меркам пепельников, видимо, она была очень красивой.

Приоткрыв свой зубастый рот, она начала петь, а музыканты сопроводили её низкий, бархатистый и даже чуть рычащий голос фоновой трелью. И пока серокожая девица исполняла свой номер, никто не посмел сказать и слова. Зато когда она выдавила из себя последнюю ноту, вся таверна словно взорвалась: аплодисменты и овации летели со всех сторон. Даже Йормлинг, оторвавшись от разглядывания стены, пару раз хлопнул в ладоши. А Грокотух, во время песни справившийся со всей едой, встал и сказал:

— Ну, друзья, в путь.

Виктор кивнул с неохотой поднялся со стула. Нахмутив брови, спросил:

— А как же деньги? Кто заплатит за обед?

— Не волноваться. Меня тут все знают. Я привозить в эту таверну кое-какие товары со всего света, а за это они мне давать некоторые привилегии. Собственно, почему мы ещё стоять? Идти, идти!

Караванщик буквально выпихнул своих спутников из таверны. Не забирая лошадей, Грокотух повёл Виктора в центр площади — прямо в сторону красивого готического храма. Когда до великолепно исполненной лестницы, ведущей к центральному входу в собор, оставалось всего несколько шагов, Йормлинг остановился и присел на одно колено. Наёмник опустил голову, прикрыл глаза и что-то зашептал.

— Что он делает? — спросил Виктор.

— Читать молитву, — ответил Грокотух так, чтобы «Орёл» его не услышал. — Дело в том, что раньше он быть в составе Авельонского Инквизиторского Ордена, но за какие-то нехорошие заслуги его оттуда изгнать. А вера оставаться. Вот он всё ждать и надеяться, что однажды его принять обратно. А пока что работать наёмником.

— Печальная история...

Йормлинг закончил с молитвами и первым пошёл по резным ступеням. Идущий следом за ним караванщик приобнимал Виктора за плечи, попутно рассказывая о местной церкви:

— Я, конечно, не веровать в человеческих богов, но уважать их. К тому же, я знать здесь много хороших людей, которые часто помогать мне, а я помогать им. Сказать, тот знакомый, к которому мы тебя вести, один из лучших друзей Йормлинга. Отличный человек, отличный...

— А что с богами-то? Я пару раз слышал от наёмников, как они упоминали какую-то «Небесную квинту». Что это?

— Квинта — это пятибожие. Пять самых-самых главных богов. Хотя их гораздо больше, около тридцати. Тебе не надо их запоминать всех, ведь они всегда упоминаться как единое целое. И лучше тебе об этом спросить... нет, Йормлинга оставлять в покое. Он и так немного не в себе.

Виктор согласился и до самого конца подъёма не произнёс ни звука. Но, поднявшись, не смог сдержаться и всё-таки ахнул: красота этого храма оказалась просто неопишуемой. Все стены были рельефными, повсюду вырезаны сцены из священных писаний или иных важных для местного человечества историй. Усеянный увядшими розами серый ковёр, явно что-то символизирующий, буквально заставлял идти вперёд, склоняя голову, что все трое и сделали. И лишь пройдя через массивные ворота, подняли взгляды.

Главная зала собора оказалась классической для подобного здания. По всему её периметру вдоль протяженной дорожки параллельно друг другу стояли сотни длинных лавочек. А сама дорожка оканчивалась сценой для певческого хора, который сейчас отсутствовал. Собственно, вокруг не было совсем никого, и лишь спустя несколько минут словно из ниоткуда появился молодой парень в золотистой сутане. Подойдя к гостям, он низко поклонился и спросил:

— Здравствуйте. С какой целью вы к нам? Исповедь уже прошла, но если вы хотите, то...

— Нет-нет-нет, — замахал ладонями Грокотух. — Нам нужен Клод Люций.

Парень удивлённо изогнул бровь:

— Вы уверены? Епископ сейчас немного занят, но если вы настаиваете, то я...

— Да-да, юнец, настаиваем, — гаркнул Йормлинг. — Отведи нас к нему, сейчас же!

— Как пожелаете, — смиренно ответил храмовник и повёл всех за собой в «служебные» помещения. Пройдя через скрытый в тени проход, вся компания спустилась по лестнице в подвальные помещения, где всё выглядело несколько иначе, нежели наверху. Вместо величественного архитектурного ансамбля перед глазами Виктора предстали низкие потолки, длинные коридоры и скудное освещение от факелов. Парень в сутане повёл гостей в один из таких коридоров и спустя минуту остановился возле невзрачной дубовой двери, после чего удалился восвояси. Грокотух откашлялся и скромно постучался.

— Войдите, — сразу же раздался чей-то приятный баритон.

Караванщик пропустил вперёд Виктора, а Йормлинг остался стоять снаружи. Видимо, гордость не позволяла здороваться с кем-то из его бывшей братии.

Келья оказалась на удивление просторной и богатой. В самом её центре стоял большой металлический стол, заваленный свитками и перьями. Шифоньеры, стоящие возле стен, изобиловали разномастными книгами, а с потолка свисала явно недешёвая посеребренная люстра.

Посреди всего этого ансамбля на низком стуле восседал и сам хозяин кельи. Он встал и вплотную подошёл к своим гостям. Виктор отметил тонкий вкус епископа: в своих белых тугих штанах и красном, вышитым золотом мундире он походил на английского солдата шестнадцатых-семнадцатых веков. Лицо его казалось добрым, но явно неухоженным: растрёпанные волосы свисали до самых плеч, а борода и усы доставали почти до живота. Вытянувшись по струнке перед Грокотухом, он приветливо улыбнулся и пожал караванщику руку. Потом перевёл взгляд на Виктора и спросил:

— Могу ли я узнать, кого ты привёл ко мне?

Грокотух ухмыльнулся и гордо выпалил:

— Конечно, Ваше Преосвященство, не смею таить: я приводить к вам Викферта. Даже не сомневаться, он приходит к нам из другого мира. Его сюда, приводить некто Лагош. И имя это казаться мне странно знакомым...

— Вы только сразу не прогоняйте меня, — встрял Виктор. — Это правда. В своём мире я был столь стар и болен, что планировал спокойно умереть в ближайшее время, но Лагош предложил мне попасть сюда, а заодно омолодиться. Первым делом я встретил моего нового друга — Грокотуха — он и помог мне добраться до Авельона. И, вот, я стою перед вами. Вы сможете мне помочь?

Клод Люций задумчиво оглядел Виктора и отошёл к своему столу. Раскидав в разные стороны свитки, он отыскал небольшую круглую кнопку и со скрипом надавил на неё, после чего произнёс:

— Это ты правильно сделал, мой серокожий друг, что привёл пришельца сразу ко мне. Кто же кроме меня сможет помочь ему? Правильно. Никто.

В голову Виктора почему-то вдруг закрались сомнения. Появилось необъяснимое желание бежать. Бежать, как можно дальше, не оглядываясь. Убеждая себя в собственной глупости, он посмотрел в глаза Грокотуха, надеясь увидеть там поддержку, но в них не осталось ничего доброго. Лицо пепельника исказилось довольной гримасой, когда Епископ вдруг неприятно расхохотался, а в келью вломились трое вооружённых солдат.

— Взять его! — повелел Клод Люций, и один из стражников незамедлительно ударил Виктора в живот кулаком, облачённым в латную перчатку, после чего повалил на пол. В глазах всё задвоилось, а от резкой боли захотелось выплюнуть собственные лёгкие.

Солдаты скрутили Виктора и нацепили на него кандалы. Епископ порылся в своём личном сундуке и, достав из него увесистый мешок, бросил его Грокотуху. Иномирец догадался по звону, что внутри бряцали монеты. Караванщик, откланявшись присутствующим, поспешно засеменял к выходу. И Виктор, повернув в его сторону голову, успел заметить безразлично стоящую за порогом фигуру Йормлинга. Наёмник, словно сожалея, понурил взгляд и удалился вслед за пепельником.

А епископ, приподняв Виктора за плечи, вдруг задал вопрос, ответ на который если и был известен, то только одному Лагошу:

— Ну, пришелец, не смей мне лгать: где спряталась твоя чертовка-сообщница?

— Что?!

За этим словом последовал мощный удар ногой по голове. Мир померк и уже в который раз за эту неделю погрузился во мрак беспомыслия.

ГЛАВА 6

Казалось, что череп вот-вот взорвётся от напряжения и разлетится на мириады раскалённых добела осколков. Сознание разрывали на части жуткие кошмары: чудовищные монстры, мрачные тёмные помещения, призраки прошлого и настоящего... голова неимоверно болела, и Виктор прекрасно ощущал всю полноту боли даже сквозь сон, из которого он всё никак не мог выпасть обратно в реальность. Сновидения приходили снова и снова, начинались откуда-то с середины и никогда не доходили до конца, незаметно перетекая в совершенно иные сюжеты. Разум Виктора метался по разным углам закровов своих страхов, испытывая чувства, которые давным-давно посчитал безнадежно утерянными в пучине мыслей, идей и воспоминаний.

Пару раз всё-таки удавалось прийти в себя, но лишь на несколько мгновений. Ни единожды не получилось приподнять веки даже на полсантиметра, так что место нахождения Виктора оставалось для него тайной. Во время кратких пробуждений ощущался холодный противный сквозняк, до мурашек обволакивающий вспотевшее тело. Бил озноб, что могло объясняться внезапно нахлынувшим жаром.

Однажды сквозь дрему послышался чей-то голос, но слова были едва слышны, так что Виктору не удалось разобрать даже пол говорившего. Возможно, это был Клод Люций, безуспешно пробовал привести в чувство своего заключённого. Может, решил поразвлечься Лагош. Или Лиза вдруг попыталась вырваться из бездны памяти и вывести своего возлюбленного на свет бодрствования.

Вскоре эта загадка разгадалась сама собой. Когда Виктор почувствовал полное пробуждение, а вместе с ним и лютую головную боль, он с трудом раскрыл глаза и огляделся. Его привязали крепкими ремнями с хитроумными карабинами и защёлками к холодной металлической

кровати без единого намёка на постельное бельё. Помещение, в котором находился Виктор, вне всяких сомнений было тюремной камерой, причём столь малой, что кроме железной койки здесь бы не поместился ни один предмет интерьера. Каменные неотёсанные стены визуальное ещё сильнее уменьшали свободное пространство, а отсутствие света внутри камеры угнетало больше всего. Неподалёку за решёткой скудно освещал коридор одинокий факел на стене.

Виктор не сразу заметил, что рядом с кроватью, прямо на полу, кто-то сидит, поджав под себя колени. Сокамерником оказался худощавый и побитый мужчина лет сорока на вид. Из одежды на нём висел лишь рваный льняной балахон да блестели стальные кандалы на ногах, а его длинные растрёпанные волосы и бороду брили в последний раз явно не меньше года назад. Кожа мужчины покрытая огромными гематомами, сияла многочисленными ссадинами и порезами. Ноги, судя по их форме, были неоднократно сломаны без последующего вправления костей на должное им место.

— Жестоко они с тобой, — выдавил из себя Виктор. — Это ведь те ребята — инквизиторы, да?

Сокамерник очнулся ото сна и резко вскочил. Огляделся по сторонам, истерически размахивая руками, после чего поглядел на Виктора, устыдился своих действий и успокоился. Подойдя поближе и присев на край кровати, сказал:

— Ну, не лично епископ, конечно же. Ему до столь мелкой шушеры, как я, нет никакого дела. Ты понимаешь, о чём я? Понимаешь?

Виктор кивнул. Голос собеседника дрожал, что нагоняло страх, отчего спорить с сокамерником не было никакого желания.

— Пока ты отдыхал, я бы тебе словно мама, понимаешь? — продолжал мужчина, активно жестикулируя пальцами и мотая головой из стороны в сторону. — Смывал с тебя пот, прикладывал ко лбу мокрую тряпку... понимаешь меня? Тебя так лихорадило, трясло, я был просто в восхищении! Ух! Понимаешь?

— П-понимаю, — испуганно ответил Виктор. — А ты кто такой? Почему тебя здесь держат? Ты преступник? Надеюсь, ты не из тех ребят, которые просто балдеют от убийства беззащитных и обездвиженных жертв, а то было бы очень, знаешь ли, обидно...

— Что?! Мурфик — убийца?.. — сокамерник злобно зашипел, подпрыгнул и стал бегать по камере из одного конца в другой. Ноги его при этом изгибались под неестественным углом, но спустя несколько «кругов» сумасшедший вернулся на своё место и, тяжело дыша, громко цокнул языком: — Цапля! Цапля! Раз-два-три! Нос салфеточкой утри! Я не убийца, ты понимаешь меня? Викферт! Викферт! Хе-хе-хе!

— Что? Откуда ты знаешь моё имя? Кто ты такой?!

— Моё имя — Мурфик Лучезарный! — сокамерник гордо отсалютовал и выпрямил спину. — И... что это? Кажется, это был таракан! Так и есть — это же таракан! Лови его!

С этими словами Мурфик прыгнул на четвереньки и бросился к решётке. Рядом с ней действительно ползло какое-то насекомое, и сокамерник, схватив его зубами, тут же сгрыз неудачно забредшего в эту камеру таракана.

— Ну, так что? Откуда ты меня знаешь? — не успокаивался Виктор. — Кто сказал тебе моё имя?

Мурфик дожевал насекомое и забрался на кровать. Из его бороды торчали остатки «трапезы»: лапки, крылышко и кусочки хитина.

— Я знаю тебя, да, — кивнул сокамерник. — Ты знаешь меня. Или не знаешь? погоди, я ведь представился, да? О, нет-нет, не говори мне, пусть это останется сюрпризом! Я так долго тебя ждал, ждал, Викферт. Цапля! Цапля!

Виктор зажмурился от очередной порции головной боли, усиленной идиотизмом Мурфика. Мысленно досчитав до десяти, он открыл глаза и относительно спокойным голосом спросил ещё раз:

— Чёрт возьми, да скажи мне уже наконец, откуда тебе известно моё имя? Кто тебе его назвал, а? Не прикидывайся дурачком, пожалуйста! У меня тут и без твоих выходов проблем по горло. Например, надо понять, где я и как мне отсюда выбраться. А потом найти моего «друга» по имени Грокотух, и...

— Кто-кто-кто? Грокотух? Тот серокожий узурпатор, торгующий живым человеческим мясом? — Мурфик вдруг мгновенно посерьёзней. — Ну ты и влип, парень. Лучше с ним не связывайся. Непонятно ещё, как ты остался свободным после встречи с ним. Хотя, кажется, теперь мне понятно, как ты тут оказался.

Виктор на минуту впал в раздумья. Потом, откашлявшись, ответил:

— Нет, ты перепутал. Грокотух — предприниматель. Ну, торговец. Он перевозит из Авельона в своё ханство и обратно редкие товары. Ну, иногда, конечно, нелегальные, но...

— Редкие товары! Ха! Ха! — рассмеялся сокамерник. — Да работорговец он! Причём один из самых жестоких и влиятельных по эту сторону Горизонта! Хе-хе-хе! Эх, ты, слепец... Цапля! Цапля!

— Да отстань ты уже со своей цаплей, ей-богу. Грокотух — работорговец? Ты не шутишь? Но по нему этого не скажешь. Он даже таможи проходил на тракте. Солдаты его проверяли и...

— И уходили, гремя золотом в кармане. Да-да-да. А тебя не удивило, что повозки в караване были пустыми, а? Слепец!

— Я, честно говоря, внутрь не заглядывал, но, кажется, там были какие-то ящики и бочки. Да и как я мог бы понять, что караванщик торгует рабами, если обозы ехали без «товара»? Даже загляни я внутрь, всё равно ничего бы не понял.

— Ящики, бочки... тьфу! Прикрытие. А пусто там было потому что караван как раз ехал в столицу за очередной партией человечинки. Понимаешь? А?

— Понимаю, — с грустью и нотками обиды в голосе ответил Виктор. — Меня обвели вокруг пальца. Меня продали, как вещь. Так? Я видел, как Грокотух получил за меня мешочек с монетами. Вот же двуличная сволочь... ну, погоди, пепельник. Выберусь отсюда — покажу тебе, где раки зимуют...

— Раки! Раки! — завёлся как ненормальный Мурфик. — Цапля! Раки! Цапля!

Сокамерник вновь стал бегать туда-сюда, и теперь ничто его не успокаивало. Он задыхался, но не останавливался, и кандалы на ногах нисколько не мешали этому спортивному действию. Цепь громко гремела, что вызвало внимание охранника, дежурившего неподалёку.

— Угомонился, живо! — рывкнул он, подойдя к решётке и стукнув по ней сапогом. Что странно, это подействовало, и сумасшедший вновь уселся на край кровати, виновато понурился головой. — Так, а ты, чужеземец, проснулся? Тогда жди здесь, и никуда, хе-хе, не уходи. Я скоро вернусь.

Сказав это, охранник удалился, а Мурфик вылутился на Виктора как на прокажённого. Распахнув от изумления рот, он пролепетал:

— Ты... ты из другого мира? П-правда?

— Ну, вроде бы. Слушай, так ты не ответил. Откуда тебе известно моё имя? Пожалуйста. Молю тебя, не начинай опять своё сумасшествие.

Сокамерник протяжно вздохнул. Не спадающая с его лица глупая ухмылка вдруг растворилась в явной печали. Мурфик махнул рукой и грустным тоном ответил:

— Ладно, ладно. Нормальный я. Просто играю этот спектакль для ублюдков из инквизиции. Понимаешь? Я думал, что тебя послали за мной следить, и выявить, правда ли я «сдвинулся», или притворяюсь. Но теперь уверен, что это не так.

— И почему же ты мне вдруг поверил? Только потому, что узнал о том, что я пришёл сюда из другого мира?

— Ну, отчасти — да. Я думаю, что никто не может так досконально изображать лихорадку в течение стольких часов подряд. Что ты на меня так смотришь? Да-да, прошло, вроде бы, часов семь с тех пор, как рогатые тебя в камеру бросили. А, да, ещё. В довесок к болезни, я нашёл в кармане твоих брюк кое-что, нашему миру не принадлежащее.

— Эй! Ты что, рылся в моих вещах? — сперва возмутился Виктор, но сразу сменил свой гнев на любопытство, так как он вспомнил, что попал в эту реальность абсолютно голым, без единого предмета с Земли. — И... что это за вещь? Покажи мне её, прошу. Мои руки, как видишь, скованы

Сокамерник засунул руку в карман Виктора и вытащил оттуда небольшой квадратный листок плотной глянцевой бумаги. Присмотревшись, Виктор понял, что этот предмет — самая обыкновенная фотография. Да не просто фотография, а портрет Лизы, что висел в старой квартире в родном мире Виктора на дверце холодильника, прикреплённый магнитом. Именно его разглядывал Лагош во время своего нежданного визита десятков дней назад.

— Тут ещё сзади написано: «Не унывай. Твой Л.».

Теперь у Виктора не осталось сомнений. Лагош выкинул очередной фокус, надеясь вызвать у попавшего в темницу землянина то ли на яростную злобу, либо на плаксивое умиление. Но, как бы там ни было, Виктор остался благодарен колдуну за этот неожиданный и приятный подарок, и даже улыбнулся столь забавному стечению обстоятельств.

Мурфик засунул фотографию обратно в карман Виктора и сказал:

— А имя твоё, как и номер заключённого, они накололи на шее. Сзади, прямо под волосами. Без зеркала не увидишь. Это на случай, если ты вдруг изволишь покинуть стены сего чудного заведения по собственному желанию. Стражники бросятся в погоню, отыщут тебя, проверят твою «принадлежность» к собственности инквизиции и притащат обратно, да глаз спускать не станут. Жизнь, считай, будет перечёркнута, если она, конечно, уже не осталась для тебя в прошлом.

Виктор принял к сведению неприятные известия о «наколке» на шее и, стараясь собраться с мыслями, прикрыл глаза. План побега появляться сам собой никак не желал, да и каких-либо лазеек нигде видно не было. Высвободиться из кожаных ремней, конечно, может помочь и Мурфик, но что дальше? Голыми руками ломать металлическую решётку или ковырять вслепую замок обрубком ногтя — явно не вариант для избитого и истощённого тела. К тому же, сокамерник вряд ли станет помогать с побегом, если только он сам не будет в этом серьёзно заинтересован.

— Скажи, Мурфик, — задумчиво произнёс Виктор. — Ты сам-то за что сидишь? Почему-то я уверен, что не за убийство и не за воровство. За это бы тебя, думается мне, вздёрнули на суку при въезде в город, или голову сняли на плахе. Не-е-ет, тут что-то другое. Может, политическое преступление? Готовил государственный переворот, а? Ну, не вороти нос, поведай мне свою историю.

Мурфик усмехнулся и сложил руки на груди. Состроив подозрительный прищур, спросил:

— А с какой целью интересуешься? Хочешь посягнуть на великие тайны, что хранит моя голова? Так знай, что десятки дознавателей пытались из меня эти сведения выбить. Предлагали даже целый сундук золота, десятков наложниц и хижину в горах. А когда не соглашался — ломали кости, проверяли на моей спине прочность раскалённых добела клинков. Тупых клинков, хочу тебе сказать. С зазубринами и заусенцами, которые не режут, а рвут под собой любую плоть, любую жилу. Это так больно, что...

— Меня не интересуют твои тайны, — покачал головой Виктор. — Подумай сам, как я с ними смогу распорядиться?

— А кто ж тебя знает? Может, тебя они разговорят быстрее, чем меня. И тогда — всё, конец мне настанет. А я ещё жить хочу, понимаешь? В моей голове всё ещё теплится мысль о том, что когда-нибудь я снова смогу обнять жену, сына, друзей.

— Вот именно поэтому я и расспрашиваю тебя. Мне ведь тоже не с руки тут засиживаться. Я, знаешь ли, не из этого мира, и тратить жизнь на прозябание в холодной камере чужой реальности очень не хочу. Вот и возникла у меня мыслишка: а что, если мы сбежим отсюда вместе? Ты да я. Поможем друг другу.

Мурфик схватился за бока и рассмеялся:

— Ну ты и артист, иномирец. Сбежать удумал. Ты посмотри на меня, дурень! Меня с такими ногами догонит даже младенец. Причём этот же самый младенец меня же и забьёт до смерти своими маленькими ручонками, так как сил у меня не осталось ни капли. Но... но историю свою я рассказать могу, пока за тобой не вернулся стражник. Располагайся-ка поудобнее в свих ремешках и слушай.

Виктор усмехнулся и удивился юмористическим порывам сокамерника. Наверняка именно такое шутливое настроение и не давало ему поставить на себе крест все эти долгие месяцы постоянных избиений и протяжённых «дознаний».

— Слушаешь, да? Так вот, — Мурфик сделал долгую паузу, словно придумывая или вспоминая что-то. — Некогда странствовал по герцогству и за его пределами один охотник за приключениями. Статный и красивый, его мечом были упокоены сотни жутчайших чудищ и вполне себе разумных злодеев вроде болотников. Ко всему прочему, он прелестно играл на лютне, а когда пел собственные песни, сами боги спускались с небес, чтобы послушать его игру. И, чтоб неповадно было иным кавалерам, по части дам этот герой был явно не промах: он

побывал в постелях многих десятков очаровательных красавиц. Я говорю что именно он был у них, а не они у него, потому, что кочевой образ жизни так и не позволил этому красавцу приобрести собственный дом, хотя средства располагали к покупке крупного особняка. Не жаждал он отходить от дел, пока на свете бродят полчища кровожадных монстров, подстерегающих ни в чём не повинных крестьян.

— Похоже на какую-то сказку, — нахмурился Виктор. — Ты ведь не выдумываешь всё это? И кто этот герой? Не ты ли?

— Куда ты так торопишься? Попрошу меня более не перебивать. Рассказчик должен полностью погрузиться в историю, чтобы рассказать её без утаек и всяческих привираний. Так вот, продолжаю. Героя того звали Рагнар Чёрный. Не гляди на имя с недоумением: душа его, в отличие от имени, была белее снега! Подвигов Рагнар совершил за свою жизнь столько, что и в тысяче томов не описать. Но, вот беда, не видел наш герой смысла в своих странствиях. Нет, несомненно, его прельщала возможность помогать простому люду, выручать попавших в беду девушек и богатеньких купцов, ведь от тех и других можно было получить хорошую награду... но конечная цель появляться перед героем так и не спешила. В последние годы своей довольно продолжительной для странствующего воина жизни Рагнар и вовсе стал походить на привидение, ежедневные действия которого стали похожи на мистический ритуал, повторявшиеся вновь и вновь уже, казалось бы, целую вечность. Прибытие в трактир, расспросы о работе, прибытие на место, работа, награда. Потом снова. И снова. И снова. Нашего героя это вдруг стало так выводить из себя, что во время очередного налёта на разбойничий лагерь он сперва перебил в одиночку половину врагов, а после спрятал меч в ножны и предложил переговоры, на что радостный атаман любезно дал своё согласие. Рагнар предложил главе грабителей сделку: он им поведаёт о местонахождении огромного и плохо охраняемого золотого запаса, а они взамен никогда больше не появляются на этих землях. Предложение звучало весьма странно, но атаман не увидел в нём ничего подозрительного, потому что оказался беспросветно глуп, и согласился. И вот, спустя несколько недель, бандитская шайка окружала небольшое поместье близ Авельона. Всё было тщательно спланировано и отрететировано. Ровно в полночь разбойники тихо напали на ничего не подозревающую охрану, но не тут-то было. Некто вырвался из темноты и положил всех бандитов одного за другим. Когда таинственный убийца подошёл к раненому атаману и снял маску...

— Им оказался сам Рагнар, да?

— Ты что, уже слышал эту историю? — нахмурился Мурфик. — Тогда зачем я тут перед тобой распинаясь и рассказываю всё это, а?

— Нет-нет. Просто очень предсказуемо. Продолжай, пожалуйста, я внимательно тебя слушаю.

Сокамерник бросил недоверчивый взгляд, но почти сразу продолжил:

— Да, убийцей оказался Рагнар Чёрный. Кстати, прозвище своё он получил именно после этой самой ночи, потому что наш герой не прикончил атамана, а заключил с ним очередную сделку. Как выяснилось, Рагнар заранее сообщил о налёте владельцу поместья и предложил за огромные деньги услуги за отражение атаки. И теперь он хотел повторить тот же трюк, но уже в другом месте. Задача атамана была проста: набрать шайку жаждущих лёгкой наживы бандюг, чтобы потом пустить их под нож. И тут такое началось... одно за другим поместья подвергались таинственным нападениям непонятно откуда берущихся грабителей, и каждый раз на сцене появлялся Рагнар, чтобы вовремя всех спасти. Да, почернела душонка героя, ух как почернела... но золото и слава текли рекой! Даже не рекой, а снежной лавиной они

стекали в закрома Рагнара и его подельника.

— А мораль? Какой смысл в твоей сказке? К тому же, я ведь просил рассказать не о каком-то там Рагнаре, а тебе и твоём преступлении. Или ты уже забыл?

— Ни в коем случае. Моя память ещё тебя переживёт, понимаешь? Я продолжаю. Постепенно команда защитников выросла до трёх человек. С Рагнармом Чёрным защищали поместья от злодеев ещё двое наёмников. Но эти ребята не служили пушечным мясом: они были умны и коварны, под стать их лидеру. И однажды вся эта команда решила занять в свои лапы самое дорогое сокровище во всём герцогстве, а, возможно, и во всём мире. И лежало оно не в занюханном Авельонском банке, что охраняется всего лишь гвардией непобедимых паладинов, а прямо здесь, в храмовых катакомбах. И каким-то чудом Рагнар убедил Его Преосвященство в том, что храм находится в опасности, и только троица героев сможет отразить страшную атаку. Рагнар Чёрный вместе со своими подельниками изучил этот храм вдоль и поперёк, узнал про все тайные входы и выходы, отметил на своих картах каждую трещинку в стенах. А когда нападение всё же произошло, герои не стали убивать разбойников. Напротив, они помогли им вломиться внутрь, спуститься к сокровищнице и...

— И?.. почему ты остановился? Продолжай.

— Тихо! — Мурфик к чему-то прислушался и зашипел от злости. — Слышу звон лат. Сейчас сюда придут стражники. Скорее всего, заберут тебя с собой на допрос. Вот что я тебе скажу: постарайся с ними сотрудничать. Ты ведь ничего не сделал, так? Просто пришёл сюда из другого мира. Возможно, тебя поймут. Хотя, чего уж молчать, это вряд ли. Местные остолопы такие непробиваемые, что даже если на их глазах произойдёт что-то, отрицаемое в их священных писаниях, они всё спишут на козни пепельников или просто-напросто прирежут всех свидетелей и сделают вид, будто ничего и не было.

— Эй, погоди, а что случилось с Рагнармом? Расскажи скорее!

— Что, тебя судьба этого героя-грабителя волнует больше, чем признание в моём грешке, за который я здесь и сижу уже шесть, семь... может, десять? Или двадцать месяцев? Тут время летит совсем не так, как снаружи. Может, сказывается отсутствие светила на небе. Может, те травы, что они добавляют в еду... я... я... цапля! Цапля! Раки!

Мурфик вскочил с кровати и встал на одну ногу, изображая ту самую цаплю, которую он так часто упоминал в своих сумасшедших порывах. И вовремя — к решётке подошли двое облачённых в тяжёлую стальную броню стражников, держа наготове устрашающего вида булавы, которыми можно долго избивать и калечить человека, оставляя его при этом в живых.

— Эй, птица, а ну отошёл в дальний конец камеры! — рявкнул один из стражей, после чего Мурфик покорно отпрыгнул в сторону. Ключ повернулся в замке и решётка с мучительным скрипом резко отворилась, громогласно врезавшись в холодную стену.

— Стойте, стойте, ребята! — заговорил Виктор, безнадёжно пытаясь вырваться из кожаных оков. — Только не надо насилия, ладно? Это какая-то глупая ошибка, я не должен был здесь оказаться! Прошу, спокойнее, я готов с вами сотрудничать, только...

— Заглохни! — оба охранника подошли к койке и при помощи каких-то крючков на своих перчатках синхронно расстегнули карабины, сдерживающие ремни. Виктор наконец смог вдохнуть полной грудью, и после этого вдоха он понял, что всё его тело затекло а, освободившись от ремней, заболело пуще прежнего.

Четыре облачённые в латы руки небрежно схватили Виктора за одежду и со всего размаху бросили на пол. Спину пронзила тупая боль, но сил кричать уже не оставалось, а потому заключённый, просто до треска в ушах стиснув зубы, тихонько заскулил, как забитая собака. Мурфик в углу громко сглотнул, видимо, понимая, что сейчас чувствует иномирца.

— Слушай сюда, парень, — один из стражей наклонился к самому лицу Виктора и схватил его за грудки. Пару раз легонько хлестанул заключённого по щекам. — Мы тебе тут не святоши, а просто воины на службе, понял? Дёрнешься или чего ещё выкинешь — уподобишься искалеченному Мурфику. Скажешь хоть слово без разрешения — останешься без зубов. А теперь покажи мне, что всё понял и не станешь рыпаться.

Виктор поспешно закивал, крепко сжав губы, чтобы случайно не выдать ни единого звука. Стражник этим безмолвным ответом удовлетворился, довольно ухмыльнулся и поднял заключённого на ноги, после чего даже любезно помог отряхнуться от пыли. После этой странной процедуры оба охранника взяли Виктора под руки и без каких либо насильственных выходов повели его прочь из камеры, а обрадованный относительно приятным исходом этой сцены Мурфик облегчённо вздохнул и устало свалился на кушетку, где всего минуту назад лежал его новоиспечённый сокамерник.

Камера, казалось, была расположена в самых глубочайших недрах планеты. Стражники шли вместе с Виктором по длинным коридорам, десятки раз поднимаясь по неудобным винтовым лестницам всё выше и выше. Пройдя не меньше двух дюжин пролётов, Виктор изрядно замучился и стал тяжело дышать, а конвоиры, облачённые в тяжеленную броню, выглядели словно ожившие статуи — ни единого недовольного вздоха или иного показателя усталости.

В конце концов заключённого привели в небольшое и непроницаемо тёмное помещение, где единственным источником освещения служила одинокая свеча на маленьком круглом столе посреди комнаты. Было ощутимо холодно и откуда-то поддувал сильный сквозняк, но огонёк свечи оставался неподвижен. Присмотревшись, Виктор понял, почему: пламя было закрыто с двух сторон чьими-то ладонями, которые и не давали ветру оставить помещение неосвещённым.

Стражники отсалютовали человеку, что закрывал руками огонёк, и вышли за дверь, а из темноты вдруг раздался низкий, зловещий голос:

— Викферт, — медленно произнёс таинственный человек и сделал длительную паузу. — Я знаю, ты считаешь, будто твоей вины ни в чём нет, и что все совершённые тобой деяния — это лишь последствия трудного выбора, или даже принуждения со стороны. Но не спеши перечить: одно неуютное мне слово, и я вырву все ногти на пальцах твоих усталых ног и заставлю тебя их проглотить.

Незнакомец взял свечу и прошёлся с ней по комнате, зажигая остальные свечи в настенных канделябрах. Стало светлее, но не настолько, чтобы можно было разобрать личность страшного человека, если, конечно, это было важно. В общих чертах он походил на обычного монаха: чёрная мантия с глубоким капюшоном, чуть сгорбленная спина... но стоило ему сделать какое-либо движение рукой, как сердце у Виктора уходило в пятки — столь ужасающей казалась мрачная фигура. А кроме всего прочего, помещение однозначно можно было назвать пыточной, о чём свидетельствовали несколько приспособлений для допросов, которые Виктор знал по земной истории, такие как дыба, железная дева и колодки — так и неизвестные пришельцу с Земли агрегаты.

— Я надеюсь, — продолжал человек в капюшоне. — Что ты проявишь благоразумие и прольёшь, наконец, свет на всё то, что сейчас творится. На вашу эпидемию. На вашу чуму.

— П-прошу прощения, господин, но я и понятия не имею, о чём речь. Раз уж вы знаете, откуда я, то почему бы просто не задать мне несколько вопросов, к примеру, за чашечкой чая? Я таить ничего не стану. У меня нет никаких секретов. Никаких законов я не нарушал, вроде бы, так что скрываться от властей тоже смысла не вижу. Уважаемый, давайте просто...

— Я не разрешал тебе говорить, Викферт. И позволь по порядку. Меня зовут... Палач, и большего тебе знать не нужно. Если будет необходимо, я разрежу тебя на мириады окровавленных кусочков, но ты всё равно останешься жив и расскажешь мне всё, лишь бы я прикончил тебя как можно быстрее и безболезненнее. Клянусь, если мне придётся вырвать твои глаза и положить их в разные части комнаты, то ты будешь видеть нас с двух разных сторон, испытывая при этом чудовищные мучения.

Виктор с трудом проглотил подскочивший к горлу комок. На языке вертелось множество слов, но ни одно из них произносить не было ни малейшего желания. Заключённый почувствовал себя загнанным в угол зверем без возможности отступления; если двигаться, то только вперёд. А каким способом — уже иной вопрос, хоть вариантов виднелось не так много. Виктор решил, что будет акцентировать внимание на дипломатии, пытаясь свести насилие на нет. Ну, а если дело всё-таки дойдёт до кровопролития, то в рукаве землянина ещё оставался один огненный козырь.

— Заметь, — продолжал Палач. — Ты стоишь передо мной без оков и кандалов. Ты не сидишь привязанный к стулу и не вопишь от боли. А это значит, что у тебя есть все шансы остаться целым и невредимым. И, да, только попробуй что-нибудь зажечь своими пальчиками — и я вырву из плеч твои руки. Кроме того, те чернила, которыми на твоей шее выжжены имя и номер, обладают чудесными свойствами: они, попадая в кровь, почти полностью блокируют любую магию внутри тебя. А если всё-таки захочешь попробовать, то ты просто-напросто сожжёшь себе пальцы.

Надежда кого-нибудь воспламенить рухнула в одно мгновение. Виктор раздосадовано выругался, что не осталось незамеченным Палачом:

— Я так и знал. Ну, сам понимаешь, переговоры — штука тонкая, к ней надо готовиться заранее. Хотя, в твоём случае к подобному подготовиться просто невозможно. Хм...

Палач поставил посреди комнаты железный табурет и жестом предложил Виктору на него присесть. Заключённый недоверчиво оглядел стул, и, не заметив никакого подвоха, медленно уселся напротив своего дознавателя. А сам же Палач не пожелал находиться в поле зрения жертвы, а потому встал у Виктора за спиной и, выждав ещё одну мучительную паузу, перешёл к допросу:

— Назови мне своё полное имя и место рождения. И я ещё раз напоминаю обо всех благоприятных условиях, располагающих к прямоте и правде. От жестокой и кровавой смерти тебя отделяет всего одна невинная маленькая ложь.

Виктор облизал засохшие губы, поморщился от боли в нижней челюсти — видимо, кто-то его бил в то время, как он находился без сознания — и ответил:

— Викферт — это имя, данное мне Грокотухом. Ну, тем пепельником, что привёл меня в ваш чертог. Он сказал, что так будет лучше, и люди на улицах не станут чураться экзотического для вашего мира имени. На самом деле меня зовут Виктор Евгеньевич Богданов, и родом я с

Земли. Земля — это мой мир, моя планета. Я прожил там всю свою жизнь и был уже готов умереть, но Лагош помог переместиться сюда, да ещё и омолодил на много десятков лет.

— С этого момента подробнее, — приказал Палач. — Кто такой этот Лагош и зачем он перенёс тебя сюда? Кто он, чародей?

— Я не знаю, кто он, — пожал плечами Виктор. — Лагош чудным образом оказался в моей квартире и предложил сделку. Зачем — тоже понятия не имею. Он предложил мне... нет, не сделку. Дар. Сказал, что если я соглашусь, то получу молодость, но вернуться на Землю уже не смогу никогда. А после того самого перехода Лагош словно смеётся надо мной! Он приходил ко мне во сне и издевался. Он знал, что я попаду сюда, к вам. Знал... и ничего мне не сказал... я не понимаю его мотивов.

Палач задумался. Он прошёлся вдоль длинного книжного стеллажа возле дальней стены и остановился возле одной полупустующей полки. Взял ветхий фолиант, из которого почти выпадали истлевшие страницы, и, раскрыв его, вернулся к Виктору. Одной рукой Палач держал распахнутую книгу, а другой вдруг схватился за плечо допрашиваемого, да так крепко, что Виктор взвыл от резкой боли, но, устыдившись, замолчал.

— Во имя Света, покажи мне, что скрыто в твоей печати! — провозгласил Палач, прикрывая глаза. В комнате вдруг стало гораздо светлее, а сквозняк на миг превратился в штормовой порыв. От страха Виктор захотел вскочить и слепо убежать, не думая о последствиях, но сильная рука Палача не дала ему даже сдвинуться с места. В конце концов ветер перелистал все страницы в фолианте, и дознаватель, довольный этим, прекратил волшебное действие. Вновь потемнело, вернулся лёгкий сквозняк, а на пустующих страницах раскрытой книги вдруг яркими горящими чернилами стали высвечиваться какие-то слова, складывающиеся в стихотворные строфы.

— Что... что это было? — выдал из себя Виктор. — Прошу, не убивайте, я ведь готов с вами сотрудничать, и я...

Взмахом руки Палач приказал заключённому замолчать. Как только слова перестали появляться на бумаге, дознаватель громко, чётко и с расстановкой прочитал то, что в итоге получилось:

— «Узреть мимоходом, что скрыто от взгляда. Услышать беззвучного грома раскат. Лихой и желанной казалась награда, и нет уже больше дороги назад. Свободе поддавшись, свой нюх напряги, и запах костра не замедлит явиться. Не будет друзей, разойдутся враги — лишь надо железным богам поклониться». Запоминай, Век-тар Ев-гень-е-вич, это твой ключик к пониманию. — После этих слов Палач захлопнул книгу и, на удивление небрежно отбросив её в сторону, вернулся на прежнее место — за спину к допрашиваемому.

— И... и что это? — спросил Виктор, ещё раз прокручивая в голове непонятный стих. — Что за поэзия? Я, честно говоря, впервые слышу эти строки.

— Знаешь ли ты, что такое печать? Нет, не та печать, которой скрепляют конверт или подтверждают официальность ценных бумаг, а та печать, что у тебя в сердце.

— Не понимаю, о чём речь? Как на сердце может быть какая-то печать?

— Она не физическая, а, пожалуй, больше похожая на невидимую метку, узреть которую можно лишь при помощи силы Света или... кхм... магии. По сути дела, такая есть у каждого живого существа, и с рождения она остаётся абсолютно пустой, ожидающей своего

предначертания. Большинство так и не узнаёт о существовании оной до конца своей жизни. Но тебе повезло — я только что прочитал твою печать, иномирец. Этот проказник Лагош оставил на память небольшую загадку.

— Но зачем? И что мне с этим делать?

— Это я у тебя хочу спросить, — Палач скрестил руки на груди и замолчал, ожидая ответа. Виктор собрался с мыслями, слегка поёрзал на стуле и позволил себе небольшую вольность, которая могла стоить ему жизни: заключённый слегка повернул голову, чтобы посмотреть на своего собеседника. К счастью, дознаватель так и остался стоять на месте, не предпринимая никаких действий.

— Я клянусь, мне неизвестно, зачем Лагош сделал такой... дар. Да и дар ли это, на самом-то деле? С одной стороны, конечно, хорошо, ведь я снова стал молодым. Но с другой — я сижу здесь, в темнице, избитый, лишённый всякой чести, и, откровенно говоря, не верю, что мне удастся выйти отсюда живым, даже если я буду максимально честен и лоялен!

Палач вздохнул и прошёлся по помещению взад-вперёд. О чём-то задумавшись, он взял ещё один табурет, с грохотом поставил его рядом с заключённым и уселся напротив Виктора, сгорбившись и подперев подбородок ладонью. Дознаватель долго смотрел землянину прямо в глаза, потом засунул руку в один из карманов и вытащил оттуда небольшой тряпичный свёрток. Что находилось внутри, понять по очертаниям было абсолютно невозможно.

— Когда твоя сообщница по непонятным пока нам причинам избежала поимки и скрылась, я проводил обыск её логова, которое нашли вскоре после взлома. Увы, все улики она успела уничтожить. Все, кроме одной. — Палач бросил предмет Виктору и стал ждать, пока тот его развернёт. Заключённый неуверенно снял льняную упаковку и громко ахнул:

— О-о! Да это же... мобильник? Правда? Откуда тут взялся мобильный телефон? И я решительно не понимаю, о какой такой сообщнице вы говорите. Я прибыл сюда один, всего несколько дней назад. Можете удостовериться у Грокотуха, ведь именно на его караван я напёрся в том лесу будучи абсолютно голым после перехода.

Дознаватель бросил на Виктора тягостный взгляд, глубоко вздохнул и потянулся за чёрными клещами на столике, которые явно были предназначены для допроса с пикантным пристрастием. Телефон выпал из рук заключённого на пол.

— Нет, нет, подождите, я ведь правду говорю! Как мне вам это доказать? Прошу вас, не надо насилия, иначе...

— Иначе что? — удивился Палач. — Иначе ты сожжёшь меня своими пальчиками? Или, может, просто сломаешь мне нос?

— Я, к-конечно, не хочу всего этого, но если потребуется...

— Довольно! — раздался ещё один голос из-за спины. Виктор обернулся и увидел в дверном проёме самого епископа в чёрной невзрачной одежде. Клод Люций оглядел пыточную недовольным взглядом и остановил свой взор на Палаче. — Почему меня вызвали так поздно? И какого вервольфа этот человек ещё не в кандалах?!

— Ваше Преосвященство, у нас с Викфертом... с Виктором почти дружеская, ненасильственная беседа. Так ведь, Виктор?

Заключённый быстро закивал головой, не зная, что и сказать.

— И много ли информации ты выбил из своего нового друга за чашечкой чая? — нахмурился епископ.

— Достаточно, чтобы сложить полную картину происходящего, Ваше Преосвященство. Но я всё ещё не закончил, и, если вы, конечно, желаете, мы можем приступить к классическим процедурам кровопролития во имя Света. Как там по уставу? Три ногтя перед началом допроса, ещё два во время и от восьми до пятнадцати после?

В голове Виктора сложилась ужасная картина самой настоящей пытки, и его голову стала заполнять паника. Руки затряслись, по вискам скатывались капли ледяного пота, а глаза заморгали по несколько раз в секунду.

— Не стоит зря калечить нашего единственного подозреваемого по... по делу, — заявил епископ, смягчив тон. — Хотя, кисти рук не помешало бы отрубить, дабы заключённый никогда более не творил под нашими небесами чудовищную и зловещую магию!

— Позвольте, Ваше Преосвященство, — заговорил Виктор. — Я ведь не колдун, это всё Лагош! Я не просил его об этих странных рунах на пальцах, честное слово! Клянусь вам всеми святыми, вашими и моими, что я никогда в жизни, если вы так хотите, не стану даже вспоминать о своём даре!

— Всё-таки даре, — хмыкнул Клод Люций. — Ну, да ладно, твои огненные способности — самая малая проблема из насущных. Свет мне судья, да если я стану разбираться с каждым захудалым волшебником, который приобрёл, как ты изволил выразиться, «дар» всего несколько дней назад, то кто же будет заниматься сверхсекретными делами государственной важности? Ваше дело как раз такое, Викт... Викферт. Пусть уж будет так, хоть слух не режет. Да, как я и сказал, ваше дело приобрело статус государственной важности. Потому что столь чётко спланированное, вероломное, бесчеловечное ограбление просто не может оставаться в разряде обычных заурядных преступлений!

К панике Виктора потихоньку прибавлялась слепая злость от того, что его обвиняют в чём-то, чего он никогда не совершал. Епископ говорил о каком-то ограблении, но Виктор ясно помнил все свои действия, совершённые в этом мире. Да и времени на какой-либо грабёж просто не было: караван прибыл в город совсем недавно, и Грокотух практически сразу повёл своего спутника в объятия инквизиции.

— Ваше Преосвященство, — сказал Палач. — Мне кажется, что он не лжёт. Некто Лагош, видимо, зачинщик всего представления, перенёс Викферта к нам без конкретной цели, да ещё и оставил странное послание в его печати...

Виктор вновь нарушил правило молчания и по неведомой причине вдруг зачитал инквизитору стих, который несколько минут назад разглядел в печати иномирца Палач. Слова запомнились сами собой, заключённый озвучил всё без единой ошибки, словно эти фразы были крепко-накрепко заучены ещё в далёком детстве. Клод Люций задумчиво изогнул бровь, подошёл к Виктору и стал его со всех сторон внимательно осматривать. Чуть прищурившись, повелел:

— Повтори последнюю фразу.

— Э-эм, ладно... Не будет друзей, разойдутся враги — лишь надо железным богам поклониться.

— Железные боги, значит. Вот оно что. И это всё? Больше в печати ничего не осталось?

— Никак нет, Ваше Преосвященство, — заявил Палач, разводя руками. — Хотя, быть может, моих сил недостаточно, а в тёмных закоулках души допрашиваемого ещё что-нибудь можно соскрести.

— Не прибедряйся. Я прекрасно осведомлён о твоих талантах и полностью доверяю врождённому чутью на подобную... ересь. В целом и общем, загадка ясна, и вроде бы ответ так и крутится на языке, но мне нужно над этим поразмышлять. Я побуду наедине в своём кабинете. Попрошу до завтрашнего утра меня не тревожить.

Инквизитор лёгким кивком попрощался с Палачом и покинул пыточную. А дознаватель, проводив своего командира и духовного лидера каким-то странным, слегка презрительным взглядом, повернулся к Виктору и произнёс:

— Вот что я скажу тебе, счастливчик. Вижу, ты всё-таки не в курсе происходящего, да? Вроде из стана врага, но о планах не осведомлён. Или осведомлён, но скрываешь это столь умело, будто тебя заранее готовили к тому, чтобы не выдавать тайн даже под пытками.

— Я...

— Молчать! Твоя подружка уже дважды пыталась осквернить своими действиями этот храм, и дважды лишь наша доблесть и безукоризненная вера в Свет не давали ей совершать задуманное! Нам неизвестно, когда и где она появится в следующий раз, но эта информация нам очень нужна, и, уж прости, я должен выбить её из тебя. А если будешь молчать, я прибегну к истязаниям. Даже если ты действительно ничего не знаешь, это будет расценено мной как сокрытие тайн и нежелание сотрудничать с Авельонским Инквизиторским Орденом!

— И как же мне быть?! — повысил голос Виктор. — Что бы я ни говорил, вы всё равно будете меня мучить, потому что у меня нет никаких сведений об этой, как вы говорите, «подружке». Так к чему же эта комедия? Может, стоит приступить к пыткам прямо сейчас?!

Палач как-то странно улыбнулся и кивнул:

— Может и стоит.

С этими словами он потянулся к столу с инструментами и взял оттуда некое приспособление, напоминающее скальпель, с той лишь разницей, что лезвие было полупрозрачное и слегка отдавало белизной. Палач повертел орудие в ладонях, что-то про себя нащёптывая, и вдруг направил свободную руку в сторону заключённого, произнеся что-то на незнакомом Виктору языке. После этого действия дознаватель медленно произнёс:

— Встань со стула и ляг на ту кровать в углу.

Виктор хотел было хмыкнуть и скрестить руки на груди, показывая этим свой неломаящийся дух, но по каким-то причинам его тело само собой поднялось и направилось к металлической кровати. Заключённый просто-напросто не мог управлять сам собой, хоть и прекрасно всё чувствовал; все движения контролировались голосом Палача. Тело без колебаний приобрело лежачее положение и рядом незамедлительно оказался сам гипнотизёр, всё ещё сжимая в руках зловещее лезвие скальпеля.

— Я люблю нагонять страх на свою жертву перед тем, как начать отрезать от неё лоскутки, — без особых эмоций сказал Палач. — С одной стороны, это всего лишь моя работа, этим я отдаю дань Свету, но с другой — это моё призвание. Я могу упиваться процессом и твоими молящими криками целую ночь подряд. Но, увы, сегодня придётся обойтись без столь милых моему слуху

воплей. Ты не сможешь даже промычать от боли, но чувствовать себя будешь в полной мере.

Палач снова взмахнул рукой и прочитал новое заклинание. Сперва Виктор ничего не почувствовал, но через несколько мгновений понял, что с ним произошло. Дознаватель громко рассмеялся и своим смехом лишь подтвердил догадки иномирца:

— Да, да! Ты всё правильно ощущаешь. Сколь мучительна ни была бы агония, мои чары не дадут твоему телу впасть в бессознательное состояние, тем самым оказывая мне медвежью услугу. Так что, увы, звёзды сегодня не на твоей стороне. А сейчас я на минутку позволю тебе говорить, но пока я не задам вопрос, старайся не произнести ни звука, ладно? Иначе будет больно.

Отложив скальпель в сторону, Палач щёлкнул пальцами. Виктор сразу же почувствовал, что мышцы лица снова ему подчиняются и захотел закричать, но с титаническим трудом заставил себя этого не совершать. Заключённый медленно кивнул, давая знак о том, что он готов к вопросу.

— Ну, приступаем. Скажи мне, Викферт, что тебе известно о Книге Сожалений? Подумай хорошенько прежде чем ответить.

Виктор стал нервно перелистывать свои воспоминания об этом мире, пытаясь найти хоть какое-нибудь упоминание об этой Книге. Может, думал Виктор, Грокотух о ней упоминал, или же Йормлинг. Но, увы, после минуты раздумий в мыслях заключённого не крутилось ни единой зацепки.

— Мне ничего не известно Книге Сожалений, — ответил он. — Я клянусь, что никогда не слышал ни о чём подобном. Пожалуйста, отпустите меня, и я буду делать всё, что вы прикажете. Умоляю вас! Я...

— Довольно. Неужели ты думаешь, что я удовлетворюсь этим ответом? Я ведь предупредил, что мне нужны ответы. И если у меня их не будет, тебе не поздоровится. Вот и всё.

— Но где же тут логика?! — Виктор практически перешёл на истерический крик. — Это невероятно глупо! Что же мне делать? Придумать эти сведения, лишь бы не попасть под нож?! Так, значит, работает ваш Орден? Тогда поспешу расстроить: вся подобная «ценная» информация, которую вы так выбиваете, лишь плод воображения готовых на всё ради жизни «еретиков»! В моём мире много веков назад было абсолютно то же самое. Инквизиторы хватили якобы ведьм и выбивали из них признание в содействии злым силам, хотя на самом деле они были простыми домохозяйками и просто чем-то не удовлетворили светских господ!

Палач довольно усмехнулся и вооружился скальпелем. Один щелчок пальцев и рот Виктора снова оказался окаменелым. Дознаватель приблизил лезвие к глазам заключённого и ответил:

— Логика, говоришь? А у нас своя логика. Не дерзи заместникам Света в этом мире, во всём им помогай и будь готов жизнь отдать ради блага Ордена, запомнил? А теперь молись своим богам или во что ты там веришь, потому что сейчас тебе будет нестерпимо больно.

Внутри Виктора пылал огонь. Заключённый изо всех сил пытался хоть немного шевельнуться, но магические оковы Палача не давали сдвинуться ни на сантиметр. Даже веки перестали опускаться, отчего глаза уже начинали испытывать неприятные режущие ощущения и стали истекать едва ли увлажняющими слезами. Виктор отчаянно кричал, и ему казалось, что у него это неплохо получается, но на деле это была лишь разгорячённая фантазия, подкреплённая толикой страха и холодной паникой.

Палач приподнял одну ладонь Виктора и оглядел подушечки пальцев. Странные руны занимали его всего пару мгновений; внимание дознавателя было всецело обращено на плоть заключённого, которую можно было с огромным успехом всячески истязать. Лезвие скальпеля коснулось основания большого пальца правой руки Виктора, прямо напротив основного сустава.

— Забыл сказать, — отвлёкся палач, задумчиво оглядывая свой инструмент. — Ты наверняка незнаком с материалом, из которого сделана эта вещь. Этот металл называется соляной сталью, и используется исключительно в стенах нашего храма. Да-да, ты не ослышался, сталь соляная. Раны будут бесконечно мучительно гореть, я гарантирую это.

Последнюю минуту Виктор всем сердцем надеялся, что дознаватель лишь блефует, но все надежды рухнули, когда заключённый выцепил краем глаза взгляд Палача. В нём было столько желаний приносить страдание, что на миг Виктора охватила полная апатия и абсолютное смирение. И все эти эмоции, весь немой страх, все мысли вдруг мгновенно испарились, когда невероятно острое лезвие скальпеля с едва слышимым хрустом вонзилось в палец заключённого, безжалостно отделив его от ладони.

Хлынула кровь. Как и обещал Палач, Виктора охватила агония. В груди бушевал ураган, он готов был вырваться наружу единым криком, но чары дознавателя всё ещё действовали и надёжно выполняли свою сковывающую функцию. А сам же Палач грубо продолжал свои мучения: он ковырял кончиком скальпеля открытую и кровоточащую рану, соскабливая куски плоти с оголённой кости. И, кроме всего прочего, соляная сталь действовала именно так, как и обычная соль — обрубок пальца словно пылал на настоящем огне.

— Ты не волнуйся. Ещё пару пальчиков — и я повторю свой вопрос, — с улыбкой на лице сказал Палач, поднимая отлетевший в сторону палец и став его осматривать. Он играл бровями, хмурился, поворачивал трофей под разными углами и в итоге рассмеялся: — Ха! Нет, ну надо же! Руническая магия. Твой Лагош что, болотник, что ли? Ладно, оставлю себе на память, ты не против? Конечно не против.

Скальпель отправился в карман, а Палач отошёл к книжному шкафу и положил отрезанный палец на самую верхнюю полку. Остановившись, он стал читать вслух названия на корешках фолиантов, будто и забыв о том, что неподалёку лежит и мучается от нестерпимой боли Виктор. Дознаватель отошёл от шкафа лишь через несколько минут, но направился он не к кровати, где лежал заключённый, а к столу со своими инструментами. На сей раз, недолго думая, он выбрал уже появлявшиеся в его руках ранее клещи.

— А знаешь, — задумался Палач. — Как можно получать удовольствие от пытки, если твой подопытный молчит, как рыба? Непорядок.

Недовольно покачав головой, дознаватель снова вернул своему заключённому возможность издавать звуки, чем тот незамедлительно воспользовался и завопил так, как не вопил никогда в жизни. Все муки, что были заперты внутри окоченевшего тела, разом вырвались наружу в десятикратном размере, и палача это явно забавляло:

— Хо-хо-хо, какая экспрессия! Сколько чувств! Да ты прирождённый актёр, Викферт. Но ничего, ничего. Мы сейчас придадим твоим эмоциям ещё более живой оттенок, даже чересчур живой. Сгустим краски, так сказать! Начинаем.

На этот раз Палач выбрал своей целью указательный палец. Зацепив клещами кончик ногтя, он довольно подмигнул Виктору, который до сих пор не унимался и продолжал кричать, хотя всё

его существо пыталось этого не делать. Дознаватель в последний раз убедился в крепости своей хватки и стал медленно вытягивать ноготь из его законного места.

— Хва-а-атит! — вырвалось из глотки Виктора во время очередной порции воплей. — Сто-о-ой!

— Что-что? Дёргать, говоришь? — Палач резко выдернул ноготь и отложил клещи в сторону, наблюдая за результатом своей работы. Заключённый, казалось, от боли был уже невменяем, так что никакой информации, по мнению дознавателя, добыть сегодня уже не удастся. — Эх, перестарался! Как же это я так?..

— Прошу, хватит... не надо больше...

Палач тяжело вздохнул, походил по помещению, решая, продолжать свои пытки, или же отложить их на следующий день, когда заключённый отдохнёт, немного наберётся сил и будет готов к «расколу», так как не захочет повторения мучений.

— Стража! Заберите этого олуха отсюда и оттащите обратно в камеру!

С этими словами дознаватель вновь вернул Виктору контроль над телом и возможность упасть в обморок, чем разум заключённого незамедлительно воспользовался. А в пыточную камеру тем временем вошёл капитан стражи. От остальных охранников его отличали покрывающие абсолютно всё тело позолоченные латы, украшенные алой геральдикой, а также закрытый шлем-бацинет с тонкой прорезью для глаз. Капитан снял с пояса наручники и, встав возле Палача, поклонился ему.

— Да, да, здравствуй, — отмахнулся дознаватель от стражника и стал разгребать свой стол с инструментами. — Займись бедолагой.

— Здравствуй-здравствуй, ублюдок, — тихо и зловеще ответил капитан и со всей силы ударил Палача по голове своим тяжёлым бронированным кулаком, отчего тот, не издав ни единого звука, незамедлительно рухнул на пол и обмяк. Стражник надел на дознавателя кандалы, оттащил тело в платяной шкаф для одежды и с некоторым усилием спрятал его там, подперев дверцу тяжёлой табуреткой.

Из коридора слышались крики. В сторону пыточной камеры кто-то бежал. Капитан, не теряя времени даром, схватил лежащий на полу мобильник и бессознательного Виктора, перекинул тело через плечо и помчался прочь из этого помещения.

Виктор понимал, что спит. Он почувствовал это сразу, как только потерял сознание. Кроме того, один взгляд на всё ещё целёхонький большой палец сразу навёл на мысли о том, что всё вокруг — нереально и эфемерно. А вокруг было не так уж и много всего: Виктору снилось, что он стоит посреди того самого леса, куда его перенёс с Земли Лагош. Только теперь под ногами лежала не осыпавшаяся хвоя, а холодная каменная кладка, какая находилась в пыточной камере. То там, то здесь виднелись засохшие пятна крови, под деревьями валялись грязные и проржавевшие насквозь клещи и скальпели, а откуда-то с неба постоянно раздавался смех то Палача, то Грокотуха.

Самого затейника-Лагоша нигде не было видно. Видимо, он не врал, когда сказал, что они с Виктором, скорее всего, больше никогда не увидятся, что не могло не огорчать уже потерявшего всякую надежду на спасение заключённого. Виктор побежал вперёд: ему показалось, что впереди меж деревьев он увидел чей-то силуэт. В голые ноги постоянно впивались разбросанные инструменты, но Виктор заставил себя думать, что это всего лишь

сон, и боль сразу же отступила. И как заключённый не бежал вперёд, догнать стоящую на месте фигуру у него не выходило.

Остановившись, Виктор подобрал с земли небольшой камень, бросил его в сторону силуэта и закричал:

— Эй, ты! Выходи, сукин сын! Ну же, чего ты боишься? Раз уж забрался в мой сон, так будь добр, прояви уважение и представься!

С небес снова рассмеялся Палач, и всё вокруг вдруг заполнил густой белый туман. Он окутал Виктора, приподнял его и стал медленно поднимать к верхушкам деревьев. Поравнявшись с кронами, на одной из них заключённый заметил странное для этих мест, пусть даже имеющих сновидческое происхождение, существо, и удивлённо воскликнул:

— Цапля?!

Сон резко оборвался. Хмурясь от рези в глазах, Виктор приподнял веки. Удивлению его не было границ, когда он увидел над собой глядящего прямо на него Мурфика, за спиной которого стоял капитан стражи. Сам же Виктор лежал на кровати в своей камере, но он не был связан как в прошлый раз или скован заклинаниями, да и боль в руке слегка поутихла.

— Жестоко они с тобой. Я перевязал твою руку, но вскоре потребуются более серьёзное медицинское вмешательство, — пробурчал Мурфик, и выдержал недолгую паузу. — Ну, да ладно, позволь тебе представить твоего спасителя...

Стражник медленно стянул с себя шлем, из под которого сразу же упала на плечо длинная светловолосая коса. Под латами капитана скрывалась молодая голубоглазая девушка, очень непохожая на местных представителей человеческого рода. Приглядевшись к ней, Виктор абсолютно точно для себя определил: она не из этого мира.

— ...Дарью Стужневу, — закончил фразу Мурфик. — Твою соотечественницу.

ГЛАВА 7

Виктор цеплялся за своё земное прошлое, пытался найти в нём хоть одно упоминание о той, что сейчас стояла перед ним, но, увы, так и не смог ничего вспомнить. Проблема была в том, что разум Виктора где-то глубоко-глубоко, в самых недрах своего сознания считал, что Земля — это крошечная провинция, такая далёкая и прекрасная, но столь милая сердцу и приятная в воспоминаниях. И в этой провинции каждый знает друг друга в лицо и по имени, все люди без лицемерия добры и приветливы, никакие пепельники не устраивают рабские базары, никакие болотники не грабят путешествующие по шоссе автомобили. Но реальность, как всегда, жестоко обломала Виктора, напомнив, что в его мире не пара сотен дружелюбных соседей, а несколько миллиардов человек, и чтобы запомнить каждого, нужно обладать поистине божественными способностями.

Пока Виктор пытался прийти в себя, Мурфик небрежно столкнул его с кровати и вместе с Дарьей перетащил этот единственный предмет мебели к решётке, тем самым баррикадируя путь на тот случай, когда стража начнёт свой однозначно беспощадный и несущий лишь смерть штурм.

Дарья сняла с пояса церемониальную, но не перестающую быть от этого внушительной булаву, провела над ней ладонью, и оружие вдруг вспыхнуло, словно факел, превратившись в яркий источник света, озаривший всё помещение.

— Давай, Мурфик, расскажи ему всё, — сказала девушка. Голос звучал звонко и приятно, но назвать его милым или нежным было довольно затруднительно. Интонация походила на сухую и повелительную, не несущую в себе особых эмоций. Видимо, подумал Виктор, перед ним стоит самый настоящий воин, а не гламурная кокетка с Земли, хоть и прибывшая сюда именно оттуда.

— Как скажешь, — Мурфик забрал у Дарьи факел, и девушка отошла в угол камеры, зачем-то постукивая по стене в разных местах. — Так вот. Я, помнится, не рассказал до конца интересную историю про Рагнара Чёрного, да?

Виктор вопросительно изогнул бровь:

— Разве у нас нет дел поважнее этого? Послушай, когда сюда прибегут охранники, они пробьются через вашу баррикаду, убьют Дашу... можно тебя так называть?

— Без проблем, — не оборачиваясь, ответила девушка.

— Хорошо. Убьют Дашу, тебя, а меня оставят на десерт и будут мучить до скончания веков. Я бы не очень хотел...

Мурфик приложил палец к губам Виктора и улыбнулся:

— Всё не так просто, малыш. Не будь эта история столь важной, я бы не стал тратить на неё наше драгоценное время. А закончил я на том, что Рагнар со своей командой якобы защищал этот самый храм, в подземельях которого мы сейчас находимся, от разбойников, и когда шайка сюда всё же проникла, он вдруг сменил сторону и помог ей перебить всю охрану. Более дерзкое преступление и представить себе сложно, но наш статный герой превзошёл сам себя. Ни один храмовник не смог остановить его. Сила Света, как её называют эти ребята, не смогла защитить их от простых грабителей. Ну, не совсем простых, конечно, но всё же. Кстати, ты ведь уже знаешь, что Свет, та волшебная сила, которой пользуются в Инквизиторском Ордене, есть ни что иное как обычная магия, против которой храмовники так яростно сражаются и из-за которой они вешают на осинах всех неугодных им фокусников? Хе-хе...

— Мурфик! — крикнула Даша, вставляя лезвие кинжала между каменных блоков в стене. Чуть расшатав, она вытащила один из камней, и тот с грохотом свалился на пол, подняв облако пыли и извести.

— Ладно, ладно, буду короче. В общем, Рагнар со своей командой и грабителями спустился к самой главной сокровищнице во всём Авельонском герцогстве. Без малейшего труда он прорвался внутрь, но... но некая драгоценность, которая и была целью грабежа, в сокровищнице этой отсутствовала. А кроме того, тайный ход, которым команда собиралась выбраться после свершения преступления, оказался замурован. Всё было очень скверно. Очень-очень. А по лестнице уже спускались герцогские гвардейцы, не знающие никакой жалости к врагам церкви.

Даша тем временем вытащила уже четыре крупных блока, за которыми показался тёмный подземный лаз. Она выжидающе посмотрела на Мурфика, и тот заговорил ещё быстрее:

— То был жаркий бой. Почти никто не смог выбраться оттуда живым. Рагнар вместе с одним из помощников смог пробиться к выходу и вдвоём они скрылись в городских трущобах, а другой наёмник остался их прикрывать, надеясь на быструю смерть. Увы, смерть твоему покорному слуге в ту ночь никто не даровал, а вот мучениями и пытками мне отплатили знатно...

— Постой, так ты был приближённым Рагнара?

За баррикадой раздались быстрые шаги. Стражники были скоординированными, не кричали и не стучались судорожно в закрытую и забаррикадированную решётку. По-видимому, один из них чем-то очень тяжёлым стал бить по замку, и надеяться на приятный и благополучный исход было попросту глупо.

— Пора, Мурфик, — шёпотом произнесла Даша.

— Да, я знаю. Слушай меня внимательно, Виктор, пришелец с Земли. В твои руки я доверяю самое дорогое, что у меня сейчас осталось — её. Ты не смотри на тяжёлые латы и воинственный нрав, на самом деле она просто девчонка и нуждается в защите ещё больше, чем я или ты. Так что береги её, и помоги закончить начатое, ясно? Ты меня понял?

— Не... не совсем. Что закончить? Почему я? Господи, да что мне делать? Палач сказал, что если я сбегу, меня найдут по той татуировке под волосами. Мол, они будут всегда знать, где я нахожусь. Так что...

— Хватит уже ныть, — рявкнула девушка и вдруг схватила Виктора за шею своими руками. Несколько секунд ничего не происходило, но потом Виктор почувствовал жуткий жар, исходящий из пальцев Даши. Хотелось закричать от агонии, но вовремя подбежавший Мурфик закрыл Виктору рот своей ладонью.

А жар всё усиливался и усиливался. Боль уже стала невыносимой, она перешла все мыслимые границы и стремительно двигалась к болевому порогу. Сам того от себя не ожидая, Виктор собрался с духом и крепко-намертво сжал свои челюсти, чтобы не издать даже писка.

Запахло палёной плотью. Когда уже стало казаться, что ещё миг — и всё, смерть, Даша убрала свои руки и смахнула со лба пот:

— Нет у тебя больше номера на шее. Я выжгла его. Ожог, правда, останется, но это лучше, чем быть пойманным инквизиторскими псами. И да, своими способностями ты сможешь пользоваться, думаю, через сутки, не раньше, когда эта дрянь полностью выветрится из твоего организма. А теперь идём, время поджигает, — девушка повернулась к Мурфику. — Ты уверен, что хочешь остаться? Это совсем необязательно. Я даже настаиваю на том, чтобы...

— Уверен, милая. Уверен. Пожалуйста, берегите друг друга, хорошо? Это очень важно. Это максимально важно!

Дарья крепко обняла своего друга и нежно поцеловала его в лоб. Мурфик, казалось, покраснел и на миг растерялся, но вдруг посерьёзнел и нарочито грозно повелел:

— Кхм... Бегите отсюда! Живо!

Виктор протянул сокамернику свою изуродованную ладонь. Тот несильно сжал её, дабы не причинить ненароком ещё больших мучений, безмолвно кивнул и отдал иномирцу импровизированный факел-булаву.

Даша схватила Виктора за плечо и потащила его в секретный проход. Размер лаза был совсем невеликим, и обоим пришлось пригнуться почти до самого пола. Первой попыталась пролезть девушка, но сделать это у неё не получилось из-за чересчур широких наплечников. Выругавшись матом на чистейшем русском языке, Даша одним движением сорвала их с себя и отбросила в сторону, после чего нырнула в проём, со скрежетом задев грязными камнями

драгоценную кирасу. Виктор, набрав в грудь побольше воздуха, двинулся следом. Уже оказавшись по ту сторону камеры, он в последний раз обернулся и с жалостью в глазах посмотрел на Мурфика. Тот подбадривающе подмигнул, коротко отсалютовал и вдруг воздел свои руки к потолку, закрывая глаза и входя в магический транс. Одну ногу он приподнял и согнул в колене, а другой словно врос в пол, идеально поддерживая равновесие. Вокруг стал нарастать странный гул; слегка задрожали стены, а с потолка посыпалась многовековая пыль.

— Чего встал? — крикнула Даша. — Быстрее!

— Он что, маг? — удивлённо спросил Виктор, возвращаясь к своей спутнице. Девушка забрала свою булаву и, освещая путь, быстрым шагом, почти бегом направилась вперёд.

Даша не ответила. Она просто шла, не оглядываясь, по длинному и узкому коридору. Виктор решил, что время поговорить обо всём наступит несколько позже, и сейчас следует сосредоточиться на побеге, так что допрашивать девушку не стал и покорно последовал за ней.

Тайный проход был небрежно вырублен прямо в каменной породе, видимо, глубоко под городом. Низкий свод, изредка подпоротый крупными деревянными балками, ещё сильнее уменьшал и без того маленький лаз. Несколько раз Виктор спотыкался и падал на колени, сбивая их до крови, но тут же поспешно вставал, потому что Даша останавливаться и помогать ему явно не собиралась. А, спустя минуту, где-то позади раздался звук ломающейся решётки и разлетающейся в железные щепы кровати, за которым последовал боевой клич Мурфика. На сей раз стены задрожали куда сильнее. Всё загрохотало, послышался гулкий взрыв... и всё затихло. Ни звука, ни крика.

— Он погиб? — обеспокоенно спросил Виктор. — Он погиб или выжил?

— Он устроил обвал в камере, убивая преследователей и отрезая этот путь от других храмовников. Как думаешь, ты бы выжил, упав тебе на голову каменная кладка размером со слона?

— Я... но ведь он же маг, да? Разве при помощи магии нельзя как-то себя от этого защитить? Может, что-то вроде невидимого зонта, который...

— Отставь разговоры в сторону, ага? Мы всё ещё не в безопасности, так что заткнись и молча двигайся за мной след-в-след.

Виктор понурил голову и с печалью на сердце выругался на весь мир. Ему казалось, что всё это из-за него, что Мурфик отдал свою жизнь только ради мнимого благородства. Но чувства вины и жалости перекрывала мысль о том, что тот самый благородный Мурфик, которого долгие месяцы пытали недружелюбно настроенные инквизиторы, сам оказался злодеем, грабителем и, возможно, убийцей. Но как бы там ни было, все размышления сейчас казались помехой: Виктор и так едва поспевал за Дашей, которая постоянно скрывалась за поворотами, освещая лишь путь перед собой и забывая о плетущемся позади товарище.

Постепенно свод стал становиться шире. Опорные балки встречались в разы чаще, но они не вызвали ни малейшего доверия — больше половины из них находились в ужасном аварийном состоянии и одно неловкое движение могло превратить их в труху. Под ногами что-то неприятно хлюпало, а в воздухе висел стойкий запах плесени и сырости, смешанный с чем-то ещё, очень неприятным и даже слегка пугающим.

Спустя полчаса Даша, наконец, остановилась, и до предела уставший Виктор свалился рядом с ней в ледяную лужу, сильно ушибившись плечом об острый выступ в стене. Девушка, цокнув

языком и закатив глаза, помогла спутнику подняться, оглядела перевязанную ладонь и раздосадовано покачала головой:

— Рана всё ещё сильно кровоточит. Ты слабеешь на глазах, и умрёшь от потери крови, если прямо сейчас что-нибудь не сделать.

— Что мы можем сделать здесь, в холодной пещере под городом? — устало спросил Виктор и тут же понял, что произнести эту фразу стоило ему огромных трудов, и сил на последующий диалог практически не осталось.

Девушка взяла в свои ладони обезображенную руку Виктора и аккуратно стянула с неё лоскуты рубашки Мурфика, которой и была перевязана рана. Сперва кровь течь перестала, но вскоре хлынула сильнее прежнего. Виктор, почувствовав, что теряет сознание, сел на холодные камни и прижался спиной к одной из балок.

— Слушай меня внимательно, — Даша крепко сжала ладонь Виктора и пальцы её стали потихоньку теплеть от нарастающей в них магической силы. — Сейчас тебе будет очень больно, но то, что я сделаю, необходимо для выживания. Ты мне потом ещё спасибо скажешь. Просто закрой глаза и постарайся думать о чём-нибудь хорошем. А если вдруг захочешь, так сказать, вздремнуть, то собери всю волю в кулак и сопротивляйся как загнанный в угол зверь. Иначе мне придётся тебя тут бросить, потому что вскоре ищейки возьмут наш след, а одна я тебя вытащить на плечах не смогу. Ты вон какой здоровый, а я, как ты заметил, росточка невеликого.

— Делай, что нужно, — согласился Виктор, крепко зажмурившись. — Шею ты мне уже изуродовала, что может быть больнее?

— Ну, вот ты мне потом и скажешь, что окажется мучительнее, — пожала плечами девушка и сразу же приступила к процедуре прижигания. Кожа Виктора под её пальцами плавилась, но сам землянин от боли не кричал, хотя ему нестерпимо хотелось вопить во всю глотку. Перед его мысленным взором предстала Лиза, ещё совсем молодая, полная жизни. Она стояла рядом, улыбаясь, и одним своим молчанием придавала бодрости, внушала желание двигаться вперёд, до самого конца, сколь мучительным ни окажется путь.

— Как комарик укусил, — сквозь зубы процедил Виктор, решившись открыть глаза и посмотреть на процесс «операции». К счастью, Даша быстро закончила, и теперь сперва лишённая целого пальца и в придачу одного ногтя ладонь на какое-то время могла не мешать продвижению вперёд. Внешне рука выглядела ужасно, что на миг вогнало Виктора в мимолётную апатию, но облик Лизы снова вернул ему боевой, пусть и покоробленный пытками, настрой.

— Таким ты мне нравишься больше, — подмигнула девушка. — Можешь не благодарить, завтра и ты сможешь всю плавить окружающее пространство любой частью тела.

— Любой? — удивился Виктор. — Но ведь эти... эти руны, они же только на подушечках пальцев.

Девушка показала спутнику свои руки, на которых красовались абсолютно те же неземные буквы, что и у Виктора:

— Руны — это лишь приёмники энергии, — пояснила Даша. — Но никак не огнёмёты. Если как следует во всём этом разобраться, то тебе станут подвластны и остальные природные стихии, в том числе и те, о которых ранее ты даже не слышал. У меня, честно признаюсь, пока выходит

плоховато, но уж явно получше чем у тебя. Например, я могу заморозить воду в стакане, или дуть с силой штормового порыва, но всё это требует изрядных силовых затрат, так что без надобности всем этим лучше не пользоваться. И поверь, потеря одного пальчика волшебной силы ни на йоту не уменьшит. Вот если отрезать руки и ноги, тогда...

— Ладно, я понял, — Виктор медленно поднялся на ноги и постарался сохранить равновесие. Голова кружилась и в глазах темнело, но тело всё ещё бодрствовало, ноги позволяли идти, а руки — балансировать, чтобы вновь не свалиться на пол. — Идём?

Даша кивнула и снова пошла впереди. Но на этот раз она уже не отходила от Виктора так далеко, старалась держаться рядом, и по возможности поддерживала раненого под руку.

— Авельон — жуткое место, скажу я тебе, — развеяла тишину девушка. — Я уже сбилась со счёту, сколько месяцев нахожусь здесь. Увы, но в этом мире дни, недели и месяцы разнятся с земными, так что определить точное количество проведённого здесь времени попусту невозможно. Если, конечно, ты не прихватил с собой точнейший хронограф.

— Грокотух говорил, что местные сутки делятся тридцать три часа, а год — больше пятисот дней.

— Не знаю, кто этот твой Грокотух, но здешний час явно состоит не из шестидесяти минут, а, на мой взгляд, из восьмидесяти-девяноста. В любом случае, определить это довольно тяжело, потому что такая вещь как часы в герцогстве не в ходу. Единственный точный счётчик времени, пожалуй, это часовая башня в герцогском замке. Но я так и не удосужилась во всём этом разобраться. Быть может, у тебя когда-нибудь появится на это время.

Виктор решил, что это не столь важно, и если же ему предстоит всю жизнь провести в герцогстве, то придётся перенять его единицы измерения времени, а также многое, многое другое.

— В чужой монастырь со своими часами не ходят, — пробурчал он себе под нос.

Вскоре впереди послышался странный шум. Виктор не сразу понял, что это бурлит вода, да не просто вода, а мощный поток, будто где-то под Авельоном расцветает огромный подземный водопад. Даша подтвердила эту догадку, но лишь наполовину:

— Впереди сток. Вскоре мы выйдем из этого лаза и попадём в городскую канализацию, где я частенько пряталась от неприятелей, отдыхала и... охотилась. Так что держись рядом и постарайся не свалиться в воду — там невесть кто может обитать.

— Что может быть опаснее канализационных крыс? — удивился Виктор и усмехнулся.

— Беглые болотники, например, — беспечным тоном ответила девушка и довольно ухмыльнулась, глядя на ужаснувшееся выражение лица своего спутника.

Постепенно шум становился всё сильнее, источник находился уже где-то неподалёку. Виктор с каждым шагом всё больше и больше озирался по сторонам, пытаясь выглядеть и выявить любой источник угрозы, пусть то будет хоть канализационная крыса. Пару раз под ногами что-то с неприятным хрустом ломалось, но Виктор решил не смотреть вниз, дабы не видеть, на что наступает его нога. Он надеялся, что это были лишь сухие ветки, но где-то в глубине души Виктор понимал, что дерево не может оставаться во влажной среде настолько сухим и твёрдым, но при этом хрупким.

— Совсем перестал смотреть под ноги, — заметила девушка. — По костям ходишь, хоть бы уважение к покойникам проявил!

— Вот зачем ты мне сейчас это сказала? — раздражённо ответил Виктор, до конца надеявшийся, что дорога не устлана ветхими скелетами. — Я старался не думать об этом.

— Тебе надо перестать быть такой неженкой. Подумай о том, что ты уже пережил здесь. Наверняка ведь всего один проведённый в Авельоне день по степени опасности превосходит всю твою земную жизнь, ага?

Виктор кивнул. Впечатлений за последнюю неделю появилось хоть отбавляй, и далеко не все из них можно назвать хорошими, но каждое из них было чем-то новым, неизвестным, а оттого манящим и загадочным. Даже пыточная камера, побег и прогулка по мрачному подземелью выглядели в чём-то романтично, если, конечно, взглянуть на всё это под очень уж косым углом.

— Даша, скажи, откуда ты узнала про этот лаз? Уж не сама ли вырыла?

— Брось свои шутки. Конечно же не сама. Когда Мурфик попался, мы с Рагнарсом Чёрным долгое время искали тайный путь внутрь храма. В итоге выяснилось, что почти к каждой камере ведёт отдельный тоннель! Кто и когда их строил — непонятно, но это в очередной раз доказывает то, что не всё в этом мире так, как выглядит на первый взгляд. Рагнарс однажды предположил, что ходы эти были вырыты самими инквизиторами, чтобы иногда давать заключённым возможность бежать. Чтобы их потом ловить и вешать на них ещё и побег от из под стражи. Понимаешь?

— Понимать-то понимаю, но звучит это уж больно странно. Все эти игры, змеиные выпады... не моё. Я прямолинеен, и, наверное, потому требую того же от всех остальных. А хотя, может, так на мне сказывается мой возраст. На Земле мне было за семьдесят, когда Лагош предложил... сделку.

Даша остановилась. Обернувшись, вопросительно изогнула бровь:

— Лагош? Это точно?

— Точнее некуда.

Загадочно хмыкнув, девушка продолжила движение. После недолгой паузы она вновь заговорила:

— Разумеется, Лагош. Кто же ещё? Он один устраивает всю эту вакханалию! Чёртов демон! Что он тебе сказал? Как заманил сюда?

— Как уже было сказано, на Земле я разменивал восьмой десяток. Солидный возраст, ты не находишь? Мало того, я умирал. Врачи пророчили месяц жизни, максимум два. И вот однажды в моей квартире появился этот фокусник, предложил вновь обрести молодость, силу, красоту. Единственным условием стала невозможность возвращения назад, на родину. Вот, собственно, и всё. Остальных его мотивов я так и не понял, хотя очень хотел бы их познать.

Даша обогнула очередной выступ и неожиданно оказалась у самого конца тайного хода. Лаз оканчивался небрежной аркой из балок, и выходил в длинный широкий коллектор, в котором по колени текла мутная жёлто-зелёная вода. Происхождение противной на вид жижи Виктор знать не желал, а потому старался дышать ртом, чтобы ненароком не поймать носовыми

рецепторами зловонный запах и не вызвать тем самым столь ненужную сейчас рвоту, которая означала бы для организма потерю бесценной жидкости. Девушка стала идти против течения, и скорость передвижения несколько упала. Ноги едва справлялись с потоком, сил на преодоление такого препятствия почти не осталось. Даша подхватила Виктора под плечо и вместе они стали двигаться немного быстрее.

— Сколько, говоришь, тебе было? За семьдесят?

— Если точнее, то семьдесят пять. У меня, кстати, по земному календарю скоро должен быть день рождения, но теперь это всё уже не имеет значения, да? Без разницы. Сейчас лишь бы добраться до укрытия, выпить целое ведро студёной воды и как следует отдохнуть...

— Эх, грёзы-грёзы. Не волнуйся, скоро мы доберёмся до места, — подбодрила Виктора девушка. — Ты, главное, держись, не отключайся. Мне, кстати, было шестьдесят семь, когда... когда я переместилась сюда. Хочешь, расскажу эту историю?

— Было бы неплохо. Буду цепляться за твою речь и постараюсь не провалиться в небытие.

— Ну, тогда слушай. Я всю жизнь проработала тренером по альпинизму и горному туризму в целом. Всю свою жизнь, представляешь? С юности. Сперва это было просто детским увлечением, затем я попала в местную секцию, закончила училище, а к тридцати годам уже всю отдыхала на зимних заснеженных курортах, да ещё и получала за это деньги... красота, одним словом! Я была настолько увлечена собственным делом, что даже и не думала о том, чтобы остепениться. Нет, честно, когда мне подруга сказала на каком-то празднике, мол, Дашенька, а ты чего это до сих пор не замужем? Интрижки втихую крутишь, да? Вот я и задумалась тогда: а ведь действительно, мне уже за тридцать, а я всё ни сном, ни духом о замужней жизни. И вдруг стала искать себе мужа, как умалишённая, представляешь? Совсем с катушек поехала.

— Разве не все едут на этой почве с катушек? — усмехнулся Виктор и раскашлялся. С губ потекла тоненькая струйка кровавой слюны.

— Не трать силы на разговоры. Мужа я так и не нашла, признаюсь честно. Были несколько ухажёров, но слишком уж мне претила мысль встречаться с овдовевшим директором тракторного завода или уже седым, но донельзя распутным семьянином, изменяющим своей жене по два раза в неделю. Так и осталась я, образно говоря, старой девой до преклонного возраста. Но я не особо жалею об одиночестве, ведь всю жизнь я посвятила любимому делу — я взбиралась на горы, каталась на лыжах, радовалась новому восходу и учила этому других. В целом, моё прошлое можно назвать счастливым.

— Как и моё, — преодолевая боль, медленно произнёс Виктор. — Лиза, любимая жена, умерла задолго до моей старости. Может, это и к лучшему, ведь она не увидела моего заката. Она не горевала, когда я увядал, когда мучился от старческих болезней. И где бы она сейчас ни была, надеюсь, она мной гордится. Гордится, что я с честью прожил те годы, что были отмерены мне без неё. Сильнее Лизы я никогда никого не любил и не полюблю, что в той жизни, что в этой. Она — моя путеводная звезда, всегда выручающая в тяжёлые времена. Она... она...

— Воу-воу, парень, полегче! — забеспокоилась Даша, поддерживая заваливающегося на бок Виктора. — Ты только держись, ладно? Забудь про разговоры, отложим всё на потом. Сосредоточься на пути.

Дальше двигались молча. Коллектор не был идеально ровным: подниматься приходилось «в горку», с которой, ко всему прочему, лился сбивающий с ног поток зловонной воды. Если бы

кто-то шёл по пятам, то преследователи ни за что не смогли бы точно сказать, в какую сторону пошли беглецы.

Постепенно становилось всё светлее и светлее. Стены коллектора освещали ярко-зелёные люминесцентные грибы, таинственно переливающиеся и безумно красиво отражаясь в грязной жиже. Вскоре Даша и вовсе потушила свой «факел», и, повесив булаву на пояс, стала поддерживать Виктора уже обеими руками. Этот поход мог плохо кончиться, если бы не вовремя появившееся случайное ответвление куда-то в сторону, откуда доносились глухой свист и монотонное шипение. Девушка, выругавшись от усталости, свернула на повороте и пошла немного быстрее. Сам же Виктор уже почти не чувствовал конечностей, и переплетал ногами исключительно машинально, словно напившийся в конце недели алкоголик, ведомый под руку служителем правопорядка в ближайший опорный пункт.

— Потерпи ещё немного, — сказала Даша то ли Виктору, то ли себе спустя полчаса скитаний по канализации. — Буквально сделать пару шагов, и мы на месте.

Парой шагов дело не ограничилось. Девушке пришлось протащить на себе здорового мужчину ещё три сотни метров, прежде чем впереди показался свет горящего очага. Тоннель коллектора извивался, как змея, не давая разглядеть убежище издалека, и в итоге привёл скитальцев в небольшое помещение с высоким каменным сводом. Где-то наверху куполообразного свода виднелся решётчатый диск, сквозь который проходил солнечный свет, но подобраться к люку не было никакой возможности. Убранство этой странной комнаты оказалось уютным относительно всей остальной канализации: пол здесь отличался относительной сухостью, в обложенном кирпичами кострище дотлевали алые угли, а подле костра лежал прислонённый к стене матерчатый топчан. В углу неподалёку стоял открытый ящик, из которого торчали разного рода полезные для выживания вещи: лопата, топор, несколько мотков верёвки, какая-то одежда и что-то ещё.

— Уж извини, малыш, перекусить пока нечем. Но ты пока располагайся и отдыхай, ладно? Набирайся сил, в ближайшем будущем нам предстоит совершить многое.

Даша аккуратно уложила Виктора на топчан, засунула под голову некое подобие подушки, укрыла рваным пледом, а сама уселась рядом и протяжно вздохнула:

— Ну и тяжёл же ты, дружище, — хмыкнула девушка. — Но я справилась. Я сильная.

Виктор наконец мог расслабиться и предаться невозмутимому бездействию, но по какой-то причине разум не давал телу уснуть. Снова разгорелась обезображенная кисть, заныли отбитые бока. Не на шутку разболелась голова, и боль эта предательски спускалась ниже, в зубы и челюсти, принося с собой страшный озноб.

— Как же мне плохо, — прошептал Виктор и крепко зажмурил глаза. Спустя мгновение он укрылся с ног до головы, и из-под пледа попросил: — Пожалуйста, продолжи свой рассказ.

Девушка пожала плечами:

— Уверен, что тебе это окончательно не забьёт мозг? Ну, смотри мне. Как я уже говорила, семью завести у меня так и не получилось. Хотя, конечно, «завести семью» звучит примерно как «завести собаку», да? Не важно. До седой старости я всё гоняла на лыжах, учила детей выживать на дикой природе и мечтала о собственном ребёнке, но было уже, как ты понимаешь, поздно. И вот, однажды, возвращаясь из очередного приключения, я заклевала носом за рулём. Я вела машину по горному серпантину, как вдруг уснула, представляешь? Устала. Уснула. Вечер, туман, успокаивающая музыка... вот меня и угораздило. Машина вылетела с дороги,

пролетела над обрывом тридцать метров, приземлилась на бок и сделала ещё с десяток кувырков, прежде чем врезалась в широкую сосну. Каким-то образом случилось возгорание, всё вокруг заполонил едкий дым. Не понимаю, как я тогда не вырубилась сразу? Зачем всё запомнила?

— По тебе не скажешь, что ты побывала в смертельной аварии.

— Разумеется. Последнее, что я помню, это как сосна, в которую я врезалась, рухнула на крышу машины. Следом настал капут, мрак. Очнулась в больнице. Врачи всё сновали туда-сюда, лепетали что-то про «чу-у-удо!», а на самом-то деле это было самым настоящим адом, и я пожалела, что не умерла в аварии. Обе ноги и правая рука отсутствовали, причём если от ног ещё остались небольшие культы, то на месте руки не было абсолютно ничего. Кроме того, всё моё тело испещрилось рваными ранами, лицо и грудь превратились в один сплошной ожог. Волос, разумеется, не осталось, я почти перестала что-либо видеть, даже себя в зеркале рассмотреть толком не смогла. Зубов и вовсе не осталось, равно как и половины языка — его я чертовски прокусила во время аварии, так что единственные звуки, которые мне удалось тогда произнести, были похожи на мычание телёнка. Вот и скажи теперь, Виктор, кому нужна шестидесятисемилетняя старуха без ног и руки, уродливая, ненужная, не имеющая ни внуков, ни даже детей? Как я могла надеяться на чудо?

— Сочувствую, я бы ещё легко отделался, умерев от рака, — искренне произнёс Виктор из-под пледа. — Но что случилось дальше? Появился Лагош?

— В точку. Он зашёл в палату в докторском халате, представился моим новым лечащим врачом. Стал вести себя очень странно: заговорил об иных мирах, о жизни и смерти, о безграничных возможностях и глупости семи миллиардов серых мышек, что живут на этой планете. Именно в этот момент Лагош и предложил мне вновь стать восемнадцатилетней девчонкой с длинной косой, иметь красивое и сильное молодое тело, получить возможность начать всё заново, возможно даже создать семью, которой у меня никогда не было... но только в ином мире, то есть здесь. И я, не раздумывая, согласилась.

— И очутилась тут, абсолютно голая, с рунами на пальцах?

— Один и тот же сценарий, — хмыкнула Даша. — Да, именно так. Прямо посреди зелёных холмов, одна на многие вёрсты. Куда не погляди — везде лишь извилистый горизонт без единого намёка на цивилизацию. Представь себе, как я испугалась! Мне почти сутки пришлось бродить в поисках укрытия, а первую ночь я провела, лёжа обнажённой спиной на каком-то муравейнике. Не самые приятные воспоминания.

— А я почти сразу встретился с агрессивным пепельником. И победить его удалось лишь при помощи силы рун.

— Тебе ещё повезло. Я узнала о своих способностях только спустя месяц или два после перемещения. Собственно, через сутки путешествия по холмам на моём пути появился всадник. Он оглядел меня, нагую, беспомощную, скинул с себя плащ, укутал меня в него, усадил на коня и поскакал со мной в какую-то небольшую провинцию. Там накормил, напоил, сводил в баню. В общем, оказался хорошим парнем. И мы с ним сдружились. Он стал моим лучшим другом в этом мире, первым и единственным, который делал для меня всё абсолютно бескорыстно, а я, в свою очередь, была с ним максимально откровенна. То есть, он прекрасно знал о моём земном происхождении, но держал всё это в тайне. Чуть позже выяснилось, что он ещё маг...

— Это был Мурфик? — осторожно спросил Виктор.

— Да, — с грустью в голосе ответила девушка. — Мурфик помог мне постичь руны на пальцах, открыл знание о печатях, прочитал и мою печать... затем познакомил с Рагнаром, и вместе мы стали заниматься не совсем хорошими делами. Ну, ты знаешь.

— Так ты превратилась в грабителя? Почему?

— Это не совсем так. У меня были иные мотивы, нежели беспричинный грабёж и жажда наживы. Всё дело в моей печати. И друзья помогли мне с полной расшифровкой. А когда, наконец, нам удалось её понять, мы и устроили тот спектакль в храме. Но это уже другая история, и я обязательно тебе её расскажу позже, хорошо? Нам надо как следует выспаться.

Даша стянула с себя порядком надоевшие доспехи и, оставшись лишь в длинной льняной тунике, залезла под плед к Виктору, прижавшись к нему всем телом. Девушка почувствовала некий дискомфорт со стороны своего спутника и заранее предупредила:

— Ты не подумай ничего. Просто тут очень холодно. Нам надо сохранять тепло, понимаешь?

— Понимаю. А разве инквизиторские ищейки нас не догонят?

— Они не станут гнаться за нами здесь, в этих коллекторах, где мы имеем явное преимущество. Скорее всего они перекроют все входы и выходы в канализацию и станут нас потихоньку выкуривать, но вот каким образом — неизвестно. Так что можешь спать спокойно. А если вдруг снова проснёшься в кандалах, то знай, что ко всему на свете подготовиться просто-напросто невозможно.

Виктор кивнул и приобнял Дашу. Сразу стало гораздо теплее.

— А когда проснёмся — сделаем перевязку твоей руки. У меня, кажется, есть пара целебных мазей в ящичке, — произнесла девушка, уже засыпая. — Ну, всё, хватит с нас. Доброй ночи или что там сейчас на поверхности.

— Доброй ночи, — кивнул Виктор, вновь заставляя себя уснуть.

На этот раз у него это получилось.

ГЛАВА 8

Снова снились одни лишь кошмары, но на сей раз абсолютно бесформенные и бессмысленные. Большую часть из них Виктор даже не запомнил, хотя очень хотелось сделать это, чтобы потом, после пробуждения, заняться анализом сновидений, ведь Лагош в последний раз появлялся именно во сне. Но, увы, ничего не вышло.

Когда Виктор проснулся, Даши рядом не оказалось. Спутница бесследно исчезла, оставив нетронутыми латные доспехи капитана стражи. Костёр окончательно затух, было темно и холодно, да ещё и мерзкие сквозняки то и дело норовили забраться под плед. Виктор заставил себя принять сидячее положение, как следует укутался и протянул здоровую руку к затухшему кострищу.

— Давай, давай, ты сможешь, — подбодрил он сам себя и прикрыл глаза. К пальцам прилило тепло, но не более того. Руны всё ещё не работали. Виктор крепко сжал зубы и максимально напрягся, концентрируясь лишь на вытянутой руке. По вискам скатились капли ледяного пота,

всё тело задрожало от бессилия, но итог оказался всё тем же — магические силы, как и физические, пока отсутствовали, и с этим нужно было что-то делать как можно скорее.

Виктор потратил несколько минут лишь на то, чтобы подняться с лежака. Твёрдо встав на ноги, он медленно прошёлся по помещению. Оглядел ящик с вещами Даши, поискал в нём хоть что-нибудь отдалённо напоминающее бутылку с водой, но тщетно. Горло пересохло, во рту словно прошлась песчаная буря; очень хотелось пить, и ещё больше — есть.

— Даша! — негромко крикнул Виктор, озираясь по сторонам. — Где же ты?

Никто не ответил. Где-то вдалеке шумел канализационный поток, сверху доносились свисты сквозняка. К голове подступил страх. Виктор вдруг подумал: что, если Даша его бросила? Но тогда зачем она его спасала?

Правая рука почти полностью онемела. В условиях полнейшей антисанитарии стало чудом, что Виктор и вовсе держался на ногах, а не падал, скошенный какой-нибудь канализационной болезнью. С обезображенной кистью надо было в ближайшее время показать доктору, иначе в будущем это могло обернуться в лучшем случае полной ампутацией конечности.

— Ты проснулся, — вдруг раздался голос Даши за спиной. Виктор обернулся и радостно улыбнулся, да так, что от улыбки разболелись скулы.

— Я уже испугался, — сказал он. — Думал, ты меня бросила.

— Да, конечно, это же очень логично — бросить тебя после того, как тащила твоё огромное тело на своих плечах, хе-хе.

Девушка была облачена в тёмные штаны и серую рубашку, опоясанную двумя ремнями крест-накрест. На ногах красовались высокие ботфорты с отверстиями, на поясе с одной стороны висел вычурный пистоль, а с другой — небольшой кинжал с широкой гардой и очень тонким лезвием. Волосы девушки, как и раньше, были собраны в длинную косу, но теперь Даша вплела в неё кучу разноцветных ленточек и бантиков.

— А ты времени, я смотрю, не теряла, — заметил Виктор.

— Ещё бы. Я же не такая соня, как ты.

Девушка сняла с плеча небольшую сумку и жестом предложила своему спутнику вернуться на топчан. Усевшись, она стала выкладывать его содержимое, коим оказалась уже освежёванная тушка кролика, буханка хлеба и стеклянная бутылка, от которой явно пахло красным вином. Виктор вдруг почувствовал себя самым счастливым человеком в этом мире, когда Даша одним щелчком пальцев воспламенила костёр, насадила крольчатину на шампур и стала готовить её над открытым огнём. После голода запах жарящегося мяса показался Виктору чем-то божественным и ни с чем не сравненным.

— Ты спал часов пятнадцать, — сказала Даша. — Да ты не стесняйся, бери вино, открывай. Прости, но воды достать не удалось. Чёрт возьми, да мне этого зайца, или как там его, украсть проще, чем кружку самой обыкновенной водички.

— Кстати об этом, — Виктор зубами вырвал пробку из бутылки и жадно к ней присосался. Вдоволь напившись, отдышался и продолжил. — Откуда вкуснятина? Неужели где-то в канализации есть волшебная поляна, где живут кролики, пекущие свежий хлеб?

— Может и так. Ты бы этому удивился?

— Пожалуй. Этот мир странный, пропитан интригами и магией, но в целом и общем подчиняется законам логики. Так что да, удивился бы.

— Ну, тогда ладно, — Даша пожала плечами. — Неподалёку есть выход на рыночную площадь. Ну, как выход — сток, куда все торговцы сливают всякую дрянь. Ищейки, кажется, пока ещё не пронюхали про все подобные люки. Находясь здесь, я периодически поднимаюсь на поверхность и сливаюсь с толпой; там, на рынке, всегда невероятнолюдно, потому что по вечерам какие-то шарлатаны устраивают «божественную молниевую бурю, озаряющую своим благословением каждого крестьянина и дворянина». Салют, одним словом. Диковинка в местных краях.

— Странно выходит, — заметил Виктор. — Мановением руки зажечь булаву или охладить до ледяного состояния стакан воды — это норма. А обыкновенная пиротехника, создание которой доступно любому, кто сдал в школе химию хотя бы на «хорошо» — диковинка.

— Да, пожалуй. Очень странно, — Даша оставила кролика покрываться золотистой корочкой, а сама достала из ящика какую-то баночку и стала разбинтовывать руку Виктора. Кисть опухла и посинела, покрылась тёмно-бурой кровяной коростой. — Так, следи за мясом, а я пока обработаю твою несчастную культю.

— Она ещё не культя, — обиженно ответил Виктор, переводя взгляд на костёр. — Её ведь ещё можно спасти? Руку. Не хочу её терять.

— Понимаю, — хмыкнула девушка. — Уж я-то, лишившись в той жизни сразу трёх конечностей, могу тебе посочувствовать. Но могу обрадовать: местная медицина, смешанная с магией, порой возвращает к жизни тех, кто пролежал в сырой земле несколько месяцев. Причём ещё и восстанавливает этим живым мертвецам абсолютно всю плоть, что была у них до смерти. Но, конечно, такая волшебная регенерация не доступная простым смертным, понимаешь? Во всём Авельоне есть лишь один врач, способный на то, чтобы вернуть твоей руке божеский вид. Но он, увы, лечит только герцога, его семью и ближайших к этим ребятам приближённых.

Даша прыснула вина на рану Виктора, удалила засохшую кровь и втёрла в место ожога мазь из банки. Затем обмотала кисть свежими бинтами и, широко улыбнувшись, хлопнула товарища по спине:

— Ну, вот и всё, герой. Жить будешь. Если, конечно, ты не подхватил какую-нибудь Крысиную лихорадку.

— Какую лихорадку? Ты меня разводишь?

— Отнюдь, — покачала головой девушка. — В этом мире много странных болезней. Есть, например, Акемианская чесотка, представляешь? Акемо — та огромная планета, что ты можешь наблюдать на здешних небесах.

— Я знаю, что такое Акемо. Но всё равно, это глупо. Почему чесотка называется именно так? Не могла же болезнь прилететь с другой планеты. К тому же, безжизненной.

— Не могла, но прилетела, — хмыкнула Даша. — Ладно, не забивай голову. Я лучше закончу то, что не успела сделать вчера — рассказать до конца свою историю.

Виктор кивнул и прилёг, чтобы не тратить энергию на поддержание себя в сидячем

положении. Девушка, вернувшись к процессу готовки, продолжила:

— Мурфик был чертовски смышлёным парнем. Может, маг из него вышел и посредственный, но книгочей и учёный из него получился бы знатный. И не смотри на меня так, я сама не знала, что он способен обрушить каменный потолок, раньше он не практиковался в магии разрушения. Так вот, багаж знаний у него был воистину огромный. Он знал даже кое-что о нашем мире, уж не знаю, откуда. Чёрт их разберёт, наверняка некоторые колдуны или кто там ещё могут заглядывать «за грань» своего мира, а потом передают документации увиденное и услышанное на Земле. Так и расходятся слухи, хотя достоверных подтверждений о существовании нашего мира, вроде бы, всё ещё нет. Мурфик так много знал о печатях, что без труда смог прочесть и мою печать, которую Лагош оставил у меня прямо здесь.

Даша положила ладонь себе на грудь и, глубоко вздохнув, заговорила чуть тише:

— Лагош, этот чёртов демон, любит поэзию. Он оставил в моём сердце небольшое поэтическое послание:

«Тот мрак, что таится в уме и сознание

Развеет святой первозданный клубок.

Да только бессмысленным будет старанье:

В железных оковах три тысячи рук.

Одно лишь блаженство развеет оковы -

Мыслительный образ, что спрятан от глаз.

Страницы истлевшие снова и снова

Читают бессмертный и вечный рассказ»

— У меня тоже стих. И тоже такой непонятный, что мозг сломать можно, — заметил Виктор.

— Это кажется невероятным, но мы с Рагнармом и Мурфиком разгадали мою шараду. Мы поняли смысл. Бились над ним долгими ночами, рассматривали самые разные варианты, порою настолько дикие и нелогичные, что хотелось волком выть от бессилия. Но в итоге разгадка была найдена.

— И какой же сокрытый смысл таит в себе твоя Печать?

Даша перевернула кролика и, сделав пару глотков из бутылки, ответила:

— Глупый ребус говорит о священной реликвии, которую храмовники берегут как зеницу ока уже многие столетия, если не тысячелетия. Эта реликвия — книга, толстенная такая книга с толстым золотым переплётом, инкрустированной самыми немислимыми самоцветами со всего мира и даже из-за его пределов. Такая махина стоит целого дворца, но инквизиторский орден, видимо, мало заботит богатство. Никто из них, кстати, не знает, что написано в этой книге, потому что какие-то там пророчества гласят, что никто не смеет читать святыя строки из этих писаний.

— И какой тогда смысл в этой драгоценной макулатуре?

— Да никакого. Ну, нет, смысл-то есть. Книга — это символ. У неё даже нет названия. Просто Книга, вот. Иногда её ещё называют Книгой Сожалений. Но, чувствую я, в ней таится такая информация, которая способна перевернуть всю Вселенную с ног на голову и сделать читающего абсолютным богом. Шучу, конечно, всё не настолько скверно, иначе давным-давно нашёлся бы умник, который всё-таки добрался бы до Книги и прочитал её. Именно за этой Книгой мы и охотились. Именно ради неё мы пришли в самое логово Ордена, в их столичный храм. Слухи гласили, что Книга находится прямо здесь, в подземелье, глубоко-глубоко под городом, и что её охраняют сами ангелы... в общем, реальность оказалась гораздо более приземлённой. Реликвии тут не оказалось, а в образе бравых стражей священной пустоты оказались лишь сами инквизиторы да отряд разъярённых герцогских рыцарей.

— Зачем вы искали эту Книгу? Вам что, не хватало денег?

— Мне хватало. Рагнару — нет. Возможно, именно из-за этого он и затеял весь этот поход. Но мои мотивы были иными: моя печать гласит, хоть это и не сразу заметно, о том, что я должна прочесть эту книгу. Ну, или хотя бы взглянуть на её страницы одним глазком. В самом крайнем случае — хотя бы просто отыскать её.

— Не понимаю. Зачем? В чём смысл?

— Такие правила игры, Витенька. Лагош развлекается. Он не обременён юридическими ограничениями. Он волен не раскрывать тебе всех частей договора. И он устанавливает условие: тот, кому он дарует, скажем, молодость, должен отправиться в этот мир и выполнить некое указание, которое он завуалировал и нанёс на сердце испытуемого в виде мистической печати. Шарады, которые он загадывают, всегда практически невозможно отгадать, а смысл их в итоге сводится к какой-нибудь мельчайшей глупости. Мол, Лагош загадал гражданину Ивану Ивановичу, чтобы тот трижды подпрыгнул и прокричал: «Ку-ка-ре-ку-у-у!», и тогда договор будет выполнен. Но это будет так искажено поэзией, что Иван Иванович никогда в жизни не сможет догадаться, что от него требуется.

— Ну, и что? Пусть не догадается наш Ваня до сути. Получил молодость — и пусть себе живёт в герцогстве, да не тужит.

— Вот тут-то и загвоздка, — хмыкнула Даша. — Лагош не говорит о том, что на выполнение его задания даётся определённое время.

По спине Виктора пробежал холодок.

— Ч-что? Время? Сколько? — со страхом в голосе спросил он.

— Один земной год, — после недолгой паузы ответила девушка. — И мой год подходит к концу. Я безбожно опаздываю.

Виктор, предчувствуя худшее, решил задать самый страшный вопрос:

— Что будет, если ты не уложишься в установленные сроки?

Даша снова приложилась к бутылке, на этот раз осушив её наполовину. Протянув вино Виктору, ответила:

— Моя душа станет его собственностью. Станет издеваться. Как предположил Мурфик, скорее

всего, он вернёт меня на Землю.

— Так это же хорошо. Вернуться на родину и всё такое.

— Да не совсем. Он запихнёт меня обратно в то обезображенное тело и будет поддерживать в нём жизнь ещё полвека, пока мои кости не станут ломаться от дуновения ветра. И после этого то, что называется душой, отправится в копилку к этому гнусному демону, а я останусь обречена на вечные муки в междумирье.

Воцарилось молчание. Виктор вдруг окончательно понял, во что ввязался. Перспектива стать трофеем обожествлённого махинатора казалась не просто безрадостной, а невыносимо беспросветной, лишённой всяческой надежды хоть на мало-мальски благоприятный исход.

— Я, если что, уже свыклась с этой мыслью, хотя всё равно меня каждый раз кидает в дрожь, как думаю о своей дальнейшей судьбе, — сказала Даша. — Но это не значит, что я опустила руки. Мы с Мурфиком продумали план... план по выведыванию информации о местонахождении Книги. Мы сошлись во мнениях, что обладать этими данными могут лишь два человека на всей планете. Это Его Преосвященство епископ Клод Люций и Его Светлость герцог Авельонский Герберт Чаризз.

— А где сейчас Рагнар Чёрный? Почему он тебе не помогает?

— Поверь, он помогает, но инкогнито. Он не может появиться в столице, потому что его сразу же схватят и повесят, поэтому его помощь заключается в дёргании за некоторые ниточки в этом богами проклятом городе. Конечно, не так эффективно, как личная помощь, но тоже неплохо. Так вот, по поводу плана. Я долгое время пробиралась в храм Ордена, надеясь вынюхать хоть что-то, но ничего в итоге выяснить не удалось. Клод Люций, видимо, планирует унести эту тайну с собой в могилу. И думается мне, что во дворце среди бухгалтерии тоже нет смысла копать. Поэтому... кхм... поэтому нам нужно побеседовать с одним из хранителей секрета лично. Лично!

— Лично с епископом? Да он одним движением руки заставит нас четвертовать, как только увидит.

— Вот именно. Поэтому остаётся лишь герцог. Но как к нему подобраться? С глазу на глаз он говорит только с высокопоставленными чиновниками, главенствующими банкирами, отличившимися в боях полководцами и просто обеспеченной знатью. Остальные же довольствуются беседой с его управителями.

— И как быть? Пробраться к нему в спальню, заковывать в кандалы и допрашивать с пристрастием? Может, оторвём ублюдку большой палец?

— По-твоему, это смешно? К Его Светлости просто так не подберёшься. Его охраняют пуще российского президента. Так что единственный вариант — праздник, который состоится через несколько дней. Праздник, на котором Герберт Чаризз снизойдёт до общения со своим народом.

— В честь чего гуляния? День независимости Пепельников? Или, может, Болотневодство?

— Как-то у тебя с юмором сегодня не очень, — заметила Даша. — Никак слабость сказывается. Нет, глупый, всё гораздо банальнее: герцогская дочка выходит замуж. Будет пир на весь мир, балы до утра, рыцарский турнир и море заколотых в спину пижонов в париках. Мы с тобой, накинута на себя капюшон чужой легенды, прикинемся знатью из пограничной провинции и

проникнем на пиршество. А дальше всё строго по плану: я втираюсь в доверие к Его Светлости и обманом вытягиваю из него всю необходимую мне информацию. Или это сделаешь ты. А после того, как я узнаю, где находится Книга...

— Стой-стой. Это и есть твой план? Прийти, забрать сведения и уйти? Так просто?

Девушка смущённо отвернулась:

— Ну, эта часть плана ещё не до конца проработана, так что придётся импровизировать. Но других мыслей у меня нет, а времени остаётся совсем мало. Катастрофически мало.

Виктор втянул носом аромат жарящегося мяса и его рот сразу же истёк слюной. Руки сами потянулись к ещё сыроватому кролику, но глядящая в оба Даша хлестким ударом по пальцам обломала голодному и раненому Виктору все планы на скорый обед.

— Не лезь, — скомандовала она. — Потерпи ещё немного. Как поедем — выйдем на поверхность. Перед началом нашей секретной операции нам надо кое-чем прибраться. Мы ведь хотим выглядеть как знать, верно?

Виктор кивнул, хотя и не расслышал вопроса. Все его мысли были только о предстоящем приёме пищи.

Пока кожа кролика приобретала тёмный оттенок, Даша рассказала Виктору о силе, что сокрыта в рунах на пальцах. Судя по её словам, Виктор понял, что могущество, сокрытое в этой тайной магии в умелых руках может стать поистине грозным оружием, или же наоборот — инструментом созидания. В нынешнее время почти не осталось истинных мастеров этой магической школы. Рунное искусство вытеснили человеческий Свет, шаманизм пепельников и тёмные языческие культы болотников. Религия в этом мире вообще тесно связана с магией, так что здесь какой бы пантеон ты не выбрал для поклонения — везде будут свои плюсы. К примеру, болотники, принося жертвы своим жестоким и кровожадным богам, приобретают змеиную ловкость и силу пантеры. Пепельники, танцующие вокруг тотемов с бубнами, впадают во вполне реальный боевой транс, в котором они не чувствуют боли и могут обманывать саму смерть. А люди... с людьми всё несколько сложнее. Свет как магия доступен лишь Ордену, а Свет как религия — всем остальным. И храмовники редко выставляют свои способности напоказ, так что сведений о практической пользе волшебной силы Света почти нигде нет.

По преданиям, древние люди, пришедшие с севера и основавшие в этих краях нынешнюю цивилизацию, в совершенстве владели магией рун. Их сила была в том, что они видели, как пространство пронзают мириады энергетических нитей, дёргая за которые можно изменять привычный ход вещей. Но просто так эти ниточки тронуть не выйдет — для этого нужно настроить свои пальцы-приёмники на определённую «частоту». Эту задачу и выполняют руны. Как сказала Даша, Лагош неплохо пошутил, наделив иномирцев именно этой силой, ведь обуздать её без великих мастеров тех времён практически невозможно.

Также девушка показала Виктору то, что у неё получалось: разжигать и тушить пламя, замораживать жидкость (в данном случае вино), дуть как ветер. Кроме того, Даша продемонстрировала частичное превращение в странное мохнатое существо: под влиянием силы воли она заставила свои руки покрыться шерстью, пальцы — длинными когтями, а рот — дополнительным рядом острых резцов. Её глаза при этом приобрели вид близкий к кошачьим, да и из груди стали доноситься звуки, поразительно напоминающие мурлыканье.

Виктор решил, что когда вся эта история закончится, он вплотную займётся изучением рун, и, возможно, даже откроет свою маленькую школу, в которой будет обучать детей этой магии с

юных лет.

За объяснениями и обсуждением рун приготовился кролик. Как только Даша сказала, что можно приступать к поеданию, Виктор словно сорвался с цепи: он жадно вгрызся в горячее мясо, сильно обжёг губы, но кусать не перестал. Мясо было обглодано до костей всего за несколько минут, после чего Виктор, громко поблагодарив Вселенную, богов всех религий и, конечно, Дашу, свалился на топчан и довольно потянулся. После сытного обеда показалось, что жизнь вдруг начала налаживаться.

Спустя час Даша, облачив Виктора в невзрачные крестьянские штаны и рубаху, повела своего нового сообщника на поверхность. Вместе они прошли по узкому коллектору прямо к помойному стоку на рынке. Дождавшись, когда у зловонной решётки никто не будет отшиваться, вылезли и прикрыли на всякий случай за собой проход лежавшими рядом мешками с мусором.

Виктор ослеп от яркости светил и оглох от гула толпы. Одинокие женщины-домохозяйки, компании пьяных работяг и стайки проворных детишек сновали туда-сюда между длинными рядами из торговых палаток. Отовсюду доносились самые разные звуки и запахи. Где-то неподалёку играл небольшой струнно-духовой ансамбль. Под ногами частенько попадались гнилые овощи и мёртвые крысы.

— Добро пожаловать на главный рынок всего герцогства Авельонского, — с придыханием сказала Даша. — Не отставай, работяга. И не выходи из образа. Если кто про руку спросит — говори, мол, напился да пошёл спать в мельницу, а там... рука попала в механизм, вот палец и оттяпало. Понял?

— Понял, понял. А ты по легенде кто? Расхитительница гробниц?

— Очень смешно, умник. Обычно я представляюсь какой-нибудь поэтессой, которую все знают по имени, но никто не видел в лицо. Чаще всего прокатывает на все сто процентов, но иногда приходится выкручиваться из очень неприятных ситуаций.

— Ну, вот, где же справедливость? — усмехнулся Виктор. — Женщина получает роль помпезного стихоплёта голубых кровей, а мужчина играет мельника-алкоголика. Равенство, ничего не скажешь.

— Ты ещё разревись мне тут посреди рынка. Ладно, гляди, — Даша достала из подсумка мешочек с монетами, отсыпала половину товарищу. — Медяки — самая ходовая монета. Но они бывают разные: местные — герцогские, и забугорские — из земель пепельников. Местные ценнее почти в два раза, потому что пепельники чеканят монеты гораздо меньшие в размерах. Вот. Серебро лучше попусту не трать. За пару серебряников ты можешь купить себе среднего качества рубаху со штанами. За пару медяков — буханку хлеба. Золото я тебе не дам, уж извини. Боюсь, что обуют тебя на золотишко.

Виктор быстренько сосчитал свою долю: в его ладони лежали четырнадцать медных монет местного производства, десяток монет пепельников и пара серебряников. Спрятав мелочь в карман, он ожидающе взглянул на Дашу:

— Итак, что мы будем делать?

— Я полагаю, что нам было бы лучше не разделяться. Но с другой стороны, в таком случае, если нас раскусят, то поймают сразу двоих. Кто раскусит? Да мало ли, не зарекайся.

— Я вообще молчал, — пожал плечами Виктор. — Ладно, я пройду по рядам в эту сторону, встретимся здесь же через тридцать минут. Идёт?

— Идёт. Заглядывай в палатки и ищи вычурную одежду, которую можно носить на благородном приёме. Как только находишь — воруй.

— Что? — удивился Виктор. — Воровать? Ты шутишь? Да я скорее умру от стыда, чем прикоснусь к чужому!

Даша пожала плечами:

— Ну, что поделать? Надо когда-нибудь учиться. В этом мире воровать — это не аморальное и презираемое занятие, а вполне себе искусство. Только оно, конечно, подвластно далеко не каждому. Ловкие руки всегда обеспечат себе завтрак или ужин, обновку на зиму или какую-нибудь драгоценную безделицу для возлюбленной пассии. Конечно, если поймают — то наказание будет строгим. Если воровство незначительное, ну, мол, украл пирожок или лапти, то с тебя возьмут штраф. Если что-то посерьёзнее, то стражники оттащат тебя в темницу. Если вор попадает уже не в первый раз, его, скорее всего, приговорят либо к отрубанию руки, если тот раскаивается, либо к смертной казни через побиение камнями. Хотя, бывали случаи, когда и за пирожок избивали до смерти.

— Спасибо за воодушевление и напутствие, — пробурчал Виктор. — Теперь-то мне совсем не страшно.

Даша закатила глаза и, ничего не сказав, растворилась в толпе шумных зевак. Виктор же, оглядевшись и запомнив как можно чётче место встречи, двинулся в сторону ярких торговых тентов, над которыми на пятиметровом шпилье возвышался рекламный «штандарт» с изображением длинного фрака на вешалке. Нетрудно было догадаться, что продают в этом секторе.

К Виктору вернулось любопытство, которое пропало, когда Грокотух устроил подставу и продал иномирца епископу. Повсюду торговали самой разной одеждой, часто знакомой, но иногда экзотической и непонятной. Виктор остановился возле ковра, на котором штабелями красовались накидки из небольших морских ракушек, покрашенных в перламутровый цвет. Рядом лежали шляпы из засушенных водорослей покрытые невысыхаемым илом чёрные сапоги. Взглянув на торговца морскими артефактами, Виктор отшатнулся: продавец и сам оказался похож на морское создание. Его полностью белые глаза навывкате не моргали из-за отсутствия век, щёки и лоб блестели от рыбьей чешуи, а в области шеи явно угадывалось некое подобие жабр. Решив не удивляться этому, Виктор продолжил обход.

Чуть позже его взгляд наткнулся на тент с головными уборами, сделанными из голов животных. Их продавец натянуто улыбался и зазывал всех поглядеть на «всё ещё живых зверей, которые украсят вашу макушку». Приглядевшись, Виктор чуть не упал. К горлу подступила тошнота. Действительно: лисьи, волчьи и медвежьи головы, внутри которых была абсолютная полость, двигались, моргали и шмыгали носом. Сразу вспомнились старые фильмы про оживших мертвецов, и вдруг стало очень жутко.

Минут двадцать Виктор бродил по рядам, то отшатываясь от очередной порции зверства, то буквально прилипая взором к действительно красивым и очаровательным вещам. Но выбрать что-то конкретное у него всё не получалось, потому что точного представления о том, во что одевается местная знать, он не имел. И когда Виктор уже отчаялся отыскать что-нибудь полезное, он вдруг заметил палатку с костюмами-тройками. Траурно-чёрные костюмы

отсутствовали, зато торговец предложил уйму цветастых. Оранжевые в красную полоску, синие в зелёный горошек, белые, плавно перетекающие в фиолетовые ближе к плечам... это казалось похожим на клоунские наряды, но почему-то Виктор решил, что именно такие вещи будут в самый раз для проникновения на грандиозный герцогский банкет.

Виктор вспомнил, что денег у него не так много, и ему, скорее всего, придётся воровать. Отбросив эту мысль в сторону, он подошёл к продавцу и, пытаясь состроить речь простого крестьянина, спросил:

— Милейший, сколько ж за костюм-то?

Худощавый усатый купец заулыбался, подскочил к потенциальному покупателю и жарко его поприветствовал:

— Здравствуй, уважаемый! Ты не пожалеешь, что пришёл ко мне! Костюмы из самого Шейфербурга, эксклюзивные, прочные, качественные! Сами боги не погнушались бы носить такие наряды!

— Ну, это понятно. А по деньгам-то сколько, а?

— Невероятно дёшево, уважаемый! Вот этот, к примеру, всего пятнадцать серебряников. А этот и того меньше — всего десять! Если, конечно, нужно что подороже, то я могу предложить...

— Нет, спасибо, — мигом погрузнел Виктор и махнул рукой. Денег на такую роскошь у него не хватало, а красть он сегодня был не в духе. — Слишком дорого.

— Дорого? — рассмеялся торговец. — Это же Шейфербург! Настоящий, не подделка!

Но Виктор его уже не слушал. Он решил, что пора возвращаться в условленное место встречи. Но, направляясь ко входу в коллектор, иномирец слегка заплутал и вышел на соседний ряд, посреди которого кирпичами был огорожен небольшой пяточок земли. Вокруг столпились люди, и там явно происходило что-то интересное. Подойдя поближе, Виктор смог разглядеть действо: возле железного табурета в центре сидели двое. И они боролись на руках!

— Армрестлинг? — изумился Виктор, подходя ближе. В молодости он очень любил эту забаву и довольно часто побеждал. И сейчас можно было бы попробовать, если бы не тот факт, что на правой руке не доставало одного пальца.

— Подходи, ставь монетку и принимай участие в нашем соревновании! — кричал зазывала. — Победитель получит вдвое больше, чем вложил!

Толпа загоготала, когда один из борцов, кряхтя и потев, всё-таки проиграл своему оппоненту. Победитель, видимо, многократный, о чём говорила симпатия зрителей, встал и воздел накаченные руки к небу и что-то произнёс на незнакомом языке.

— Сколько за попытку? — спросил Виктор у зазывалы.

— Всего один серебряный, — ответил совсем молодой мальчишка. — Ну, что, дядя, испытаешь судьбу? — тут мальчик заметил обмотанную культю и съязвил: — Надеюсь, что ты левша, иначе скоро у тебя не останется и второй руки, ха-ха!

— Замолчи и дай мне попробовать, — разозлился Виктор, отдавая зазывале деньги и заходя в круг.

Чемпион критически оглядел нового соперника и протяжно рассмеялся. Толпа подхватила его настроение, и вскоре уже каждый вокруг считал своим долгом поржать над «свежим мясом».

Виктор заставил себя успокоиться. Оба борца заняли исходные позиции, поставив локти на табурет и сцепившись ладонями. Бицепс чемпиона был почти в два раза шире, чем у Виктора, а потому шансы на победу казались очень призрачными.

— Получится ли у смельчака победить Ралли Непобедимого? — продолжал мальчишка. — Станет ли он новым любимцем публики? Выиграет ли приз?!

— Я тебя сломаю, — улыбнулся чемпион беззубой улыбкой. — Беги к мамочке, щеночек.

Виктор промолчал. Он вспоминал то, что ему накануне рассказывала Даша о рунах и их силе. Теоретически, при помощи этих магических символов на подушечках пальцев можно управлять любым аспектом магии, будь то святое благословение или тёмная некромантия. Поэтому Виктор попытался сконцентрировать всё своё внимание на своей руке, как тогда, в лесу, когда разбойники напали на караван. Но на сей раз иномирец хотел сделать свою руку твёрдой, как камень. Прикрыв глаза, он дотошно представил, как его мышцы и кожа грубеют, превращаются в неотёсанный кусок гранита. Как кровь застывает в жилах, потому что те перестают быть мягкими и податливыми. Убедив себя в том, что всё получилось, Виктор открыл веки и раздосадовано оглядел свою руку: она осталась обычной.

— Начинайте! — воскликнул зазывала, и чемпион сразу же надавил на ладонь Виктора, да так, что тот не успел вовремя среагировать. Однако, Ралли Непобедимый удивлённо охнул, когда ему не удалось сдвинуть руку оппонента даже на миллиметр, хотя Виктор не прилагал для сопротивления ни малейшего усилия. Его губы сами собой расплылись в победном оскале, а зрители, поражённые тем, что их любимый борец изо всех сил пыхтит, а его противник даже глазом не моргнул, смиренно затихли. Решив, что пора уже побеждать, Виктор медленно и унижающе вывернул ладонь чемпиона и когда та коснулась поверхности табурета, толпа снова взревела. Но на этот раз она восхваляла не Ралли.

— Какого демона?.. — бросил ничего не понимающий бывший чемпион. — Это невозможно. Я сильнее тебя!

— Смирись. Как поётся в одной песне: на зверя страшного у века каждого найдётся свой однажды волкодав. Так что не печалься.

Ралли теперь уже Побеждённый яростно взревел и, повалив со злости табурет, покинул круг. Зрители смеялись ему в спину, потому что теперь у них был новый чемпион.

Лёгок на помине подбежал зазывала. Он явно восхищался зрелищем, а потому сразу перешёл к делу:

— Дядя, ты настоящий силач. Хочешь заработать целое состояние? Прими участие ещё в нескольких боях и за хорошее представление я отсыплю тебе полтину серебра.

Виктор, хрустнув шеей, кивнул, и мальчишка стал призывать новых счастливиц проверить свои силы. Спустя пару минут нашёлся ещё один, и Виктор под рёв толпы снова победил. Следом был ещё один. Ещё. И ещё. Пятнадцать побед подряд сулили Виктору мимолётную, однодневную, но всё же славу и небольшой капитал. Мальчишка даже повесил на шею нового чемпиона красивую бронзовую медаль с выгравированным на ней сжатым кулаком.

— Ну, кто ещё сразится с этим зверем в человеческом облики? — кричал зазывала всё громче

и громче. — Кто осмелится бросить вызов настоящему богу?!

— Я осмелюсь, — раздался женский голос. Виктор перевёл взгляд на появившуюся в круге девушку и мысленно проклял себя за то, что забылся о времени. Перед ним стояла Даша, и по её недовольному лицу было ясно, что «дома» предстоял серьёзный разговор.

— Ну, что ж, правила всё те же. Победишь чемпиона — выиграешь вдвойне!

Соперники схватились за руки. Даша со злобой в глазах смотрела на Виктора, а тот лишь стыдливо опускал голову. Несколько мгновений стояла полная тишина, после чего мальчишка дал сигнал к началу.

Видимо, Даша тоже умела делать свою руку «каменной», потому что по силе она Виктору не уступала ни на йоту. Наоборот, её камень казался гораздо крепче, потому что ладонь Виктора медленно и уверенно приближалась к поверхности табурета. Когда, наконец, победа была перешла в руки девушки, толпа снова взревела. Теперь Даша стала для них новой любимицей.

— Забираем деньги и уходим, — сказала она коротко и направилась к зазывале.

Виктор угрюмо вздохнул и последовал за спутницей.

ГЛАВА 9

Следующие трое суток Даша бегала с Виктором по всему городу и за его пределами в поисках необходимых частей одежды, прерываясь лишь на короткий сон и обед. Благодаря деньгам, которые заработал Виктор, приняв участие в армрестлинге, и уже существующему капиталу удалось из разных гардеробных элементов собрать что-то похожее на богатые аристократические наряды. Мужской комплект включал в себя очень неудобные, больше похожие на трико белые штаны, шёлковую рубаху, короткий опоясанный камзол с тысячей карманов, доходящий почти до самых колен кафтан, длинные фехтовальные перчатки и идеально налакированные остроносые туфли с каблуком. Виктор, оглядев себя в этом костюме, сразу вспомнил Англичан эпохи возрождения. Кроме всего прочего, Даша заставила своего «кавалера» наведаться в цирюльню, в которой его волосы состригли практически налысо, после чего подобрали огромный и неудобный шерстяной парик до плеч, полностью закрывающий голову сзади и по бокам. В завершение картины Виктор нашёл себе круглые очки-пенсне с затемнёнными линзами и приклеил позаимствованную всё в той же цирюльне густую накладную бороду.

Дашу же в лицо не знали, но она, тем не менее, позаботилась о том, чтобы её новый облик никоим образом со старым сопоставить было невозможно. Женский наряд состоял из закрывающего всё тело, в том числе и руки до самых кистей, тёмно-бардового платья, сильно приталенного и не имеющего даже намёка на декольте, сильно расширяющегося в бёдрах, а также маленькой крепящейся на заколку шляпки, с которой на лицо спадала полупрозрачная вуаль. Также образ знатной барышни дополняли маленькие замшевые сапожки и внушительных размеров веер.

Проблему с рукой Виктора решили по-свойски: набили в полость для большого пальца перчатки плотной ткани и условились, что перчатку эту снимать ни в коем случае нельзя, что бы ни случилось. Было немного неудобно, но того требовала конспирация, так что Виктор смирился и стал покорно ожидать своей участи. Он не сомневался, что их в этих смешных костюмчиках раскусят уже на первом посту.

В день праздника город преобразился. За ночь до этого грандиозного события все улицы были

вылизаны до блеска. Нигде не виднелось даже горстки мусора; а стража, которой стало в три раза больше обычного, была строга, как никогда. С самого утра на каждом углу глашатаи разносили весть о предстоящей свадьбе леди Оливии Авельонской, прекрасной и непорочной дочери всеми любимого герцога. Что сильно удивило Виктора, так это безукоризненный патриотизм горожан. Они явно ждали этого события, и не для того, чтобы набить свои животы алкоголем. Напиваться вдрызг в герцогстве вообще считалось действием постыдным и недостойным честного человека, а традиции «культурного питья» как в России отсутствовали напрочь. В Авельоне считалось нормальным выпить кружку эля в конце трудовой недели, но употреблять что-то более крепкое, к примеру, магмагрок без повода — табу. И как пепельники не старались спойть своих соседей своими убийственными напитками, ничего у них не выходило. Хотя, как сказала Даша, в провинциях эти традиции соблюдаются далеко не так строго, как в столице.

Виктор также наведалься в оружейную лавку. Пока он торговался с кузнецом по поводу цены вычурной рапиры с замшевой рукоятью изумрудного цвета и готической гравировкой на лезвии, Даша украла прямо из-под носа продавца два однозарядных пистоля с увесистым мешком патронов и банкой отменного пороха. Рапиру в итоге Виктор всё же купил, сбив цену до тридцати серебряников и шести лисьих шкур, а Даша чуть позже сшила для них специальные ножны, после чего новый элемент аристократического образа добавился на пояс кафтана.

Ближе к полудню Даша оставила Виктора одного в коллекторе, и выбралась на поверхность. Вскоре вернулась с очередным обедом и непонятно откуда взявшимся письмом от Рагнара Чёрного, в котором говорилось о некоем дилижансе, который сегодня ровно в три должен прибыть к восточным воротам Авельона. Даша объяснила, что таким образом Рагнар указал им на лёгкие цели, скорее всего даже без охраны, приглашения которых можно без особого труда конфисковать для себя. Скорее всего те, о ком говорится в письме, находятся на нижайших ступенях аристократической лестницы, и их, что вероятно, знают в столице очень немногие, да и то лишь понаслышке. Мол, получили едва-едва знатный титул в наследство от умирающего отца где-то на границе государства в сотнях миль отсюда.

Незадолго до прибытия дилижанса Виктор и Даша спрятались в километре от города возле тракта, поджидая свою добычу. Благо, этот въезд охранялся не столь тщательно, как основной, так что до ближайшего охранного пункта нужно топать и топать. Как и было сказано, сопровождения у дилижанса не оказалось. Внутри находились двое, и ещё один был кучером, подгоняющим двойку вороных жеребцов. План казался предельно простым — захватить транспорт и заставить навсегда замолчать всех его пассажиров. Виктор к убийству совершенно не был готов, а потому заранее предупредил об этом свою спутницу, на что та сказала, что она всё сделает сама, а ему нужно лишь подыграть ей.

Когда карета подъехала к заранее намеченному месту, из густых зарослей на обочине, размахивая руками, вальяжно вышел Виктор. Он встал посреди неширокого тракта, загораживая собой половину дороги, и кучеру пришлось остановить дилижанс.

— Чего тебе? — спросил тот, потянув на себя поводья. — Уйди прочь!

— Я прошу прощения, — начал Виктор. — Вы не можете мне? Тут такая беда, такая беда случилась...

— Чем я могу тебе помочь? — нахмурился кучер и поправил чёрный цилиндр на голове.

— Подбросьте до города, любезный. Я очень устал и хочу есть. Боюсь, что этот путь для меня

станет мучительнее смерти.

В это время позади дилижанса появилась Даша. Держа в руках два заряженных пистолета, она незаметно подошла к транспорту и, распахнув дверцу, взяла находящихся внутри на мушку. Кучер, услышав шум, резко обернулся, но увидеть ничего не успел — девушка уже залезла внутрь. Снова повернувшись вперёд, увидел прямо перед своим носом горящее лезвие рапиры и довольную ухмылку Виктора:

— Руки держи на виду, — сказал иномирец. — И медленно слезай со своего насеста.

Пока кучер аккуратно спускался на тракт, Даша вывела из дилижанса двоих пленников — мужчину и женщину средних лет, совсем не понимающих, что происходит. Их костюмы сильно походили на те, что подобрала для этой операции Даша, и это не могло не радовать.

— Вы нас с кем-то перепутали, — залепетал мужчина. — Мы не богачи! У нас нет высоких титулов или положения во дворце, мы...

— Молчать! — рявкнула Даша. — Отдайте мне приглашения на праздник и никто не пострадает. Живо!

Спорить с женщиной, держащей в руках огнестрельное оружие, никто не стал. Приглашения быстро переключали из сумки мадам в сумку Даши, после чего Виктор связал всех троих вожжами кучера и старой льняной верёвкой, найденной в дилижансе. Бедолаг усадили внутрь транспорта и строго-настрого приказали не вылезать до завтрашнего утра.

— И они, по-твоему, действительно будут там сидеть? — удивлённо спросил Виктор.

— Ты не поверишь, на что способна сила рун, если в ней немного разобраться. Я им не просто дала приказ. Я им его внушила! И они действительно пробудут внутри кареты ещё, наверное, пару часов, не меньше. А за это время сюда прискочат доверенные лица Рагнара и увезут их в далёкие дали, если верить письму моего друга.

— И что с ними будет потом? Их убьют?..

— Не думаю. Подержат пару месяцев на совсем уж жиденьких харчах, потом отпустят. Нам этого времени хватит с головой. Ну, готов, шпийн?

Виктор помпезно отсалютовал и стал отвязывать коней. Взобравшись на одного из них, он неуверенно поёрзал в седле и неспешно направил скакуна в сторону столицы. Даша сделала это на порядок быстрее и пустила свою лошадь галопом, так что она быстро обогнала своего товарища и, обернувшись, показала ему язык, прокричав что-то вроде «Догоняй, неудачник!».

Последние двести метров до дозорного пункта возле огромного открытого барбакана преодолели уже рысью. Путь всадникам преградили трое рядовых латников с длинными пиками и один сержант, как гласили нашивки на его нагруднике. Щекастый офицер лениво поприветствовал «гостей» и оглядел их со всех сторон, прищуривая то один глаз, то другой. Наконец, спросил:

— Вы неместные, да? Откуда и куда? С какой целью прибыли в город?

Виктор уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но Даша его опередила. И верно, подумал землянин, у девушки заранее подготовлены ответы на все вопросы, так что нечего ему вступать в подобные беседы.

— На праздник прибыли, конечно же, — хмыкнула Даша. — У нас приглашение от самого герцога.

Сержант сразу же вытянулся и отошёл в сторону, уступая дорогу знатным путникам. Рядовые последовали его примеру.

— Ну, вот. А ты боялся, глупый, — усмехнулась девушка, отойдя от стражей на порядочное расстояние.

— Я не этих боялся, а тех, кто будет проверять приглашения во дворце. Вот будет потеха, если нас всё-таки кто-то узнает! Ну, в смысле, не нас, а тех, за кого мы будем себя выдавать.

— Надеюсь, эльдормен Джеймс Берк и его возлюбленная жена Лара скоро придут в себя и с ними не случится ничего плохого. А мы пока сыграем роли этих ребят настолько хорошо, что никто и не заменит подмены. Как настроение, кстати?

— Так себе. Лодыжки трясутся, и тошнит слегка.

— Это от волнения. Дыши глубже и наслаждайся праздником.

Джеймс-Виктор и Лара-Даша чинно прошли через ворота и оказались на одной из гостиничных улиц, где на каждом шагу стояли пабы и таверны, предлагающие свободные номера. Разные плакаты призывали путешественников остановиться и отведать наивкуснейшего мяса по эту сторону океана, и Виктор даже на миг возжелал набить своё брюхо до отказа, но вдруг вспомнил старую поговорку: «На банкет надо приходиться голодным» и поборол в себе это низкое желание. Даша же умудрилась откуда-то достать спелое красное яблоко и сейчас заманчиво хрустела им, одной рукой держась за поводья.

Дух праздника ощущался буквально во всём. Основным толчком к хорошему настроению стал призыв герцога отказаться сегодня от работы в пользу народных гуляний. А те, кто беспокоятся за свой карман, могут расслабиться: по городу будут ходить специально обученные кормилицы с бесплатными закусками и напитками. Потому все улицы были забиты до отказа донельзя улыбочивыми и приветливыми гуляками.

— Отличный день, да, муженёк? — подмигнула Даша кавалеру.

— Мне немного неуютно в толпе, — Виктор расстегнул верхнюю пуговицу рубашки: та оказалась немного мала и в некоторых местах слишком плотно прилегала к коже. — Да и вообще, кони еле передвигают своими копытами. Может, лучше пешком?

— Знать на своих двоих не путешествует, — сказала девушка слегка расстроено. — Придётся потерпеть.

Виктор крепко сжал зубы и с досадой проследил за брошенным Дашей огрызком от яблока в сторону ближайшей урны. Снаряд угодил точно в цель, и девушка просвистела победный марш.

— Подобных праздников в году — всего ничего, — продолжала она. — Нет, серьёзно. В нашем мире, и в особенности в нашей стране принято отмечать что угодно. День тракториста? Накатим! День памяти жертв массового пермского вымирания? По сто грамм каждому! Умер дядя Ваня из соседней деревни? Три недели беспробудных поминок! Я уже не говорю про крупные праздники, такие как Новый год или День Победы, которые сопровождаются всенародными гуляниями и являются, чаще всего, только лишь поводом сам знаешь для чего. А здесь прямо-таки утопия какая-то. Начало нового года не отмечается абсолютно никак. Не

будет тебе дедушек Морозов, Снегурочек, хороводов вокруг ёлочки, мандаринов и подарков в красных коробочках. Зато отмечают так называемое Полугодьё посреди лета. А если ты вспомнишь, что здесь год длится больше пятисот суток, то можешь представить, что по-нашему времени этот праздник проводится раз в полтора земных года. И соль его не в как можно большем употреблении всяческого зелья, а, не поверишь, в прощении всех друзей и врагов, в отказе от разных обид и иных негативных чувств. Также в этот день принято делать предложение руки и сердца своим вторым половинкам. Такие дела. А больше крупных праздников и нет. Понимаешь, почему все так рады незапланированному и единственному в своём роде празднику в честь всеми любимой герцогской дочки? А ведь женишок-то до сих пор так и не выбран!

Виктор чуть не свалился с лошади. Услышав последние слова Даши, он резко остановился и с вопросительно изогнутыми бровями воскликнул:

— Что? Как это — не выбран?..

— А вот так, — пожала плечами спутница. — Так, вижу, нужно провести для тебя специальный Авельонский ликбез. В герцогстве есть свои традиции, которые не нарушаются уже сотни лет. Одна из них — это великий турнир, который проводится в честь исключительно женских персонажей среди высшей знати, да и то только по поводу замужества. Но свобода выбора у леди отсутствует, а потому им приходится принимать в качестве мужа того, кого выберет госпожа Судьба. Я акцентирую на этом твоё внимание, потому что жених выбирается не отцом и не кем-то ещё, а определяется посредством турнира. Что это такое, надеюсь, объяснять не надо? Боевые лошадки, тяжёлые доспехи, длинные тупые копыя для выбивания противников из седел — всё, что надо для счастья! Победитель в тот же вечер поведёт свою невесту на супружеское новобрачное ложе, где лишит её столь горячо хранимой девственности. На следующее утро окровавленную простынь вывешивают как чёртов штандарт над подоконником, чтобы каждый прохожий мог убедиться в уже потерянной «нетронутости» леди и нарушении этой самой «нетронутости» женихом. Такие дела. Да, немного по-варварски, но таковы традиции. В нашем мире когда-то было практически то же самое.

— В нашем мире всё это было давным-давно, а здесь это происходит прямо сейчас, — угрюмо ответил Виктор. — Ну, ладно, нам ведь не надо ни в чём участвовать. У нас другая задача, да?

Даша игриво пожала плечами и демонстративно отвернулась в другую сторону, промолчав.

— Эй, что ты задумала? Я... я не собираюсь сражаться за какую-то там леди-оливку!

— Леди Оливию, — поправила девушка. — Да не дрейфь ты, это просто запасной план. Если что — будешь отвлекать всех красочным зрелищем на ристалище, неуклюже размахивая копьём и летая из стороны в сторону от сильных ударов в грудь. Ничего страшного с тобой не случится, это ведь всего лишь театрализованное представление с малюсенькой долей актёрской импровизации...

Виктор с трудом проглотил подскочивший к горлу комок и плюнул в душе на всё это средневековье с его жестокими игрищами. По сути дела, Виктор был совсем не воинственным человеком, а потому насилие ему претило. Он желал поскорее отделаться от всего этого, помочь Даше с её печатью, затем приняться за свою и, наконец, сбежать в любое безлюдное место и там вдоволь насладиться одиночеством. Но, увы, возможность побыть одному могла появиться у Виктора ещё очень нескоро.

— Я тебе рассказывала о герцоге? Его Светлость Герберт Чаризз стал для меня настоящим

кумиром после того, как я прочитала его довольно внушительную биографию. Этот благородный муж как и ты лишился любимой жены и уже довольно давно — лет пятнадцать назад. Малышка Оливия была тогда малюткой, а потому мать свою совсем не запомнила, да и не важно это. Не о ней речь. Его Светлость по юности старался вести себя агрессивно, даже поддерживал политику своего отца — держать пепельников от себя на расстоянии вытянутой руки, не ближе. Оттого и шла вся агрессия. Периодически на границах с ханством возникали стычки, и явных победителей в них не было. Но чуть позже что-то сильно изменило Герберта, и он вдруг решил отказаться от военизации государства в пользу развития социальной составляющей герцогства. Таким образом, он построил в столице разветвлённую сеть акведуков, которые поставляют воду в сотни домов непрерывающимся потоком, разработал десятки шахт с полезными ископаемыми и разными драгоценными камнями, выделил кучу грантов своим учёным, тем самым выдвинув науку на первое место среди прочих приоритетов... но и о защите он не забывал. Но вместо того, чтобы кого-то рубить в капусту, он постоянно улучшал находящиеся в состоянии «спячки» войска, заменяя их вооружение и обмундирование на более новое и современное, а также нанимая лучших тренеров для поддержания бойцов в форме. При всём этом великолепии его заслуг народ даже не стал особо возражать по поводу возросших налогов, потому что в кои-то веки закончилась «голодная» эпоха, которая была верным спутником как минимум четырёх предыдущих правителей, предков нынешнего герцога.

— Как его к святым ещё не причислили? — усмехнулся Виктор. — У нас бы на Земле ему уже иконы писали, причём ещё при жизни, да памятники из золота отливали.

— Ну, практически так тут дела и обстоят. Церковь Света является основной государственной религией, а потому она яростно защищается герцогом от иноверцев. А те, в свою очередь, заявляют, что нынешний правитель ниспослан нам самими богами, и будет он править ещё долгие-долгие десятилетия. К сожалению, у Его Светлости нет сына, а бастарды, если они и есть, на трон никаких прав не имеют, и потому однажды место герцога придётся занять тому, кто осчастливит браком его дочурку. Но такая рокировка предстоит ещё очень нескоро, так что причин для беспокойства никаких нет. Хотя, большинство уверено, что после ухода Герберта на покой, всё снова придёт в упадок, и новый алчный правитель вернёт герцогство в «голодную» эпоху.

Виктор пожал плечами и увёл коня в сторону: толпа стала совсем непроходимой. Даша последовала примеру товарища, и вместе они продолжили движение по краю дороги, почти упираясь боком в стены домов. То и дело под копыта норовили прыгнуть маленькие дети, совсем ещё не ведающие ответственности за собственные поступки, и Виктору то и дело приходилось тормозить своего скакуна, чтобы никого ненароком не затоптать. Да и сама лошадь была хоть и послушной, но нового всадника приняла с явной неохотой, и приказы выполняла как-то лениво, с задержкой, вполсилы.

— У Рагнара как-то был пустынный скакун, — сказала Даша. — Их уже почти не осталось, потому что глупые пепельники перебили их всех ради странных желёз в груди, которые могли перерабатывать почти любое вещество в жир. Ну, знаешь, грызут эти кони кактус — а он у них в организме превращается в скользкое желе из чистого жира. Как следствие — эти животные были очень пухлыми, но их это мало смущало. Они могли выживать даже в лютую жару, тогда как человек или пепельник превращались в обугленную головешку. Так вот, когда Рагнар на этой лошадке появлялся в городе, все расступались в стороны, потому что вонял он, прости за столь мерзкие подробности, как скунс в брачный период. Нам бы сейчас такого, хе-хе...

— Да на кой ляд нам этот твой жирный вонючий конь сдался? Нас тогда во дворец не пустят. К тому же, это привлечёт к нам повышенное внимание, и тогда шансы на успешное проведение

операции упадут до абсолютного нуля.

— Какой-то ты пессимист, Витенька, — усмехнулась Даша. — Расслабься. Как бы там ни было, какие бы несчастья нас не поджидали, какие бы невзгоды не остались за плечами, я рада, что всё ещё жива, а не валяюсь престарелым безруким овощем на нашей планете. Да и тебе бы стоило не грустить. Всяко лучше, чем гнить в сырой земле, да?

— Пожалуй, ты права, — задумался Виктор. — Я, вообще-то, всю жизнь старался быть позитивным, несмотря на потерю жены. И даже годами не видя родственных лиц я не отчаивался, писал письма детям, всё ждал от них ответа... мне они отвечали с неохотой, это чувствовалось. Ещё бы — кому нужна обуза в виде умирающего от рака старика?

— Ну так и верни себе этот настрой, солдат, — скомандовала девушка. — Равнение на меня. Воспрянь духом и целенаправленно иди вперёд, не думая о плохом.

За разговорами время пролетело незаметно. Путь в плотной толпе оказался более долгим, чем планировалось, а потому к дворцу подошли с получасовым запозданием и наткнулись на ещё одну толпу: сборище приглашённых на праздник. Пока ждали своей очереди, Виктор успел разглядеть этот архитектурный ансамбль в мельчайших подробностях:

— Какая красотища, — только и вымолвил он, оглядывая сооружение.

Герцогский дворец находился на высоком холме, к которому вела крутая мощёная дорога. Ещё на подходах к комплексу всё приобретало максимально ухоженный и знатный вид: аккуратно стриженные деревья и кусты, вычурные кованые заборы и калитки, мраморные скамьи и достойные самого герцога чугунные фонарные столбы. Сам же дворец, окружённый высоченными стенами с целым взводом стражников, оказался воистину огромен. Даша заверила Виктора, что в главном зале могут с лёгкостью уместиться две, а то и три тысячи человек. Основное здание, выложенное из серого кирпича, было как минимум пятиэтажным, и каждый из этих этажей тянулся ввысь на добрый десяток метров. Каждый этаж был несколько уже предыдущего, поэтому дворец напоминал невообразимых масштабов свадебный торт. Углы каждого этажа украшали объёмные фигуры крылатых существ, напоминающих то ли ангелов, то ли гарпий, а на самой крыше расположились пять башен с острыми красными навершиями. Четыре из них находились у самых краёв алой черепичной кровли, а пятая — выше остальных в три раза — гордо возвышалась в самом центре. Разумеется, на каждом остром выступе здания висели флаги и знамёна Авельонского герцогства, а над прекрасными кованными воротами гордо сиял в лучах двух солнц герб семьи Чаризз.

Всех гостей тщательно проверял целый штат охранников. Оружие проносить с собой не запрещалось, но особо странные для банкета элементы вооружения, такие как ручные мортиры или длиннющие двуручные мечи, на входе изымались, что вызывало недоумение у владельцев этой экзотики. Даша свои пистолы на всякий случай затолкала под подол платья, хотя на подобные огнестрелы охрана внимания не обращала. А вот за свою рапиру Виктор совсем не беспокоился — такая висела на поясе у каждого третьего. Самому же тщательному осмотру подвергались господа в красивых, цветастых робах с золотыми посохами. Ими были некоторые знатные персоны из штата священнослужителей. Почему те подвергались такому вниманию — Даша объяснить так и не смогла.

Когда подошла очередь Виктора, он громко откашлялся и сменил выражение лица на натянуто-помпезное, чтобы каждый мог увидеть в нём самодовольного напыщенного индюка. Видимо, строить из себя важную шишку было не так уж и сложно, потому что охранники, лишь мельком взглянув на Виктора и проверив его приглашение, без особых эмоций произнесли

обязательное торжественное приветствие и пропустили во внутренний двор. Даше же проверяющие улыбались, а один из них даже имел наглость пригласить её на вечернее свидание, но после того, как девушка что-то ему шепнула, тот бросил угрюмый взгляд на Виктора и продолжил свою монотонную работу.

— Что ты ему сказала? — поинтересовался Виктор.

— Сказала, что если этот хрен ещё раз со мной заговорит, ты голыми руками вырвешь ему жабры и натянешь их ему на уши. Сойдёт?

Виктор закашлялся. Постучав себя по груди, что-то пробормотал и отвернулся в сторону, чтобы охранники не сверлили его своими взглядами.

— Ладно, Джеймс, идём, — Даша взяла своего кавалера под руку и спрятала своё лицо за веером.

— Идём, возлюбленная Лара, — хмыкнул Виктор, направляясь ко входу во дворец.

Дорожка во внутреннем дворе разветвлялась на три. Одна из них уходила за комплекс, другая лежала к главному входу, а третья остановилась у красивого гранитового фонтана, вокруг которого вырос небольшой рябиновый скверик с уютными лавочками и кормушками для странных оранжевых птиц, напоминающих земных голубей с очень длинным и пышным хвостом. В фонтане стояла статуя, по всей видимости, герцога-основателя дворца, имя которого Виктор даже и знать не хотел, чтобы не забивать свою голову ненужной информацией. Даша решила, что вместе они сюда ещё обязательно вернуться, и лучше всего ближе к закату, чтобы насладиться вечерней прохладой и пением птиц.

Парочка, не обращая внимания на интересующиеся взгляды, проследовала напрямик во дворец, не задерживаясь во дворе. Пользуясь советами Даши, Виктор постоянно выравнивал то и дело горбящуюся спину и чинно поднимал бородатый подбородок. Когда мимо проходила какая-нибудь персона или группа персон, Виктор чуть опускал брови и коротко, но плавно кивал головой, после чего произносил пару слов приветствия и шёл дальше. Даша, не отцепляясь от своего кавалера, делала некое подобие реверанса и не произносила ни слова, как того и требовали здешние манеры.

Главный вход был открыт. На пороге стояли как каменные истуканы двое высоченных гвардейцев в парадных доспехах и с золотистыми хохолками на полностью закрытых вытянутых шлемах. Эти ребята опирались на двухметровые алебарды, обвязанные сотнями разноцветными ленточками, и каждый входящий через эти ворота привязывал ещё по одной. Виктор сперва запаниковал, потому что у него никаких ленточек с собой не было, но Даша как обычно спасла ситуацию и вытащила из рукава две льняные полоски и привязала их к древкам оружий стражей.

— Традиция, — пояснила девушка. — Ничего не поделаешь. Да расслабься ты, муженёк, судорожно бегающие туда-сюда глазки выдают тебя с потрохами.

Виктор, кивнув, провёл свою даму внутрь. Перед гостями предстал величественный банкетный зал, по краям которого ломились от количества яств длинные обеденные столы. Где-то вдалеке виднелся и герцогский стол, за которым возвышались три трона: два обычных по бокам и один самый большой в центре. С потолка свисали невообразимо громадные люстры, в каждой из которых сияла не одна тысяча свечей, и у Виктора в зобу перехватило дыхание, когда он представил, как трудно было их зажечь. А когда он увидел пролетающих под потолком оранжевых птичек с горящими ветошами в лапках, то и вовсе обомлел. И вся эта свечная

головоломка совершенно чётко отражалась в идеально налакированном паркетном полу, отчего весь зал казался вне пространства и времени, словно это было отдельное праздничное измерение для высокопоставленной знати. Лишь спустя несколько минут после детального осмотра этих красот Виктор понял, что всё это время рот его был от удивления распахнут, и выглядело это наверняка очень глупо.

— Это фениксы, — сказала Даша, показывая на потолок. — Ну, не настоящие, конечно. Они не сгорают в собственном пламени и не возрождаются из пепла. Просто это такой вид южных птичек, которые почему-то оказались очень умными и легко приручающимися. Можешь быть уверен, если их хозяин-птицелов укажет в твою сторону, они без промедления подожгут тебя своими ветошами, а потом проклянут череп и устроят в мозгах гнездо для яиц и будущих птенчиков.

Зал не пустовал. Большинство гостей приехали из провинций, так что они были довольно голодны, и еда на столах оказалась для них как нельзя кстати. Но приглашённые из Авельона в большинстве своём решили в данный момент отказаться от трапезы в пользу общения друг с другом, выяснения последних новостей и хвастовства своими достижениями. Большинство гостей были одеты так же странно, как и Виктор с Дашей, и аналогично им ходили лишь парами. За отдельным небольшим столом восседала целая делегация детей всех возрастов, которым, судя по их залиvistому смеху, было очень весело: их развлекала бригада размалёванных клоунов-скоморохов.

А в одном из углов на высоком постаменте расположился музыкальный коллектив. Семеро музыкантов в чёрных костюмах и широкополых шляпах играли на лютнях, флейтах, трубе и лире, арфе и даже на целой ударной установке с двумя большими барабанами и мириадами разномастных колокольчиков. Перед музыкантами гордо стоял и пел на незнакомом языке довольно низкий, но крепкий в кости и слегка полноватый пепельник, с головы которого падали на плечи фрака вплетённые в кудрявую шевелюру громоздкие золотые цепи. Чуть поодаль от коллектива, ведомый тощим дирижёром в белом церковном облачении, мелодично подпевал детский мальчишеский хор.

Кто-то плясал. Кто-то общался. Кто-то набивал свой живот казёнными угощениями. Виктор довольно осмотрел все стороны и стал думать, чем же ему заняться в первую очередь. Но как только его взгляд упал на входную дверь, лицо его от ужаса побелело, и он невольно спрятался за спину своей спутницы.

— Что? Что такое? — нахмурилась Даша.

Виктор не ответил. Он коротко указал на новых прибывших гостей и тихонько пискнул от ужаса: в сопровождении уже знакомого иномирцу Палача в чёрном облачении прибыл, довольно оглядывая убранство зала, Его Преосвященство Клод Люций, епископ церкви и главный инквизитор. Оба нежеланных гостя были тотчас обслужены подбежавшими лакеями, и пару священнослужителей отвели в помещение, не предназначенное для обычных гостей, по всей видимости, к самому герцогу.

— Скверно, — констатировала Даша. — Но я это предвидела. Успокойся. Чтобы они тебя узнали, им нужно хорошенько взглядеться в твои глаза, заподозрить неладное, после чего сорвать парик с бородой и ещё раз хорошенько присмотреться. Но ты просто не подходи к ним, и всё будет в порядке, ясно? Предупреждаю, если тебя поймают — мне тоже конец, потому что я, как уже все заметили, пришла с тобой. Вот. И постарайся говорить более низким голосом, чем обычно. Так, на всякий пожарный.

— И ещё мне нельзя отходить от тебя, потому что если вдруг кто спросит меня о моей жизни, то есть о жизни Джеймса Берка, я ничего вразумительного ответить не смогу.

— А вот тут мне нужно провести с тобой небольшой инструктаж. Идём сюда.

Даша отвела Виктора за один из пустующих столов и, стала делать вид, что увлечённо ест. Сам же Виктор, учуяв запах жареного мяса, даже слегка воспрянул духом, и, уплетая за обе щеки крупный шмат, стал внимательно слушать спутницу. А та, тем временем, накладывая себе капустный салат, начала:

— Джеймс и Лара Берки проживают в северо-западной провинции герцогства под названием Марлонно. Это ничем не примечательное рыбацкое поселение с населением всего в сотню душ. Все жители работают на поместье Берков, принося небольшой доход и кучу проблем, которых с каждым годом становится всё больше. Джеймс не знает меры и клепаёт детей одного за другим, причём не спрашивая совета у жены. Каждый год кто-нибудь из деревенских простушек приносит в поместье очередного бастарда, а Лара на всё это смотрит с прямо таки христианским смирением, утверждая, что воля супруга — закон. В общем, пропавшие души, никому особо не интересные. Герцог давным-давно переселил бы бедняг рыбаков поближе к столице, да только Марлонно — пограничная деревня, которая находится на краю вытянутого полуострова, и именно там некоторое время назад высаживались заморские болотники. Главным тогда ещё был дед Джеймса, и откупился он от захватчиков половиной населения деревни. Как каким-то товаром, мать его.

Виктору вдруг стало очень противно играть роль такого-то мерзавца. Но отступить было поздно. Он с жадностью стал набивать свой живот всякими вкусностями, надеясь таким образом отвлечь себя от мыслей о гнусности семьи Берков, явно передающейся по наследству.

— Могу я присесть рядом? — раздалось за спиной.

Испугавшись от внезапности вопроса и обернувшись, Виктор увидел одинокого аристократа в чёрно-синем камзоле с большущими эполетами и высокой шляпой-треуголкой, из-под которой выбивался аккуратный хвост. Незнакомец провёл рукой по своей бороде-эспаньолке, поправляя её, и, улыбнувшись Даше, произнёс:

— Простите мне мои манеры, господа. Доброго вам дня. Моё имя — Николас Шарп, и я адмирал герцогского флота. По совместительству капитан роскошного линейного корабля «Принципио», вы могли видеть его в порту, если прибыли по морю. Могу я узнать ваши имена?

— Джеймс Берк из Марлонно, — выпалил Виктор. — Моя жена Лара.

— Леди Берк, я польщён вашей красотой, — слащаво ухмыльнулся адмирал, протягиваясь через весь стол и целуя ручку Даши. — У вас, эльдормен, чудесная супруга. Могу я пригласить её на один танец?

Виктор сильно замялся и промышчал что-то нечленораздельное. Даша, видя страдания товарища, встала из-за стола и подошла к Николасу:

— Конечно, адмирал. Я подарю вам танец.

Шарп, снова ухмыльнувшись, приобнял девушку за талию и повёл её в центр зала, где танцевали гости. Провожаемые ревностным взглядом Виктора, они дождались, пока не закончится уже звучащая композиция, и пустились в танец как только началась новая. Это был спокойный вальс без каких-либо намёков на близость, но почему-то в глубине души Виктор уже

хотел разорвать надоедливого адмирала на тысячу маленьких матросов.

Когда пара вернулась, Николас без приглашения уселся рядом. Довольно смеющаяся Даша дала Виктору понять, что ей новый ухажёр очень даже понравился.

— Как я и говорил, у вас просто прелестная супруга, — адмирал протянул фальшивому эльдормену руку, и тот её нехотя пожал. — Рад знакомству. Выпьем!

Николас разлил по бокалам красное вино и призвал всех громко чокнуться. Даша, как и Виктор, отпила лишь половину глотка, да и то ради приличия, а адмирал в это время полностью осушил свою чашу и, кажется, приготовился опрокидывать очередную.

— Итак, Джеймс и Лара, как дела на дальних границах? Не сильно ли досаждают осевшие там болотники?

— Ничуть, адмирал, — покачал головой Виктор. — Мы с ними... находим общий язык. А если они идут в штывы — мы их пламенными рапирами гоним.

— Какое потрясающее сравнение, сэр! Мой линкор тоже частенько называют то «разящей молнией», то «предвестницей смерти». Мне льстит такая поэтичность. Я вообще считаю себя человеком довольно возвышенным, а оттого любящим и ценящим поэзию.

— Но ведь это клише, Николас, — заявила Даша, явно заигрывая с собеседником. — Возвышенный человек не обязательно должен любить всё то, на чём держится высший свет. Вот мой муж, к примеру...

— Прошу прощения, — перебил Виктор, не желая слушать эту беседу. — Сэр Шарп, где здесь уборная?

— Во-о-он та дверь. Спросите лакея, он принесёт вам все необходимые предметы туалета. И не давайте ему на чай! Надеюсь, вы не из милосердных, что равносильно слабозольному...

— Угу, — пробурчал иномирец, вставая из-за стола.

Настырность нежданного гостя вывела Виктора из себя. Отойдя на приличное расстояние от стола, он крепко стиснул зубы и довольно громко выругался, что не осталось незамеченным небольшой стайкой знатных барышень, сгруппировавшихся неподалёку и сплетничающих обо всём подряд. Дамы поражённо раскрыли рты, ведь теперь у них была новая тема для оживлённой беседы — не соблюдающий правила приличия никому не известный бородатый мужчина.

Виктор отмахнулся от лакея, поджидающего возле уборной. Распахнув дверь он сперва поразился этому подобию «Овального» кабинета в Белом доме США, с той лишь разницей, что по краям стен выпирали из стен странной конструкции унитазы, а в центре уборной журчал богато украшенный цветным стеклом умывальный фонтан. Но через миг раздосадовано махнул рукой, когда увидел двух катающихся по полу и вцепившихся друг другу в волосы напыщенных индюков в праздничных костюмах. Видимо, двое представителей знати что-то не поделили и решили сперва разобраться «по-мужски», и вот, что из этого вышло. Виктор, тяжело вздохнув, перешагнул через дерущихся и подошёл к фонтану с целью умыться.

Закончив это недолгое дело, он неохотно вернулся за стол, где всё ещё ворковали Даша и Николас. Последующие полтора часа Виктор, проклиная всё на свете, слушал и слушал о том, как адмирал, только лишь благодаря своей смелости и отваге, отчаянно топил три года назад

пиратские и варварские эскадры в южных морях, а затем с мастерством самих богов подавлял бунт в одном из торговых городов-портов. О том, как герцог послал линкор «Принципио» к бескрайним северным льдам, дабы удостовериться в целостности и сохранности китобойного поселения и его населения, а там его встретил воинственный и безжалостный народ беловолосых дикарей, количество которых исчислялось сотнями. О том, как дамы вешаются ему на шею целыми делегациями, но он, такой верный и принципиальный, хранит себя для единственной и неповторимой, которую ещё, разумеется, не встретил, но которая может находиться где угодно, даже за одним столом с великим и совсем не самовлюблённым адмиралом.

Долгую и нудную беседу прервал наконец объявившийся герцог. Как только он появился на всеобщем обозрении, зал замолчал. Виктор ожидал увидеть на правителе самые яркие из виденных за сегодня одежды, но реальность оказалась несколько иной: Его Светлость был облачён в абсолютно чёрную мантию с высоким воротом, а его длинноволосую русую голову украшала скромная зубчатая корона. Опираясь на символ власти в Авельоне — монархический посох с золотым «орлом» вместо набалдашника — он в окружении шести латных стражей добрался до своего трона и, усевшись на него, поднял руку, привлекая к себе внимание тех, кто всё ещё не понял, что за персона появилась в зале. Музыканты прекратили играть, и лишь один из них — арфист — продолжил свою негромкую фоновую мелодию.

— Дамы и господа! — начал свою речь герцог, и его мягкий бархатистый голос как по волшебству прокатился по всему гигантскому помещению. Видимо, не обошлось без магии, решил Виктор. — Леди и сэры! Друзья и подруги, братья и сёстры, все родственные и знакомые души, я рад приветствовать вас на этом торжестве! На торжестве, к которому всю жизнь готовится каждый отец без исключения. И сегодня я произношу эти слова не как правитель, не как первый представитель государства и его защитник. Я говорю как родитель, как счастливый родитель дочери, которую я скреплю в благородном союзе с самым достойнейшим из тех, кто попытает удачу и рискнёт жизнью ради неё! Разумеется, для меня это очень ответственный шаг, и я, как и моя дочь Оливия, очень волнуюсь.

Откуда-то появился епископ Клод Люций. Не произнося ни слова, он сел на трон справа от герцога и окинул всех собравшихся недоверчивым взглядом. А Герберт Чаризз тем временем продолжал:

— Дорогие гости! Как вы все знаете, для принятия участия в турнире вам необходимо сегодня или завтра подать заявку уполномоченному распорядителю, которого вы сможете найти на просторах моего дворца. Но не спешите и не сбивайте зря ноги: он лично обойдёт всех и запишет каждого из вас, если потребуется. Во время празднования вас всех разместят в этом комплексе со подобающими удобствами и, конечно же, абсолютно бесплатно. Если же вы окажетесь чем-то недовольны или кто-нибудь вас оскорбит — напоминаю о цивилизованности праздника. Не вступайте в конфликты! И все вы, надеюсь, знаете о вышедшем прошлой осенью законе о строжайшем запрете на всякого рода дуэли. Самое незначительное наказание за игнорирование этого закона — изгнание из города. Самое суровое — пожизненное заключение с конфискацией всего имущества. Но не будем о грустном, я верю в ваше благоразумие. Приятного вам вечера. Ешьте, пейте, развлекайтесь! Да будет музыка!

Музыканты продолжили играть, а гости вернулись к своим делам. Адмирал вновь пригласил Дашу на танец, уже не спрашивая разрешения у её «супруга», а Виктор в подавленном настроении снова уплёл за обе щеки очередной кусок жирной жареной свинины с пряными травами и сливочно-чесночным соусом. Еда помогала отвлечься, но навевала на мрачные мысли о скорейшей потере формы и неминуемом ожирении.

Николас Шарп оказался тем ещё наглецом. Его руки всё время опускались по талии Даши всё ниже и ниже, и девушка явно не собиралась этому мешать. Кроме того, вместо одного танца адмирал не отпускал объект своего внимания почти целый час, и Виктор всё это время маялся от абсолютного безделья вперемешку с необоснованной ревностью. Он прекрасно понимал, что леди Берк — его жена всего лишь понарошку, и никаких реальных прав он на неё, конечно же, не имеет, но от мысли о том, что этот влюблённый в себя адмиралешко сейчас лапает Дашу становилось очень не по себе. К тому же, думал Виктор, его спутница могла бы вести себя более подобающе для жены помещика и землевладельца, ведь конспирация от этого несколько пошатывается, и кто-нибудь наверняка может заподозрить неладное.

В общем, первый вечер в герцогском дворце оказался не просто скучным и угрюмым, а лишённым какой-либо надежды хоть на малейшее интересное событие. Оставалось только собраться с духом и дождаться мало-мальски интересующего Виктора события — рыцарского турнира.

ГЛАВА 10

Виктор не стал дожидаться окончания вечера и ушёл гораздо раньше ужина, заранее предупредив всё ещё танцующую с адмиралом Дашу о своём уходе. Девушка, по всей видимости, была не особо опечалена тем, что её кавалер вдруг покинул банкет, отчего сердце Виктора наполнилось ещё одной порцией злобы и ревности.

Сперва он направился во двор — подышать свежим воздухом. Усевшись на лавку возле фонтана, он до самого заката слушал клёкот фениксов и журчание воды. Станным было и то, что кроме него из дворца почти никто не выходил, и эта странность Виктора очень радовала: он не хотел заводить очередное знакомство непонятно с кем и непонятно зачем.

В этот вечер Виктор впервые увидел второе солнце. Раньше он его не замечал по причине того, что Паквотхи — меньший компонент звёздной пары — была столь невелика, что из-за света основной звезды — Квотхи — её обычно видно не было. Но иногда, когда Квотхи уже заходила за горизонт, а её младшая сестра всё ещё оставалась на фоне багряного неба, её удавалось разглядеть невооружённым глазом. Глубоко суеверные пепельники считают, что именно в такие моменты открываются «врата» в мир теней, страну мёртвых. Шаманы в вечера Квотхи устраивают жертвоприношения и довольно мрачные гуляния, которые порицаются и искореняются из герцогства и его окрестностей.

Вдоволь наглядевшись сперва на два солнца, а затем и на ночное звёздное небо, Виктор отыскал одного из лакеев и попросил показать путь в комнату, предназначенную для семьи, которую подменяли Виктор и Даша. Услужливый парнишка мигом отвёл иномирца на второй этаж, провёл через десятки длинных коридоров и остановился возле тёмной дубовой двери, на которой была написана фамилия Берк, после чего бесцеремонно протянул руку, ожидая заслуженных чаевых. Виктор что-то пробурчал, кинул лакею пару монеток и скрылся от его глаз в комнате.

Апартаменты оказались под стать всем остальным помещениям дворца. Прямо посреди комнаты стояла огромная двуспальная кровать с непрозрачной ширмой вокруг, рядом расположились обеденный столик с заранее подготовленным набором напитков, резной шифоньер и два мягких пуфа. Окон здесь не было, зато везде горели странные нетлеющие свечи — продукт совместных усилий герцогских колдунов и учёных.

Уже раздевшись и укрывшись одеялом, ненастоящий Джеймс Берк вдруг решил, что немного скучает по тому времени, когда его называли Виктором Евгеньевичем, Богдановым или просто

дедушкой, и с этими мыслями он благополучно уснул, несмотря на громкую музыку и трясущиеся от непрекращающихся танцев стены.

Даша вернулась ближе к рассвету, причём изрядно подвыпившая и довольно весёлая. Не утруждая снятием с себя платья, она еле-еле стянула с уставших ног сапожки и рухнула рядом с Виктором, крепко его обняв и моментально уснув. Разбуженный этим действием Виктор заставить себя ещё немного поспать уже не смог, а потому просто лежал и маялся ещё несколько часов.

Когда Даша проснулась, она стала сетовать на головную боль и жуткие пяточные мозоли из-за неудобной обуви. Немного придя в себя, она всё-таки рассказала о своих вчерашних похождениях. Как оказалось, она всё это время находилась в компании Николаса Шарпа, в чём Виктор даже не сомневался. Этот, как сказала Даша, галантный и учтивый джентльмен познакомил её с некоторыми особо важными в государстве персонами, в том числе и с самим герцогом. Кроме того, ей удалось заметить, что епископ весь вечер находился в прескверном состоянии, и нетрудно было догадаться, почему именно. А ближе к концу торжества адмирал сделал Даше предложение, от которого она никак не могла отказаться.

— И что же это было за предложение? — пробурчал Виктор, уже предчувствуя нарастающую в нём ярость.

— Охота, конечно же! Второй день празднеств всегда сопровождается массовым истреблением тетеревов в берёзовых лесах к северу от Авельона. Так что давай-ка мы с тобой поскорее приведём себя в порядок да к полудню отыщем нашего нового друга Ника.

— Ника? Ника?! — взревел Виктор, наливаясь краской. — Твоего друга, а не нашего! Ясно?!

Даша чуть не упала с кровати от резкого крика своего товарища. Повертев пальцем у виска, он недоумевающе спросила:

— С ума сошёл, что ли? Ты чего?

— Да ничего! Ты весь вечер сюсюкалась с этим горделивым павлином, совсем забыв о своём, грубо говоря, законном муже! Танцевала с этим высокопоставленным идиотом, смеялась над его шутками, и... и...

— Так, понятно, — Даша упёрла кулаки в бока и громко усмехнулась. — Ты забыл, зачем мы здесь, но я тебе напомню. Наша задача — выяснить местоположение Книги любыми способами. Я делаю, что могу. Знакомлюсь с высшими слоями общества, потому что только через них я выйду на герцога. Не веди себя как глупый ребёнок, хорошо?

Виктору вдруг стало стыдно за свою показную эмоциональность. Извинившись перед спутницей, он направился в уборную — умыться. По дороге туда он встречал держащихся за головы и отходящих от вчерашней пьянки мужчин, которые уже совсем не были похожи на титулованных шишек. Скорее они походили на закоренелых алкоголиков с очередным отходняком поутру. Почти все они прогуливались по коридорам с целью попросить у кого-нибудь сигару, или на худой конец обычную папиросу, но Виктор, увы, не курил, а потому с большим удовольствием отказывал этим ребятам. Его вводил в недоумение и параллельно веселил тот факт, что слова Даши по поводу отсутствия традиций культурного питья оказались не столь правдивыми. Хотя, думал иномирец, возможно, это касается лишь низших сословий, а самовлюблённые и напыщенные господа игнорируют народное табу.

Чуть позже Джеймс и Лара Берк, умытые, причёсанные и всячески ухоженные, спустились в

банкетный зал, поразились его пустоте и даже успели выпить по чашечке чая, когда вдруг появился адмирал Шарп. На сей раз он был не один:

— С добрым утром, господа, — чопорно поклонился Николас и указал на своих сопровождающих. — Это мои близкие друзья — министр финансов Авельонского герцогства Адриан Шейло и распорядитель завтрашнего турнира сэр Джозеф Райзен, единственный, смею заверить, представитель герцогства, ставший святым ещё при жизни. А это Джеймс и Лара, помещики из Марлонно, я уже о них рассказывал.

Мужчины обменялись рукопожатиями, и Виктор спросил:

— Простите, за что вас, сэр Райзен, возвели в лик святых?

— О, вы до сих пор обо мне не наслышаны? — искренне удивился святой, больше похожий на Пьеро, судя по его белоснежным пышным одеяниям с чересчур длинными рукавами. — Пять лет назад я был удостоен чести сражаться бок обок с лучшими рыцарями герцогства против одного дикого племени пепельников, которое враждовало даже с Ханством. Один из варваров вонзил мне в грудь длинное кривое копьё, поднял моё тело над толпой и швырнул его на добрую дюжину метров в сторону, где я со всего размаху ударился об острые камни. Мгновенно налетели темнокожие бугаи с дубинами и топорами: они изрубили моё и без того осквернённое тело в капусту, простите меня за такое простецкое сравнение. Размозжили череп, изломали кости... короче говоря, убили меня. И это было подтверждено всеми, кто находился рядом. После боя, который, кстати, закончился нашей победой, меня упаковали в наспех сколоченный гроб и две недели в нём везли в столицу. То есть я бы там задохнулся, останься я живой, понимаете? И вот меня привезли в Авельон, и даже похоронили на кладбище за дворцом. А спустя несколько дней ангелы Света вернули меня к жизни!

— Что? — удивился Виктор. — Как это?

— Не спрашивайте, сэр. Я и сам не совсем понимаю. Очнулся на пороге дворца, совсем не помнящий, что со мной происходило с момента той роковой битвы. В тот же день епископ Клод Люций нарёк меня святым Райзеном, чем я, конечно же, очень горд.

Виктор не поверил ни слову, сказанному этим «святым» и промолчал, сохраняя нейтральное выражение лица. А Даша, не теряя времени даром, окончательно лишила своего кавалера самообладания, взяв под руку не его, а адмирала, и мягко намекнув на то, что пора бы отправиться в путь. По всей видимости, девушка словно добивалась того, чтобы окружающие увидели разлад в семье Берков, но зачем — Виктор никак не мог взять в толк.

— Что ж, в путь, милейшие господа и дамы! — призвал Николас, и компания отправилась в герцогские конюшни. Там каждому подобрали породистого скакуна с удобными сёдлами и ещё двух навьючили тюками с провизией и ружьями. Знать сопровождала целая команда конных гвардейцев, а на всём пути от дворца до берёзового леса в нескольких километрах от города были выставлены усиленные патрули охраны. С одной стороны такая защита не могла не радовать, но с другой — ввергала Виктора в смуту. Ему постоянно казалось, что ещё немного, вот-вот и их с Дашей поймут на лжи, и доблестные стражи в мгновение ока превратятся в бесчувственных тюремных конвоиров.

Но дорога оказалась более чем спокойной. Несмотря на то, что улицы всё ещё были битком забиты гуляками, народ заблаговременно расступался, когда им наперерез шла колонна знатных всадников. А за пределами города коней так и вовсе пустили в галоп, так сказать, размять лошадиные мышцы и устроить дружеские скачки. Разумеется, последним к финишу

пришёл не знающий конного мастерства Виктор. Первой, как ни странно, прибыла Даша, но по всей видимости лидирующий в этой гонке Николас просто дал представительнице слабого пола обскатить его, хотя он мог этого и не делать. И девушка это, скорее всего, прекрасно понимала.

Голая холмистая местность резко сменилась равнинным берёзовым лесом. Вдалеке виднелся острый горный кряж, а на западе ярко блестело в полуденных солнечных лучах необъятное море, из-за горизонта которого зловеще выглядывала шапка газового гиганта Акемо. Виктор всё никак не мог привыкнуть к мысли о том, что он находится не на полноценной планете, а всего лишь на крохотной луне.

Широкую поляну с разбитым на ней лагерем было видно издалека. Среди кучи палаток сновали туда-сюда два десятка человек; одни сидели у костра, вторые чистили своё оружие, третьи просто наслаждались вылазкой на природу посредством душевных бесед и поеданием закусок. Чуть поодаль от лагеря находилась ставка стражи, и по совместительству импровизированные временные конюшня и псарня, где ждали своего часа разномастные охотничьи собаки, в большинстве своём рыжие и чёрно-белые спаниели.

Спешившись, адмирал и его команда направились к костру, где, как выяснилось, рассказывал свои охотничьи истории из юности сам герцог, и никто не смел его перебивать. Компания остановилась неподалёку, ожидая окончания рассказа.

— ...и тут — бам! — выскакивает из-за сосен здоровенный рогатый секач. У него мало того, что клыки размером с саблю, так ещё и вся голова усеяна острыми как ножи наростами. Такой боднёт — и пиши — пропало! А ружья-то в те времена были лишь у каждого пятого, а остальные брали с собой рычаговые самострелы. Вот и у меня такой был. Короче, выскакивает секач и грозит на меня напасть, неумолимо двигаясь в мою сторону. Я, ещё не имеющий бороды, вскидываю самострел и выпускаю болт не целясь. Не знаю, что мной тогда двигало, но действие сие оказалось максимально безрассудным. Выстрелив, я со страху зажмурил глаза и уже стал молиться всем известным мне богам, как вдруг услышал глухой шлепок, а следом за ним звук падающей в траву туши. Открываю, значит, глаза, и вижу: кабан с болтом точно посередине глаз лежит в двух шагах от меня, и лишь лапы бьются в конвульсиях. А Император, мой охотничий пёс, ту охоту так и не пережил. Эх... о, Николас, друг мой!

Герцог, облачённый в тёмно-зелёные брюки и куртку, скинул с головы капюшон и крепко обнял адмирала. Шарп немедленно познакомил семейство Берков со всеми сидящими вокруг костра и с самим Гербертом Чариззом. Его Светлость явно обрадовался знакомству, хотя и заметил, что они уже вроде бы встречались, но это было либо очень давно, либо совсем уж мимолётом.

Среди всех знатных персон герцог казался самым приземлённым, и это Виктора несказанно удивило. Он воочию убедился в том, что про него говорят, и проникся к этому поистине великому человеку крепким мужским уважением.

Его Светлость вкратце объяснил правила охоты тем, кто в ней ни разу участия не принимал. Каждый охотник должен был вооружиться ружьём и в составе группы на конях обследовать лес в поисках преимущественно тетеревов, лис и кабанов. Вперёд всегда посылались собаки, которые не оставляли дикому зверю никаких шансов на спасение. В общем, вся суть нынешней охоты сводилась к приятной конной прогулке по лесу, где стрелять приходилось далеко не всегда.

Вскоре все разделились на несколько пятёрок, и группы отправились в разные стороны. Даша настаивала на том, чтобы идти вместе с адмиралом, но Виктор оказался категорически против,

а потому им пришлось разделиться. Как назло, Виктору попалась самая неудачная группа из всех: каждый был не меньше ста килограммов весом, и ружьё среди них никто не владел. А потому иномирец решил слегка отстать от своих компаньонов и прогуляться меж берёз в одиночку. Совсем отделаться ото всех не получилось — за ним увязалась одна из охотничьих собак — красивый длинношерстный сеттер, и Виктор, глядя на него, невольно вспомнил точно такого же рыжего пса в телевизионной рекламе собачьего корма «Чаппи».

— Как тебя зовут, родная? — спросил Виктор, разглядывая кожаный ошейник собаки. Вышитое золотом имя гласило: Нелли. — Красивое у тебя имя. Подружимся?

Нелли то ли что-то ответила, то ли просто громко зевнула. Она не отставала от идущего рысью коня, а иногда даже забегала вперёд или в стороны, замечая в траве какое-то движение. Виктор, одной рукой держа поводья, а другой крепко сжимая длинное однозарядное ружьё, вспоминал старый детский мультфильм, где одним из героев был одушевлённый тетерев. Отличительной чертой любого тетерева-самца являются ярко-красные брови на фоне иссиня-чёрного оперения, и именно этот образ птицы, которую он никогда не видел, вьелся в голову Виктора. Как выглядит самка тетерева иномирец не имел ни малейшего понятия, а потому решил, что убивать будет только самцов. Если они, конечно, ему попадутся на пути.

Вдруг Нелли остановилась и приподняла голову, глядя в одну точку. Виктор притормозил лошадь и вгляделся вперёд. Среди деревьев угадывался силуэт какого-то крупного животного, очень похожего на борова. Присмотревшись, новоявленный охотник убедился в этом. Он взвёл курок, аккуратно спешил и тихо покрался вперёд, а Нелли, приученная к подобным действиям, бросаться на добычу не спешила и держалась рядом, ожидая команды хозяина.

Виктор двигался медленно, следя за каждым своим шагом, стараясь не наступать на шуршащие листья или сухие ветки, и у него это, по всей видимости, неплохо получалось. Подойдя на расстояние выстрела, он вспомнил все уроки стрельбы, данные ему за всю жизнь, вскинул ружьё, упёр приклад в левое плечо (стрелять правой рукой в связи с недавними событиями в инквизиторском ордене было не очень удобно), и неспешно взял на мушку копающего корни дерева борова.

Нелли, пригнувшись, напряглась. Виктор, задержав дыхание, плавно спустил курок и чуть не задохнулся — ему в лицо ударило густое облако порохового дыма. Откашлявшись и протерев глаза он понял, что по каким-то причинам промахнулся. Может, оружие не пристреляно. Может, его навыки стрельбы оставляли желать лучшего. Это было неважно, потому что в итоге кабан сбежал, и сейчас он нёсся в глубокую лесную даль со скоростью реактивного самолёта.

— За ним, — скомандовал Виктор, и Нелли наконец-то бросилась догонять дающего стрекача борова. Сам же охотник решил не возвращаться к лошади, а просто побежал вперёд.

Через сотню шагов Виктор понял, что всё-таки попал в свою цель, но, видимо, лишь вскользь. Кое-где на траве давала отблески свежая тёмно-красная кровь, и след, по которому ушёл зверь, стал донельзя чётким. Спустя минуту после начала выслеживания где-то впереди послышался протяжный кабаньий визг и вскоре всё стихло. Когда Виктор наконец добрался до места схватки Нелли и секача, стало ясно, что собака без труда одолела добычу и теперь сидела рядом с грузной тушей, ожидая похвалы.

— Хорошая девочка, — охотник потрепал свою новую подругу по холке и достал для неё из кармана заранее заготовленные галеты для поощрения четвероногих загонщиков. Нелли уплела угощение за обе щеки и довольно облизала пальцы Виктора, выказывая тем самым своё одобрение ко всему происходящему.

Пришлось возвращаться за лошадьё и навьючивать её тушей, а самому идти рядом. Виктор честно пытался найти ещё хоть какую-нибудь дичь в течение двух или трёх часов, но нашёл отыскал только пару белок, после чего решил вернуться в лагерь. Благо, что Нелли дорогу помнила, иначе бы горе-охотник заблудился в этом нескончаемом берёзовом лабиринте.

Как оказалось, Виктор вернулся одним из первых. Трое зевак лениво похлопали, завидев привезённую им добычу, и вернулись к ничегонеделанию. Но вскоре воротились и все остальные. Последней прибыла группа адмирала, и, судя по крупному мешку за спиной Шарпа, удача сегодня явно выбрала Николаса в качестве своего фаворита. Рядом с Шарпом, чуть не разрываясь от улыбки и влюблённого взгляда шла довольная Даша.

— Как дела, Джеймс? — спросил в Виктора спешивающийся герцог. — О, смотрю, по моим стопам идёшь. Неплохой, хочу заметить, секач! Пожалуй, есть смысл запечь его прямо здесь, в лагере, как ты считаешь?

— Совершенно с вами согла... — начал было Виктор, но осёкся на полуслове. Он вдруг увидел как только что в ставку прибыли ещё двое, и их можно было узнать издали по специфическим инквизиторским мантиям — епископ Клод Люций и его «хвостик» по прозвищу Палач. Оба они оставили своих коней в стороне и медленным шагом направились в сторону герцога.

— Джеймс, всё в порядке? — поинтересовался Герберт. — Ты остановился на полуслове.

— Я... простите, Ваша Светлость, я задумался. С вашего позволения, я пойду.

— Не спеши, — герцог вдруг по-панибратски приобнял Виктора за плечи и повёл его к костру. — Мне бы очень хотелось с тобой побеседовать. Я, знаешь ли, не всегда могу ведать обо всём, что происходит в государстве, а потому доверяю управление большинством наделов своим подданным. И ты — один из таких. Но я тебя совсем не знаю. Точнее, знаю только то, что у тебя есть поместье и рыбацкая деревня, за счёт которой Марлонно и живёт. Но в последнее время, судя по статистическим данным, дела у тебя идут не очень хорошо. Расскажи мне, почему.

Герцог усадил Виктора на бревно и сам сел рядом, протянув ладони к пламени. Иномирец, приготовившись к худшему, ведь рядом не было Даши, которая могла бы ему помочь, стал импровизировать:

— Беда у наших берегов, Ваша Светлость. Беда. Страшное чудовище появилось там, пожирающее большую часть рыбы — огромный кальмар, размером с двухэтажный дом. Рыбаки боятся выходить в море — две лодки с людьми монстр уже проглотил. Вот и приходится обходить его стороной, прибиваться к скалам и надеяться на чудо. Вот такие дела в нашей провинции. Потому и идут дела плохо. А ещё эти дикие болотники, которые иногда появляются шайками возле Марлонно, та ещё напасть, скажу я вам! А охрана совсем обленилась — волнуется только за собственный кошелек!

— Хм, — нахмурился Герберт, и у Виктора ёкнуло сердце. — Чего ж ты сразу не написал в столицу? Как только закончатся гуляния, я немедленно же снаряжу линкор адмирала китобойным снаряжением и отправлю самого Николаса Шарпа устранять твою маленькую беду. А что насчёт болотников — так я выделю тебе людей из личной гвардии. Думаю, тридцать опытных воинов будет вполне достаточно. Да и денег для общего подъёма поместья я тебе выдам, но с тем расчётом, чтобы ровно через два года поставки рыбы из твоих краёв были не хуже, чем несколько лет назад до появления чудовища. Идёт?

— Благодарю, Ваша Светлость, — вздохнул с облегчением Виктор. — Конечно же, я согласен. Жена будет просто в восторге от этих новостей!

— Кстати, о твоей жене, — герцог заговорил несколько тише. — Похоже, что она у тебя не совсем верная. Всё время прижимается к Шарпу, и, кажется, настраивает его против тебя. Советую держать ухо востро. Если ты понимаешь, о чём я.

Иномирец покраснел и, понуриив голову, ответил:

— Ваша Светлость, боюсь, что это я виноват в неверности супруги. По правде говоря, я не считаю её своей женой, не люблю её и не жду этого от неё. Может, в моей биографии это и не указано, но давным-давно я был женат на другой девушке, которую очень любил. Любил так, как не полюблю больше никого и никогда. Она была прекраснее всех звёзд на небе, умнее и смекалистей целого штата учёных, волшебнее самой магии...

— И что же с ней стало? — осторожно поинтересовался герцог.

— Она умерла, и уже давно. Клянусь богами, после её ухода я всё ещё храню ей верность, хоть и... кхм... женился на Ларе. И несмотря на то, что никогда больше её не увижу, я храню её образ в своей голове, и каждый раз, когда мне плохо, я представляю лицо Лизы, такое доброе и улыбчивое, подбадривающее и дающее сил...

Герберт снова приобнял собеседника и грустным тоном сказал:

— В этом мы с тобой похожи. Моей супруги нет на этом свете уже пятнадцать лет, и с тех пор я не могу заставить себя жениться вновь. Ночами я всё представляю, как обнимаю её спину, прижимаю хрупкое тельце к себе и грею, зарываюсь носом в её волосах. А когда понимаю, что всё это лишь моя фантазия, то реву, как маленькая девочка. Смешно, да?..

— Ваша Светлость! — раздалось за спиной. — Виктор обернулся, и худшие ожидания оправдали себя: это были инквизиторы. — Мы рады видеть вас в добром здравии.

— О, благодарю, друзья, да пребудет с вами Свет, — ответил Герберт. — Присаживайтесь, угощайтесь закусками, испейте напитков. Мы скоро запечём отличного кабана, которого подстрелил для нас наш друг Джеймс Берк.

— Джеймс Берк? — медленно и по слогам переспросил епископ, садясь на бревно напротив. Палач остался стоять за спиной. — Джеймс Берк, помещик и владелец рыбацкой деревни Марлонно, я правильно понимаю?

Клод Люций так буравил Виктора взглядом, что, казалось, ещё немного — и он прожжёт в объекте внимания дыру. Возникла неловкая пауза, которую прервал герцог:

— Да, всё верно, Ваше Преосвященство. Что-то не так?

Епископ ещё несколько мгновений осматривал замаскированного под эльдормена Виктора, всё хмурился, но вскоре перевёл взгляд в сторону и улыбнулся:

— Нет-нет, что вы, всё отлично. Просто я, кхм... давно не видел нашего друга Джеймса и уже успел позабыть, как он выглядит.

Сердце Виктора бешено заколотилось. Мысленно он уже распрощался с жизнью, и стал продумывать план побега, заведомо обречённый на провал. На его плече всё ещё висело

ружьё, выхватить которое — секунды две-три. На поясе рапира, достать её — секунда-полторы. Если изловчиться, то можно сперва прыгнуть вперёд и повалить епископа на землю, после чего рвануть вперёд, где стоит и жуёт траву ещё не уведённый в стойла конь герцога. Если судьба будет благосклонна, то Виктор сможет убежать, и в лесу его вряд ли догонят. Но тогда погибнет Даша, которую наверняка запытают до смерти в подземельях Ордена. Обдумав всё это за короткие доли секунды, Виктор решил рискнуть, ведь раз епископ сразу не сдал его с потрохами, то у него есть какие-то более тонкие и изощрённые на него планы. И до сих пор не было понятно, узнал ли Клод Люций в псевдо-Джеймсе своего беглеца или же просто заметил огромное различие с настоящим хозяином семейства Берк.

— Да, Ваше Преосвященство, у меня был трудный год. Морозы и болотники меня слегка изменили, — сморозил Виктор и мысленно проклял себя за эту глупость.

— Морозы? В ваших краях? — удивлённо спросил епископ. — Вот это новость. Ну, ладно, не я ведь живу в Марлонно, верно? Вам, рыбакам, лучше знать, какая у вас там погода.

— Ну, раз у вас всё хорошо, предлагаю всё-таки приступить к обеду! — потёр ладони герцог. — Обожаю кабанью спинку на вертеле!

Трапеза состоялась почти через два часа. Уставшие, но донельзя довольные охотники за милую душу уплетали настрелянную дичь. Как и ожидалось, больше всех поймал адмирал Шарп, и почти все рассказы шли именно о его сегодняшней охоте, отчего Виктора уже изрядно подташнивало. Но и землянину дали слово: герцог, в перерыве между историями Николаса, попросил своего нового друга Джеймса рассказать всем о том, как он поймал этого прелестного жирного секача. Виктор решил не привирать и рассказал всё, как было, изрядно похвалив за помощь собаку. Герберт клятвенно пообещал, что Нелли будет представлена к галетной награде и трёхдневному отдыху на сеновале.

Даша тоже поведала о своих приключениях. К удивлению большинства, эта хрупкая дама самолично подстрелила трёх куропаток и почти убила одного тетерева, но промахнулась и попала лишь в ветку, на которой сидела краснобровая птица. Но за этот промах никто её не винил. Напротив, все неприкрыто гордились тем, что в их обществе наконец появилась хоть она женщина, умеющая держать в руках ружьё.

Закончив с обедом, охотники собрались обратно в Авельон. Выдвигаясь, Герберт пригласил Виктора идти рядом с ним впереди колонны, чтобы немного поболтать.

— Понимаешь, — говорил он. — Когда я управляю делами во дворце, нет никого, с кем я мог бы побеседовать на любые темы. Не стану кривить душой, ты и сам наверняка знаешь, что почти вся знать в герцогстве насквозь прогнила лицемерием и самолюбием. Признаюсь честно, меня это порой так задевает, что хочется однажды махом взять и уравнивать всех с обычными горожанами. Но ты, Джеймс, дал мне новую надежду. Ты напоминаешь мне меня, а потому я чувствую к тебе некую привязанность. Не сочти за наглость, но я попрошу тебя быть ко мне как можно ближе во время праздника, идёт?

— Не вопрос, Ваша Светлость, — ответил Виктор, понимая, что находясь рядом с герцогом он не подвергается явной угрозе со стороны знающего о подмене епископа. По каким-то причинам Клод Люций не спешил раскрывать все свои карты, или же попросту опасался делать это в присутствии Герберта. Как бы там ни было, время на обдумывание дальнейшего плана пока ещё оставалось.

— Вот и славно. Надеюсь, ты получишь истинное удовольствие, поглядев на завтрашний

турнир. Ты ведь любишь турниры, Джеймс?

— Конечно, кто же их не любит, Ваша Светлость?

— Ну, половина из моих гостей придёт на трибуны только ради того, чтобы скоротать время. Истинных ценителей этого практически искусства осталось очень мало, я бы даже сказал катастрофически мало! Но мы это дело исправим. В этом году я организовал такой турнир, который будет интересен даже старым бабкам или мясным курицам. То есть — всем! Там будет представление, доселе невиданное. Реконструкция одного из боёв с болотниками. Также чародеи представят уникальные салюты: распускающиеся в небе цветы, разноцветные горящие узоры, украшающие вечерние облака, дождь из лунного света... нет, не стану говорить обо всём, иначе тебе будет неинтересно.

— Как я понимаю, Ваша Светлость, принять участие может только свободный от брачных уз рыцарь, верно? Ну, я под этот критерий вряд ли подхожу, хе-хе...

— Слушай, а, может, ну её, леди Берк эту? — усмехнулся Герберт. — Я был бы просто счастлив, появившись у моей дочери такой муж, как ты. Да и жена твоя, Лара, неверная и вышедшая за тебя лишь по расчёту, явно направила своё вождение в, кхм, адмиральское русло...

— Вы же несерьёзно, Ваша Светлость? Положим, что с женой проблем нет. Но я никогда не носил доспехов, не держал в руках кавалерийское копьё да и вряд ли удержу, взяв в первый раз. И боевого коня у меня нет.

— Неужели ты думаешь, что обмундирование и лошадь — это проблема? Я выделю для тебя и то, и другое. А насчёт умения... я дам тебе сегодня лучшего тренера верхового боя, согласен? Хоть чему-то, да научит. А завтра с утра попытаешь удачу. Не бойся, все копыя будут небоевыми, а, значит, даже при самом тяжёлом поражении ты не умрёшь. Зато хоть узнаешь, на что способен. И да, я упомянул о приданом?..

— Приданом? Н-нет, — нахмурился Виктор.

— Совсем вылетело из головы. Тому, кто возьмёт в жёны мою дочурку, я отдаю треть всех территорий герцогства, пятую часть государственной казны и право занять место герцога когда я уйду на покой.

Виктор никогда не считал себя человеком жадным, но такая награда за победу буквально заставила его тут же выпалить:

— Согласен!

— Вот и чудненько, — улынулся герцог. — Я верю в тебя. А насчёт Лары не беспокойся... шлюха — она и в высшем обществе шлюха, это видно сразу.

От слов Герберта Виктору стало не по себе. Ведь Даша, если всё было так, как она говорила, всего лишь разыгрывала свою явную симпатию к адмиралу, чтобы окружающие видели её отношение к законному супругу. И теперь Виктор понимал, для чего всё это было задумано. Он решил, что извинится перед девушкой за все его вспышки ревности и каким-либо образом вскорости загладит свою вину.

Вернувшись в Авельон, Герберт сразу же отправил Виктора заниматься с тренером. Учителем оказался хромающий рыцарь в годах, явно знававший лучшие времена. Но он был ветераном и знал о военном деле всё, и даже больше. Он облачил своего ученика в тяжеленные полностью

закрытые доспехи, целый вечер гонял его по тренировочному ристалищу взад-вперёд, заставляя крепко держать в руках болтающееся в разные стороны невыносимо длинное копьё и попадать им с разбега в расставленные по всей длине арены манекены. Сперва получалось не очень хорошо: только один из пяти манекенов падал от удара, но уже через несколько часов аккуратность превышала семьдесят процентов. В конце концов, это не так сложно, как фехтование, решил Виктор, подбадривая себя.

В конце тренировки учитель объяснил Виктору все нюансы и тонкости, хитрости и уёртки, которые могли пригодиться новоиспечённому боевому всаднику, и, пожелав удачи, отправил его спать ещё до заката, объяснив это тем, что участнику турнира перед выступлением надобно выспаться впрок, дабы не клевать в седле носом.

Сердечно поблагодарив тренера, уставший, но довольный собой Виктор вернулся в свои апартаменты, где его уже ожидала с подробным докладом сообщница Даша.

ГЛАВА 11

Сон выдался удачным и спокойным. Ни кошмаров, ни иных сновидений, лишь чёрная пелена забвения после тяжёлого и очень эмоционального дня. Перед самым отходом ко сну Виктор с Дашей крепко закрыли изнутри дверь на два замка и засов, после чего придвинули к ней тяжеленный шифоньер и целую кучу маленьких пуфов. Всё это было сделано для пущей безопасности, чтобы епископ или его ищейки не смогли застать иномирцев врасплох. Бежать, конечно, из комнаты возможности не оставалось кроме как через основной вход, но лучше уж иметь время на подготовку к схватке, нежели истекать кровью в ночной рубашке, не успев даже схватиться за клинок.

Даша одобрила желание Виктора принять участие в турнире, потому что любые действия земных шпионов могли благополучно повлиять на исход операции. К тому же, первое место в этих конных соревнованиях могло приблизить победителя к герцогу настолько, что между ними откроется целая река доверия, что само по себе уже было вещью чрезвычайно полезной. Сама же девушка рассказала, что побеседовала уже с доброй полусотней приближённых к герцогу персон, но никто из них, как ожидалось, про книгу даже не слышал. Единственной надеждой оставался Герберт Чаризз, который, к счастью, проникся к Виктору особой симпатией, и симпатия эта могла перерасти в явную дружбу в случае победы на турнире. Даша сказала, что продолжит играть роль неверной жены, чтобы Джеймс Берк смог публично отказаться от брака в пользу юной и непорочной леди Оливии, герцогской дочери.

Проснулись за час до рассвета. Одевшись и убрав в сторону баррикады, Виктор принял благословение от напарницы и проследовал на тренировочную площадку, где его уже с нетерпением ждали несколько человек: Его Светлость, адмирал Шарп, епископ Клод Люций и небольшой штат слуг. Герцог подбадривающе похлопал нового друга по спине, сказал ему пару напутствующих слов и отдал его в руки слуг, которые мигом облачили никогда не надевавшего латы Виктора в непробиваемый стальной панцирь.

— Турнирная броня, к све?дению, весит в два раза больше обычной, — заметил Николас. — А потому она не имеет узкую специализацию и никогда не используется в боевых условиях.

Виктора отвели в небольшое помещение для переодевания и там раздели догола. Кто-то из слуг поинтересовался у него по поводу отсутствия большого пальца правой руки, но тот лишь махнул рукой и попросил об этом особо не распространяться. Поверх голого тела сперва надели толстые, но мягкие лосины и жаркий шерстяной поддоспешник. Далее в порядке наложения следовали красивая рубашка-кольчуга и некое подобие кольчужных трусов для

дополнительной защиты паха. После всего этого по кускам стали прицеплять округлые стальные элементы основного доспеха: блестящую трёхслойную кирасу весящую не меньше пятнадцати килограмм, наплечники, поножи, защиту для рук, ног, локтей и коленей, кистей и стоп, шеи и пояса. Всё это безобразие звенело на Викторе как колокольни собора Василия Блаженного во время Рождества, что не могло не смущать, ведь звон каждого шага разлетался на всю округу. Последним надели сплошной шлем без подвижного забрала, но и без иных отверстий кроме тонкой прорези для глаз. Форма шлема была вытянутой и отлично обтекаемой, что, возможно, делало скачущего рыцаря похожим на летящую вперёд баллистическую ракету. Макушку украшали длинные заострённые «уши», заканчивающиеся яркими оранжевыми перьями. Головной убор не был предназначен для манёвренности: его конструировали для защиты, так что он намертво крепился к кирасе без возможности повернуться хоть немного вправо-влево, и снять его можно только с чужой помощью.

— Вот так консервная банка, — гулко произнёс из своей «передвижной тюрьмы» Виктор. Он удивился, как прозвучал его голос здесь, под этими нестерпимо тяжёлыми доспехами. Да и плюс ко всему каждую минуту становилось всё жарче и жарче, тело взмокло уже на первых минутах после облачения в турнирные латы, а день только начинался. — Блеск. Блеск!

— О, Джеймс, я смотрю, ты уже освоился, да? — появился на пороге раздевалки герцог. — Ну-ка, сделай пару шагов вперёд.

Виктор с трудом кивнул и, набрав полную грудь воздуха, занёс ногу для шага. Резкий скрип — и колено заело, а само тело стало стремительно терять равновесие. От падения горе-рыцаря спасли лишь вовремя подбежавшие и удержавшие его в стоячем положении слуги.

— Ох-ох. Ваша Светлость, боюсь, у меня ничего не выйдет. Я даже полуметра не пройду, как грохнусь и рассыплюсь на сотни звенящих обломков. Может, мне стоит отказаться, пока ещё есть время? Чтобы, так сказать, не опозориться.

— Не волнуйся. Тебе ведь не нужно ходить пешком, конь выполнит всю грязную ходячую работу, хе-хе. А ещё я выделил тебе специальное седло, выпасть из которого практически невозможно: оно очень глубокое и имеет выемки для шести выступов-креплений на твоих набедренниках. В общем, уверен, ты не пропадёшь! Может, есть какие-нибудь пожелания перед началом?

— Да, пожалуй. Во рту пересохло. Можно мне воды?

Герцог усмехнулся:

— Ну, нет. Придётся немного потерпеть. Шлем уже намертво привинчен. Времени на раздоспешивание совсем не осталось. Дам пару напутствующих советов. Первый и самый главный: все твои противники-петушки будут стараться привлечь к своим горячо любимым персонам как можно больше внимания. Они станут паясничать как дети и «играть» с противником, что ты можешь использовать в свою пользу. Как только возьмёшь в руки копьё — вцепись в него мёртвой хваткой, и заставь всех этих выроdkов подавиться собственным смехом! И ещё: помни о цели. Ты будешь сражаться не ради славы или чего-то ещё, а ради родства со мной, ради руки моей дочери. Пусть эта мысль придаёт тебе сил. А вот этот подарок сделала сама крошка Оливия, когда узнала, что у меня уже есть фаворит, которого мне бы хотелось видеть в качестве её законного супруга. Вот, возьми, — Герберт повязал на запястье Виктора цветастую фенечку и заговорчески подмигнул иномирцу. — Некоторых твоих возможных соперников я смог, так сказать, убедить проиграть бой. Как ты понимаешь, турнирная сетка уже составлена, по крайней мере на первый этап, но доступ к ней имеют лишь немногие, в том

числе и я. Так что для меня не составило особого труда дать кому надо парочку взяток. Не удивляйся — здесь дела иначе не делаются. Ну, ладно, тебя отведут куда следует, а мне надо идти в герцогское ложе — скоро начало. Искренне желаю удачи, и да пребудет с тобой Свет!

Виктор уже начинал жалеть, что согласился на эту беспросветную авантюру, но отступить назад было поздно. «И как только они в этих железках ходят?» — искренне недоумевал он, в сопровождении слуг добираясь до стойл, где его уже ждал боевой конь в белой исшитой золотом попоне. Забираться на него оказалось самым сложным на данный момент испытанием, что заняло у бедняги почти двадцать минут, но когда это дело, наконец, подошло к концу, возникла новая проблема: один из помощников сказал, что вылезать из седла нельзя будет ещё очень долгое время, так что если Виктор вдруг хочет в туалет... то он опоздал и упустил свой шанс.

— Блеск, — повторил иномирец. — Просто блеск!

Всадника отвели за поводья в специальные «стойла ожидания», где все участники, коих оказалось ровно тридцать два, собрались перед началом турнира. Вокруг каждого из них столпились помощники, тренеры, оружейники и пажи, что очень напомнило Виктору земные гонки мирового уровня на спортивных машинах, где в заезде принимали участие не просто гонщики, а целые команды из нескольких водителей и целой бригады механиков, медиков и прочих.

На Виктора смотрели с явной усмешкой, хоть убедиться в этом не было никакой возможности, ведь на каждом уже крепко сидел закрытый со всех сторон шлем. Сам же Виктор внимания старался не привлекать и просто стоял в стороне, особо не двигаясь и ожидая начала представления. И вот, спустя несколько минут вдалеке послышались бурные овации уже собравшейся на трибунах толпы, отчего сердце бешено заколотилось, навевая очередную порцию волнения и сомнения в целесообразности всего вокруг происходящего.

Судя по стихающему шуму, герцог попросил тишины для того, чтобы произнести пафосную публичную речь. В этот момент всех всадников пригласили на торжественное построение, и колонна облачённых в боевое обмундирование скакунов в ряд проследовала к арене.

Ристалище оказалось похожим на футбольное поле, где аккуратно стриженный газон был разделён на несколько отдельных участков для разных видов соревнований. Но сегодня требовался лишь один из них: продолговатый, с проходящим посередине высоким забором. Всадники выстроились в ряд и поклонились трибуне, на которой восседал Его Светлость, и Виктор, взглянув туда, впервые увидел принцессу, но рассмотреть её так толком и не смог: герцогское ложе находилось очень высоко, да и широкополая шляпа с тёмной вуалью на голове от яркого солнца на голове леди Оливии этому очень мешали. Но голос Герберта даже на таком расстоянии был слышен более чем отлично:

— А вот и участники соревнования, которых вы все знаете и любите, за которых болеете и на которых, я уверен, потихоньку делаете ставки! Не стану вас за это винить, ведь я тоже поставил на победителя третью часть всех государственных земель...

По трибунам прошла волна смеха. Шутка была принята на «ура».

— Спешу напомнить, что главное правило турнира — быть предельно честным! Никаких уловок и всего остального, есть только вы и ваши противники, это всё, что должно занимать ваше доблестное сознание в этот славный день!

Виктор вдруг почувствовал необычный прилив сил, никак не связанный с воодушевляющей

речью герцога. Спина выпрямилась сама собой, тяжёлый вес турнирных лат словно перестал ощущаться, а обзор, максимально урезанный границами прорези в шлеме, расширился как минимум впятеро; сознание, как и зрение, прояснилось, и Виктор почему-то определённо понял, что теперь он победит с гораздо большей вероятностью, чем считал всего минуту назад. Прислушавшись к своим ощущениям, он заметил приятное тепло в кончиках пальцев, и сразу всё понял — волнение перед боями, неуверенность в собственных силах, страх быть пойманным епископом — все этим эмоции смешались в один мощный ком, который катился с вершины уже долгое время, и вот, наконец, с грохотом врезался в границу терпения. И та сила, которой Виктор владел, поглотила эмоции как подпитку, превратившись во вполне физическое ощущение собственной уникальности, самоуверенности и других приятных чувств.

— ...нашими отцами, дедами, прадедами, — говорил что-то Герберт, но Виктор прослушал почти всю его речь, и, осознав это, раздосадовано прошипел. — Да возгордятся предки величием нашим, да не посрамят мы честь отдавших жизни за нашу свободу! Да ниспошлёт нам свою божественную благодать вселенский добродетельный Свет! *Kaelte haelde!*

— Каэлтэ... что? — не понял Виктор.

— Кельте хельде, — подсказал один из его помощников. — Это древний язык наших отцов-основателей. На нём были написаны многие первородные сказания, в том числе и самая популярная мифологическая Книга. Ну, это-то вы точно знаете. Дословно переводится как «бескорыстная доброта»

— Да, да. Конечно знаю. Просто... забыл.

После фразы на древнем языке трибуны как по сигналу встали, и выполнили жест, вызвавший в цивилизованном земном обществе крупный резонанс: они сперва приложили ладони к своим сердцам, после чего протянули их в небо, в сторону светил. Но это движение не было нацистской пропагандой или символом ненависти. Напротив, каждый делал это с лёгкостью и добротой на душе, и герцог, повторив за всеми, объяснил невеждам:

— Вечный путь от сердца к небесам, — воскликнул он. — Следуя заветам предков, да не станем мы посвящать отмеренный нам срок на то, о чём впоследствии станем жалеть. Мой распорядитель объявит первые пары. Да начнётся турнир! Кельте хельде!

— Кельте хельде! — подхватила толпа.

— Кельте хельде, — одними губами прошептал Виктор.

Зазвучал гимн, исполняемый духовым оркестром. Несколько десятков труб, туб, тромбонов, виолончелей и флейт почти десять минут непрерывающимся маршем играли самую главную государственную музыкальную композицию, отчего у Виктора волосы встали дыбом — настолько эмоциональной была эта музыка. Бархатистый женский альт звучал неизвестным языком, но смысл отчего-то был вполне себе ясен, и он несильно отличался от смысла любого иного гимна любой иной страны любого иного мира.

Как только оркестр смолк, зрители вновь расселись по трибунам. Низко поклонившись, герцог удобно расположился в своём ложе и стал наблюдать за происходящем с самой удобной точки на всей арене.

Распорядитель — тот самый причисленный к лику святых ещё при жизни Джозеф Райзен — появился посреди ристалища и стал называть всех участников по парам. Как только звучало имя очередного знатного рыцаря, так сразу один из секторов трибун протяжно визжал,

кричал, гоготал и всячески поддерживал своего фаворита, а сам поддерживаемый воин поднимал своего коня на дыбы и высоко махал рукой. Когда же очередь дошла до Виктора, все вокруг замолчали, и лишь два голоса: Герберта Чаризза и Даши развеяли крошечную тишину своими напутственными торжественными возгласами.

Первыми выступали двое рыцарей с труднопроизносимыми именами. Сперва они дождались, пока остальные участники отойдут в сторону, после чего разошлись по разным краям длинной перекладки и вооружились поднесёнными им копьями. Несмотря на примерно одинаковую поддержку зрителей, на вид разница между этими воинами казалась очень существенной. Один из них был выше другого на полторы головы и шире в плечах почти в два раза. Лошадь его, соответственно, тоже была массивнее и внушительнее, отчего результат казался заранее предрешённым.

Рыцари поклонились толпе, повернулись друг к другу и пригнулись, прижимаясь к гривам своих четвероногих товарищей.

— Начинайте! — повелел герцог, и сразу же прозвенел гонг.

Двое всадников несколько шагов по направлению друг к другу преодолели неспешно, словно пытаясь прочувствовать почву или заставить оппонента испытать определённую нервозность. После этого стремительно набрали скорость и нацелили наконечники копий каждый в сторону другого. Они пригнулись ещё сильнее, разгоняясь всё быстрее и быстрее, и вот до столкновения остаются уже считанные доли секунды... толпа замерла в ожидании; она затаила дыхание, не произнося ни звука, ожидая результатов первого поединка.

Когда всадники столкнулись, послышался звонкий удар. Сперва было непонятно, кто победил, потому что оба оппонента остались в седлах, но всего через секунду здоровяк воздел своё оружие вверх, ознаменовывая свою победу, а его противник, теряя устойчивость, завалился из седла вправо. Зацепившись за стремя ногой, он не рухнул на землю полностью, и конь протащил его ещё с десятков метров прежде чем остановился и стал смиренно ожидать дальнейших действий.

Толпа, как и ожидалось, взревела. Довольный интересным началом Герберт захлопал в ладоши, а его дочь демонстративно прикрыла лицо ладонями, выказывая свою нелюбовь к подобному варварству. По странным причинам уверенности в Викторе не убавилось, и он, постоянно поддерживая свой боевой дух воспоминаниями о Лизе, лишь зверел с каждой минутой, всё больше и больше желая опробовать себя в качестве боевого всадника с длинным турнирным копьём в руках. К тому же, терять такой настрой было попросту невыгодно — бой Виктора должен был случиться всего через две схватки.

К побеждённому рыцарю подбежали его помощники. С трудом подняв тяжеленное латное тело, они отнесли бедолагу в санчасть, а там, где они его проносили, на земле оставались крупные кровавые кляксы. Один из глашатаев объявил, что принявший поражение благородный сэра Кракувулин во время удара потерял сознание от мощного удара копьём в шлем, и челюсть благородного сэра Кракулина более не способна прожёвывать хоть что-либо жёстче свежего белого хлеба. Виктор неожиданно для себя рассмеялся над этими словами, что внутри стального панциря прозвучало очень зловеще, и этот смех, многократно усиленный эхом, услышали все участники турнира, что, возможно, могло их слегка деморализовать.

По сигналу ещё одна пара рыцарей заняла исходные позиции. На сей раз воины казались равными по силе и габаритам, но только одному трибуны рукоплескали, а другого освистывали. Виктор решил ни у кого не спрашивать, почему всё происходит именно так, и сделал вид, что

его ничего не удивляет. Он с интересом разглядывал процесс приготовления к началу поединка, как оруженосцы с трепетом отдают своим наставникам их личные турнирные копьё, кланяются им и отходят в стороны. Как сами рыцари совершают ритуальные жесты, видимо, помогающие в битве и приносящие удачу, а после совершают поклоны герцогу и низко-низко пригибаются к лошадиным гривам.

Удар гонга — и всадники устремились навстречу друг другу. Из-под копыт облачённых в специальные лошадиные доспехи коней высоко вверх вырывались клочки ещё влажной от утренней росы травы и чёрной грязи. Каждый шаг, каждый удар по земле оставлял неглубокие выемки, и если так пойдёт и дальше, то к концу турнира от былой красоты ристалища не останется и следа. Рыцари всё сближались и сближались, набирая скорость; удар таким копьём без заранее набранного разгона не принёс бы желаемого результата. А два неумолимо приближающихся друг к другу объекта, скорость которых могла достигать тридцати, сорока, а то и пятидесяти километров в час, обеспечивали даже тупым турнирным пикам столь великую мощь удара, что далеко не каждый после такого мог самостоятельно подняться на ноги и продолжать жить нормальной жизнью. Верхом же мастерства в этом виде «несмертельного» поединка считалось «переломить копьё» о противника, но на самом же деле подобные случаи имели место быть чрезвычайно редко. Хотя хроники нередко говорили о том, как ломались настоящие боевые копьё на полях сражений, но это уже были совершенно иные ситуации с отличными от сегодняшнего поединка «правилами», которых, по сути, и не было вовсе.

То ли одно из копий оказалось длиннее, то ли кто-то из рыцарей проявил себя как более ловкий и проворный боец, но всего через несколько секунд после начала этого раунда прозвучал звук удара, и тут же объявился победитель. Что-то прокричав, он пустил в сторону герцогской дочери воздушный поцелуй и вальяжно удалился прочь, освобождая место для следующей пары.

В таком темпе прошёл ещё один бой. Всё было так же, как и в прошлые разы: двое становятся друг напротив друга, разгоняются и совершают выпады, после чего один, принимая поражения, вылетает из седла, а другой, побеждая, переходит на следующий этап соревнования. Виктор вдруг понял, что ничего сложного в этом нет, равно как нет в турнире особой доблести или проявления своих воинских талантов. Всё, что могло принести участнику победу — это лишь крепость его доспехов, длина копьё и уверенность в собственных силах. На последнее очень влияла поддержка сидящей на трибунах толпы, которая, в свою очередь, формировалась на основе репутации участника. То есть, грубо говоря, чем лучше отношение зрителей к рыцарю, тем успешнее окажется его выступление.

Когда очередного поверженного унесли в санчасть, глашатаи объявили о начале поединка эльдормена Джеймса Берка и сэра Сэмюэля Мортонса. Сердце Виктора бешено заколотилось, но не из-за страха или волнения, а от прилившей вдруг ярости, от взывавшего в крови адреналина и непомерного желания победить, вырвать победу, выгрызть её вместе с глоткой противника, если потребуется. В седле он сидел уже вполне уверенно и укоренённо, а потому без особого труда послал коня на стартовую позицию. Сам не зная почему, он указал рукой в сторону сэра Мортонса, после чего демонстративно провёл большим пальцем у горла. Трибуны от такого жеста заворожённо загудели — им нравилось всё, что означало нарушение привычного для зрителей уклада жизни. Разумеется, самим принимать участие в подобных соревнованиях они бы никогда не стали, но вот поглазеть на подобное со стороны — это милое дело.

Противник Виктора отличался завидным ростом и недюжинной шириной плеч. Его латы, выкрашенные в иссиня-чёрный цвет, казались в разы больше, чем доспехи Виктора, а огромные вычурные наплечники были выше закрытой продолговатым «жабьим» шлемом

головы на целую ладонь. На левом предплечье красовался небольшой гербовый щиток с изображением трёх алых роз, но этот элемент обмундирования служил скорее символическим дополнением, нежели давал реальную защиту во время удара.

Увидев наглый жест Виктора, Сэмюель лишь гордо выпрямил спину и поприветствовал герцога с леди Оливией. Где-то на трибунах раздался возглас Даши, но разобрать слова во всеобщем шуме оказалось задачей непосильной.

К Виктору подбежал временный оруженосец. Поздоровавшись со своим рыцарем, он протянул ему длинную пику и прямоугольный кавалерийский щит со слегка зауженным основанием. Крепко-накрепко прицепив к левой руке щит, и, как советовал герцог, мёртвой хваткой схватив своё копьё правой рукой, Виктор прокричал грозный боевой клич, и по воле судьбы его конь сам собой встал на дыбы, разделяя настроение хозяина. Держать оружие было не очень удобно из-за отсутствия большого пальца, но набитая тканью кольчужная перчатка держала древко довольно крепко, и всё беспокойство на этот счёт как ветром сдуло.

Виктор в очередной раз поглядел на ложе герцога и попытался разглядеть леди Оливию хоть капельку. Надо же знать, за кого воюешь — подумал он, но «суженая» оставалась всё такой же сокрытой под вуалью и длинным платьем. Слегка расстроившись из-за этой досады, но не растеряв своего боевого духа, Виктор провёл взглядом по забитым горожанами трибунам. Он улыбался, смотря на лица беспечных фермеров и пастухов, кузнецов и дровосеков, рыболовов и охотников. Он понимал, что все эти люди желают, чтобы Виктор победил, потому что такова психология людей — они хотят хлеба и зрелищ! А самое большое зрелище может сегодня тот, кто победит всем известного и довольно популярного герцогского вассала — практически незнатный, никому не нужный эльдормен Джеймс Берк из далёкой рыбацкой деревушки Марлонно.

Внезапно взор остановился на одном из зрителей в длинной ремесленной робе. В отличие от своих товарищей по трибуне, он не размахивал руками и не кричал в ожидании начала поединка. Он смотрел Виктору прямо в глаза, и, скрестив руки на груди, ухмылялся. Густая борода и глубокий капюшон не смогли обмануть Виктора — это был Лагош собственной персоной, и он явно хотел, чтобы его узнали, иначе взор иномирца не смог бы вычленивать его из такой толпы.

— Ну, сука, — выругался Виктор, набирая полный рот слюны, чтобы сплюнуть. Сделав это, он снова матюгнулся, вспомнив, что плевать внутри шлема не очень гигиенично и довольно глупо. — Давай, сделай что-нибудь! Чего же ты сидишь там, будто ни к чему не причастен?

Лагош не собирался предпринимать каких-либо действий, и отвечать ни на что не спешил. Он просто сидел и ждал, наблюдал за Виктором. Возможно, сделал какие-то ставки, но не более того. И Виктор, осознав это, коротко кивнул:

— Ладно, умник. Хочешь увидеть что-нибудь интересное? Так получи!

Прозвучал удар гонга, гулом отозвавшийся в ушах. Участники прижались к коням и пришпорили их, направив копыта в друг на друга. Со стороны ристалище казалось куда более длинным, но находясь на нём Виктор почувствовал, что арена безумно маленькая, здесь и развернуться-то негде. Да и расстояние между противниками можно преодолеть всего за миг; и от этих мыслей желание победить возросло в разы. В прорезь для глаз со свистом врывался холодный ветер, отчего веки почти полностью закрылись, на корню урезая и без того крошечный угол обзора. Каждый лошадиный шаг заставлял латный комплект звенеть и странно вибрировать, так и норовя рассыпаться на мелкие детали. Гогот толпы сперва стал

нестерпимо громким, а затем просто исчез — так показалось Виктору. И всё вокруг него тоже замедлилось, причём настолько, что во время разгона он заметил, как какой-то вор подрезает кошелёк у зазевавшегося зрителя, как Николас Шарп, сидящий неподалёку от герцога, приобнимает Дашу за талию и норовит её поцеловать, и как злосчастная леди Оливия, не имея желания лицемерить насилье, отворачивается куда-то в сторону.

Когда до столкновения оставались считанные шаги, Виктор сделал то, что планировал со вчерашнего вечера. Он вспомнил все свои обиды, собрал всю свою злость в кулак и, грозно заревев, направил в правую руку от ладони до самой ключицы самый мощный поток энергии, какой он только мог выплеснуть. Виктор каждой клеточкой своего тела ощутил эту каменную силу, этот великолепный заряд магии, черпаемый из глубочайших недр вселенной маленькими волшебными рунами на подушечках пальцев. Он утонул в новых чувствах, эмоциях, ощущениях — всё смешалось воедино, лавиной обрушиваясь на пришельца с Земли, доселе не выдававшего ничего подобного. Зрение изменилось: теперь Виктор видел каждую частичку, каждую мельчайшую детальку лат сэра Сэмюэля Мортонса, спешащего к нему навстречу. Теперь стало абсолютно ясно, куда надо ударить, с какой силой и под каким углом, чтобы выбить этого рыцаря из седла и одержать почётную победу. Перед самым-самым выпадом Виктор, всё ещё чувствуя невероятную силу в своей руке, вспомнил о Лагоше и сознание заполнилось неконтролируемой злобой. Удар копья иномирца пришёлся в область поджелудочной железы Сэмюэля, и, хотя наконечник не пробил кирасу, рыцарь в чёрных латах вылетел из седла как ядро из пушки. Подлетев на несколько метров в воздух, его похожее на тряпичную куклу тело несколько раз перевернулось, а затем с ужасающим грохотом рухнуло на землю. Бездыханный сэр Мортонс был либо мёртв, либо потерял сознание, потому что подниматься из неестественной позы, в которой он приземлился, рыцарь не спешил.

А толпа получила столь жадно ожидаемое ей зрелище. Зрители зашумели от радости, скандируя пусть и фальшивое, но всё же имя нового фаворита сегодняшнего турнира. Джеймс Берк! Джеймс Берк! — кричали они, переполняя Виктора столь чистой и безмятежной радостью, коей он не испытывал уже долгие и долгие годы. Лагош, всё ещё сидящий на своём месте, довольно хлопал в ладоши и свистел, возбуждая толпу ещё сильнее, а герцог, радуясь успехам своего нового друга, чуть не выпал из своего ложе.

— Невероятный удар от нашего эльдормена! — провозгласил глашатай, приняв известие от медиков. — Сэр Сэмюэль Мортонс жив, не волнуйтесь, дамы и господа. Но он надолго запомнит воистину богатырскую силу Джеймса Берка из Марлонно!

На миг Виктор загрузил: ему вдруг захотелось, чтобы победителем считали именно его, не какого-то вшивого эльдормена, который даже за женой-то своей уследить не может. В голове даже промелькнула мысль — убить настоящих Джеймса и Лару, приехать в их поместье и наладить все дела самостоятельно, но эта идея сразу же была откинута как глупая и бессмысленная, ведь люди Берка знают своего хозяина в лицо.

Под вой зрителей и нескончаемые аплодисменты, Виктор проследовал к стоящим неподалёку и ждущим своей очереди рыцарям. Теперь на него никто не смотрел с насмешкой. Каждый представил себя на месте давно зарекомендовавшего себя как отличного турнирного бойца сэра Мортонса и волна нервозности прокатилась по этому воинскому сборищу, ведь любой из этих рыцарей мог оказаться в следующем этапе в паре с безжалостным богатырём Берком.

Наваждение всё не отпускало Виктора, даже когда он просто стоял и смотрел на оставшиеся пары. Он чувствовал своё преимущество, пусть и слегка нечестное, полученное при помощи магии, но что с того? Виктор, уроженец Земли, не считал Авельонское герцогство своим домом, а потому не думал о чести или чём-то ещё в этом роде. Там, где он вырос, ценились несколько

иные качества, нежели навязываемые в средневековом, пусть и пропитанном магией, обществе.

Когда первый этап закончился, светила уже вошли в зенит. Стало очень жарко, и пот ручьями стекал по небритым щекам и шее, вызывая неприятный зуд. Виктор с нетерпением дождался, пока двое помощников не снимут с него порядком надоевший шлем, после чего вздохнул полной грудью и с жадностью приложился к фляге с холодной водой. С трудом спешившись, он рухнул на тюк сена в конюшне и слегка задремал, пока герцог объявлял часовой перерыв на обед.

Во время перерыва дюжина скоморохов играла миниатюрный спектакль-комедию про несчастную любовь незнатного пепельника к знатной особе из Авельона, и зрителем, судя по непрекращающемуся смеху, очень нравилось, даже сам герцог отказался от трапезы в пользу театрализованного представления. Виктор увидел спектакль лишь краем глаза, а потому не стал вдаваться в его подробности и предался заслуженному отдыху. Рядом с ним отдыхали пятнадцать других победителей, и все они глядели на Виктора с очевидной опаской, потому что до них дошли слухи, что сэр Сэмюэль Мортонс всё ещё не пришёл в себя, и, кажется, так и останется до конца своей жизни безвольным спящим овощем. Виктору же этот страх нравился, он буквально подпитывал им свою ярость, готовясь к следующему этапу соревнований, из которого выйдут непобеждёнными лишь восемь участников. Потом останется лишь четверо. Затем двое. И после финала, разумеется, все лавры пойдёт лишь один, забирая себе во владения солидную часть герцогства и леди Оливию в придачу.

После перерыва рыцари, как и рано утром, собрались в колонну, и распорядитель вновь огласил пары. Когда прозвучало имя «Джеймс Берк», арена взорвалась одобрительными возгласами и кличами. А некоему сэру Теодору Лонгсворду, который оказался в паре с Виктором, зрителя явно не позавидовали: во время его провозглашения никто не кричал, трибуны сочувственно замолчали.

Прошло несколько боёв, прежде чем глашатаи вызвали на исходную позицию Виктора и его противника. Уже по проверенной схеме участники низко-низко прижались к гривам своих лошадей, и, пришпорив их, начали поединок. Виктор снова воспользовался силой рун, на этот раз трюк вышел в разы эффективнее и дался стократ легче — копьё эльдормена Джеймса Берка угодило сэру Теодору Лонгсворду прямо в грудь, с громким хрустом переломившись надвое и отправив беднягу в долгий полёт к лавкам, где сидели и ждали своего часа помощники участников.

Такое событие не могло остаться в разряде заурядных. Когда тело сэра Лонгсворда вынесли с территории арены, турнирный инспектор почти десять минут изучал обломки пики Виктора, после чего пришёл к заключению, что древко действительно переломилось от невероятной силы удара. После такого заявления не оставалось никаких сомнений: все трибуны буквально влюбились в чертовски удачливого рыцаря из Марлонно, и одобряющие возгласы были словно бальзам на душу. Виктор мысленно подмигнул Даше и рассвирепел: адмирал Шарп всё ещё обнимал девушку и всячески к ней приставал, но та, видимо, давала небольшой отпор.

— Жаль, что ты не участвуешь в поединках, — пробурчал Виктор, глядя на Николаса. — Иначе я бы тебя насквозь пронзил...

После ещё нескольких боёв этап закончился и Герберт Чаризз провозгласил новый перерыв. Теперь рыцарей не только отпаивали водой, но ещё и сытно накормили варёным мясом с картошкой и маринованными овощами. Оставшиеся семь участников смотрели на восьмого Виктора уже не просто со страхом в глазах, теперь они желали повернуть время вспять и

проиграть в предыдущем раунде, лишь бы не иметь шанса оказаться в паре с этим чудовищем. Но было уже поздно — каждый мог теперь оказаться против эльдормена и испытать на своей шкуре мощь его пики.

После перерыва четыре пары показали всё, на что они способны. Обречённый на поражение рыцарь, поставленный с Виктором, удостоился невиданной доселе участи быть пронзённым тупым турнирным копьём. Правда, наконечник прошёл только сквозь латную пластину с поддоспешником и лишь слегка задел кожу, но зрителям казалось, будто копьё перемолотило внутри противника Джеймса Берка все внутренности.

Теперь перерывов не устраивали. Четверо бойцов разделились на две пары, после которой, как и предполагалось, победителями вышли двое — Виктор и сэр Шоль Воупе из восточных лесов. Он, осознавая, что ему предстоит, подошёл к своему сопернику и, крепко пожав руку, пожелал удачи, после чего занял позицию на ристалище. Виктор, встав напротив, искупался в очередном фонтане поддержки трибун и под удар гонга направил коня в стремительный и смертельно опасный разгон. Теперь уже чувством окаменелости наливалась не только правая рука, но и всё тело. На миг даже показалось, что вся правая ладонь цела и невредима, будто никто не вырывал палец, заставляя страдать и испытывать мучительную боль.

По всей видимости, сэр Шоль Воупе был заранее настроен на поражение, а оттого перед самым столкновением отвёл своё копьё в сторону и опустил голову. Пика Виктора врезалась ему в живот и, как всех остальных, выкинула его из седла на землю. Рыцарь ещё не коснулся травы, а герцог уже кричал от восторга, призывая всех присоединиться к его ликованию. А Виктор, довольный собой, самостоятельно спрыгнул с коня на землю, бросил своё оружие и громогласно прокричал:

— Кельте хельде! Кельте хельде!!!

Трибуны разом подхватили эту фразу, повторяя её вновь и вновь, вновь и вновь. Его Светлость Герберт Чаризз лично спустился к ристалищу, чтобы тепло поздравить нового чемпиона Авельона и объявить всем-всем-всем о том, что леди Оливия вскоре вступит в брачную жизнь:

— Друзья! — сказал он. — В этот знаменательный день я безумно рад тому, что мой эльдормен Джеймс Берк из Марлонно стал абсолютным победителем турнира в честь моей дочери, чем снискал моё безграничное уважение! За сим торжественно объявлю: я дарую этому знатному мужу почётный титул графа, отдаю в его владение ровно треть территорий герцогства со всеми вытекающими отсюда горами, лесами, полями и реками, провинциями и городами, крепостями и лагерями! Также теперь уже граф Берк получает в пользование пятую часть государственной казны и право распоряжаться этими деньгами так, как он хочет, но самым главным подарком станет рука моей дочери Оливии!

— Вздор! — прокричал кто-то с трибун. — У Джеймса Берка уже есть жена! Это что же, многожёнство, как у пепельников?

— Да! — поддержали другие. — Нельзя нарушать традиции!

— Позвольте мне разрешить этот вопрос, Ваша Светлость, — вдруг раздался голос адмирала Шарпа, спускающегося по ступеням вниз, на арену. — Ни для кого не секрет, что отношения Джеймса и Лары Берк оставляют желать лучшего. Этот брак — ошибка! И я собираюсь отвоевать у невежды право на прелестную леди Лару...

Николас помахал Даше, отчего та смущённо отвернулась.

— Что ж, — хмыкнул герцог. — Это разумное предложение, хоть и слегка незаконное. Но каким же я окажусь правителем, если не позволю моим верным подданным взглянуть на ещё один прекрасный поединок?

Зрители активно поддержали своего господина.

— Даю вам десять минут на раздоспешивание, граф, — фыркнул Николас. — Я надеру вашу, простите, рыбацкую задницу, а потом заберу леди Лару на «Принципио»!

— Стесняюсь спросить, — нахмурился Виктор. — А мою жену вы спросили, а? Хочет ли она этого?

— Да какая разница, — махнул рукой герцог. — С помощью вашего поединка мы в один момент сможем решить все надоедливые формальности, связанные с твоей, граф, женитьбой на моей дочери и разводом с леди Берк. Предлагаю не терять драгоценное время даром — снимай свой панцирь и возвращайся как можно скорее. Оружие, кстати говоря, по правилам выбирает «осаждаемая» сторона, то есть ты, Джеймс.

Виктор согласно кивнул и направился раздоспешиваться в специально отведённое для этого место. Помощники, постоянно обсыпая его поздравлениями, стянули с него весь пропахший потом и грязью нагрудник, насквозь промокший шерстяной поддоспешник, и выдали его обыкновенную праздничную одежду. Виктор с огромным удовольствием надел облегающие штаны и рубаху, камзол и кафтан, плотный пояс с ножнами и рапирой в них и лакированные туфли. В последнюю очередь, тяжело вздохнув, он облачился в длинные фехтовальные перчатки, предварительно набив полость для большого пальца правой руки плотным комком ткани.

— Ну, я готов, — сказал Виктор, и, поблагодарив помощников, вернулся к трибунам.

За то время, пока его не было, всё немного изменилось. Теперь центральная перегородка на ристалище отсутствовала, а вместо неё из земли торчали небольшие жердочки для отсчитывания расстояния — для случая, если вдруг дуэль станет проводиться на огнестрельном или ином стрелковом оружии. Но Виктор решил, что победить в последнем пешем бою он сможет только одним способом: если вложит всю свою руническую силу в ударную руку и клинок, а в разум — уверенность и непоколебимость.

Герцог не стал возвращаться туда, откуда он рассматривал весь турнир. Вместо этого он, презрев все традиции и возмущения со стороны организаторов, уселся посреди оруженосцев неподалёку, и этот жест был положительно расценен народом как духовная близость правителя и его подданных. Николас Шарп в нетерпении ходил туда-сюда, а когда Виктор всё-таки прибыл, адмирал громко воскликнул:

— Вот и он — наш чемпион! А что ты можешь без коня и пики, герой?

— То же, что и ты, только могу это сделать с закрытыми глазами и в разы эффективнее, — ответил Виктор. — Я выбираю поединок на рапирах!

Герцог одобрительно кивнул, и адмиралу в тот же миг поднесли длинный тонкий клинок с красивейшей узорчатой гардой, инкрустированной ярко блестящими при солнечном свете драгоценными камнями. Такое оружие, сделанное на заказ, могло стоить целое состояние, и Виктор вдруг захотел в случае победы забрать эту рапиру себе. Но вдруг его сердце замерло: ведь побеждать-то ему и не нужно. Надо дать заносчивому и самовлюблённому адмиралу победить себя, и тогда он сможет забрать леди Берк, то есть Дашу, а Виктор тем временем

закончит все свои дела с леди Оливией и её отцом. Конечно, глубоко в душе хотелось победить, отомстить этому выскочке за весь его слащавый интерес к Даше, но Виктор собрал всю волю в единый ком и принял верное решение: ради дела необходимо проиграть.

— Я тебя в порошок сотру, глупец, — разулыбался Николас, глядя оппоненту прямо в глаза. — Слышишь, Джеймс? В порошок!

— Не надорвись, щегол, — усмехнулся Виктор, гордо выпрямляя спину и становясь в одну из фехтовальных позиций.

В последний раз за этот турнир прозвучал гонг, и Шарп, не медля ни секунды, бросился в атаку. Сперва он бил коротко, но резко, потом размахисто и сильно, но каждый его удар оказывался с лёгкостью отражённым рапирой Виктора. Всякий раз натываясь на успешный блок, Николас всё свирепел и свирепел, совершал всё больше и больше ошибок, но продолжал свой самоубийственный гамбит и снова оставался с носом. Виктор, многократно увеличивая свою мощь рунами, несколько раз без труда оказывался за спиной противника и совершал унижительный для адмирала удар — пинок под зад. Толпа в эти моменты смеялась так, что закладывало уши, а Шарп, падая и со злостью в глазах поднимаясь, пытался и продолжал натиск. Казалось, что он не был искусным мечником и прославленным адмиралом; не понимая, почему простой эльдормен его побеждает, он с каждым мигом терял толику самообладания, а потому и от бывшего мастера не оставалось ни следа.

— А-а-аргх! — завопил Николас, когда Виктор слегка оцарапал его щёку кончиком лезвия. Большая капля крови скатилась по скуле и стекла на парадный камзол, что вызвало очередную порцию слепой ярости и бессмысленных бесцельных атак.

С тяжёлым сердцем Виктор вспомнил, что ему необходимо проиграть. Но на этот раз не особо кручинясь по этому поводу, он решил устроить маленькое шоу, которое всё равно оставит его в плюсе. Виктор продолжал и продолжал отбивать град ударов Николаса, а во время последнего и самого мощного выпада специально пропустил клинок к себе, и тот каким-то чудом вспорол на кафтане графа Берка карман. Зрители прекрасно поняли, что это даже не ранение, но Виктор театрально закатил глаза, приложил ко лбу тыльную сторону ладони и рухнул на траву, роняя рядом свой клинок. А Шарп, ещё не понимая, что его одурачили, от радости чуть не прыгал — он поглядел на толпу, ожидая услышать в свой адрес волну одобрительных возгласов, и не сразу понял, почему над ним смеются и всячески обзывают его неудачником. А Виктор, тем временем, поднялся на ноги и низко поклонился трибунам, и вот тогда толпа разошлась в поддерживающем гомоне, и по налитым кровью глазам адмирала стало ясно, что он на пределе своей ярости. Кинуть спичку — и взорвётся, забрав с собой на тот свет всех, кто есть рядом.

— Ай-яй-яй, какой поединок, какой прекрасный бой! — появился рядом герцог. — Наш благородный сэра Шарп как всегда оказался на высоте, а чемпион турнира граф Берк унижен и раздавлен! Надеюсь, этот никому не интересный инцидент вскоре забудется, а мы пока приступим к тому, ради чего, собственно, все здесь собрались. Помолвка! Оливия, доченька моя, завтра же ты станешь графиней!

— А я забираю себе честно завоёванную у этого проходимся жену — леди Лару! — грозно заявил Николас, чем вызвал очередную порцию смеха. Униженный, он тем не менее лица не потерял. Гордо выпятив подбородок, он удалился прочь с ристалища, оставляя герцога наедине с новоиспечённым графом.

Герберт с добродушной улыбкой до ушей крепко пожал Виктору руку. А иномирец, вместо того,

чтобы радоваться, вдруг ощутил очень недоброе предчувствие. Оглядевшись, он не увидел ничего, что могло предвещать беду, да только тревожный колокольчик, не собирающийся умолкнуть, всё звенел и звенел, плавно увеличиваясь до размеров церковных колоколов. Виктор взглянул на Дашу — та была в полном порядке, адмирал ещё не успел забрать её с собой. Перевёл взгляд в сторону леди Оливии — та тоже ни в чём не нуждалась. В последнюю очередь посмотрел на то место, где сидел Лагош — и его там не оказалось. Это нагнало на Виктора очередную порцию тревоги и беспричинного страха.

— Джеймс, с тобой всё в порядке? — нахмурился герцог. — Такое ощущение, что ты чем-то обеспокоен. Может, просто устал?

— Да нет, Ваша Светлость, всё в поря...

— Не двигаться! — раздался чей-то громкий голос. Виктор повернулся на в сторону говорившего, и колени его подкосились: на арене появился сам епископ Клод Люций, верховный инквизитор, в сопровождении своего верного помощника Палача и целой дюжины стражников с самострелами. Арбалетчики окружили Виктора и взяли его под прицел, а Клод Люций отвёл герцога в сторону.

— В чём дело, дорогой друг? — недоумевающе спросил Герберт. — Что всё это значит?

— Это значит, что ваш так называемый граф Джеймс Берк на самом деле никто иной как пришелец из иного мира, самозванец, каким-то образом подменивший настоящего Берка и зарабатывающий славу его именем!

— Звучит очень глупо, Ваше Преосвященство, — заявил герцог. — Обвинение более чем бессмысленно.

— Я ведь говорю это не на пустом месте, Ваша Светлость, — парировал епископ. — Джеймс, кхм, Берк! Попрошу вас снять перчатку правой руки.

Трибуны замолкли. Такого они точно не ожидали.

Виктор, с трудом проглотив подскочивший к горлу комок, стал судорожно придумывать оправдание тому, как и где он потерял свой палец. В его голове за миг пролетели тысячи вариантов, но ни один из них не гарантировал успех, и даже напротив, усугубил бы ситуацию. Первым делом захотелось сбежать, но как это сделать, когда вокруг стоят двенадцать готовых выстрелить по приказу солдат? Взять в заложники герцога, приставить к его горлу лезвие рапиры и медленно отступать? Или признаться во всём, надеясь на благоразумие и доброту Герберта Чаризза? Пораскинув мозгами, Виктор пришёл к выводу, что вовремя сказанная правда способна творить чудеса. А потому он крепко зажмурил глаза, понимая, что, возможно, он сейчас переживает последние секунды своего существования. Виктор проклял Лагоша, вспомнил Лизу, пожелал успехов Даше, попрощался с собственной жизнью и, вновь подняв веки, стал медленно стягивать с перчатку с правой руки.

Словно во время турнира, время перестало иметь значение. Всё вокруг замедлилось и превратилось в почти застывшую картину. Виктор разглядел победный оскал Палача, невозмутимый укор епископа, высоко поднятые от непонимания происходящего брови герцога. Разглядел каждый арбалетный болт, готовый в любой момент пронзить его насквозь, каждый мускул на лице подчиняющихся лишь приказам стражников.

Длинная фехтовальная перчатка слетела с руки и упала в траву. Виктор, отвернувшись в сторону, протянул ладонь вперёд, уже ничего не боясь и смирившись с собственной участью.

Он ожидал, что дюжина самострелов выстрелят прямо сейчас, в этот самый момент, и жизнь землянина оборвётся на этой пусть и триумфальной, но очень печальной ноте. Но ничего подобного почему-то не происходило.

— И что вы хотите этим сказать, Ваше Преосвященство? — поинтересовался герцог. — Рука как рука, что в ней такого?

Виктор, услышав эти слова, резко перевёл взгляд на собственную ладонь и чуть не потерял от изумления дар речи: там, где должен быть обрубок, красовался самый обыкновенный большой палец, никем не отрезанный и не изувеченный. И все ногти казались целыми и невредимыми, словно не было никаких издевательств со стороны Палача. Кроме того, на подушечках пальцев не осталось ни единой руны, ни единого татуировочного символа.

— Я... приношу свои извинения, — замялся епископ, обходя Виктора со спины и в завершение своей инспекции проверяя шею подозреваемого на наличие инквизиторского клейма. Убедившись, что его там нет, смущённо отошёл в сторону. — Мы, наверное, обознались. Не принимайте, хм, близко к сердцу.

Поклонившись, Клод Люций ушёл, за ним проследовали и его подчинённые. А Виктор, глядя епископу в спину, безмолвно ликовал. Однако, его тревожило то, что он не знал, по какой причине правая рука вернулась в первозданное состояние, и кто этому чуду так вовремя подействовал.

— Что это было? — изумился герцог. — Я чего-то не знаю?

Виктор улыбнулся и пожал плечами:

— Понятия не имею, Ваша Светлость. Раз они ошиблись, то какая уже разница?

— И то верно. Что ж, пора возвращаться во дворец. Сегодняшний пир в твою честь, граф!

Виктор грустно вздохнул. По его мнению, «граф Виктор Богданов» звучало бы в данной ситуации гораздо приятнее. Посмотрев на свою ладонь, иномирец снова победно улыбнулся: руны, переждав «в засаде», снова проявились на порядке уставших за весь этот безумный день пальцах.

ГЛАВА 12

Всю ночь Виктор размышлял над тем, что же спасло его после дуэли с адмиралом Шарпом, какая мистическая сила смогла вернуть ему оттяпанный Палачом палец. На ум приходили только мимолётные мысли об очередной проделке Лагоша, но в таком случае в действиях проказника отсутствовал какой-либо мало-мальски логичный мотив. «Какой ему прок от моего спасения?» — бился над дилеммой иномирец. — «Если бы он желал мне благополучия, то не кидал бы на острие турнирного копья мою и без того потрёпанную душонку». Виктор думал об этом так долго, что неожиданно для себя благополучно уснул.

С самого утра следующего дня шли непрекращающиеся приготовления к предстоящей свадьбе. Ради праздничного обеда со своими жизнями распрощались восемьдесят жирных свиней, пятьдесят увесистых коров, почти сотня молодых ягнят, тридцать дюжин мясных куриц, неисчислимое количество морской и речной рыбы и даже одна невероятно здоровенная акула, голову которой тащили на тележке шестеро крепких мужчин. Тем количеством напитков — вин, соков, заморских «шипучек» и прочих — которые приготовили для трапезы, напилось бы всё герцогство, но, увы, доступ ко всему этому имели лишь приглашённые на банкет. Но

остальные — крестьяне, фермеры, простолюдины — не оказались обделёнными, их тоже накормили и напоили. Правда, не так сытно и празднично, как знать, но всё же.

Жениху видеть невесту до момента бракосочетания запрещалось практически под страхом смертной казни, что Виктора сперва немного нервировало — ведь хотелось, всё-таки, взять в жёны красивую, умную, хозяйственную, а тут получается кот в мешке. Но потом он с горечью на сердце вспоминал, что всё это не взаправду, и что совсем скоро с этой знатной жизнью придётся навсегда расстаться в пользу голодных скитаний по миру в поисках каких-то загадочных ответов. Этим утром Виктор понял, что вошёл во вкус: ему нравилось казаться знатной персоной, нравилось быть состоятельным графом, крупным землевладельцем с отличным приданым. И когда на ум приходили мысли о расставании с такой жизнью, становилось до боли грустно.

Даша со вчерашнего вечера так и не появлялась. Виктор сперва очень за неё беспокоился, но в полночь в дверь постучался гонец, передавший от сообщницы послание. В нём говорилось, что с Дашей всё в порядке, и что она всячески строит из себя недотрогу, а это в контексте «неверной жены» выглядело довольно странно, и потому спектакль требовалось прекращать как можно скорее. Девушка предложила Виктору поднапрячься и за день свадьбы узнать абсолютно всё, что нужно, после чего бежать, бежать и ещё раз бежать отсюда, пока епископ не докопался до чего-либо ещё.

Неприятной деталью казалось и то, что теперь Виктора должны были увидеть абсолютно все гости, и без шлема, так что те, кто знают настоящего Джеймса Берка в лицо, могут поднять неплохую шумиху, а это уже грозило оборвать не только процесс операции, но и жизни иномирцев на корню. Даша по этому поводу попросила Виктора надеть на праздник шляпу с ниспадающими полами, чтобы обеспечить максимальную неузнаваемость.

В дверь номера постучались с рассветом. Виктор нехотя открыл гостю и увидел на пороге высокого юношу в белом халате со странным высоким начёсом. Вопросительно изогнув бровь, граф поинтересовался:

— Вы, собственно, кто?

— Ваш личный цирюльник, господин, — широко улыбнулся парень. — Попрошу вас следовать за мной. Я покажу вам мой альбом с рисунками стрижек и бород, а вы выберете то, что нужно, после чего мы займёмся самим процессом. Идёмте, идёмте, господин! Время не ждёт!

Виктор ужаснулся, представив, как цирюльник обнаруживает наклеенную бороду и начинает задавать десятки ненужных вопросов, а потому сразу же захлопнул дверь с невнятными словами отказа. Парень стоял и причитал что-то о безумной важности этого ритуала ещё минут десять, после чего пообещал вернуться с повторным предложением через час и, видимо, отправился восвояси. Вздохнув с облегчением, Виктор облачился в заранее принесённый ему белый праздничный костюм с золотыми манжетами и пуговицами, высоким несгибаемым воротником и широчайшими бронзовыми эполетами, по краям которых свисали сверкающие рюшки. В сочетании с густой, пусть и ненастоящей бородой, а также порядком надоевшим париком образ казался слегка накрученным и наигранным, но Виктор видел среди гостей наряды и посмешнее. К тому же, вряд ли кто-то станет смеяться над графом Берком, суженым леди Оливии Чаризз, дочери самого герцога!

Одевшись, натянув шляпу и подвесив на пояс рапиру, новоявленный граф спешно покинул свои покои и направился в главный зал — глотнуть чего-нибудь бодрящего перед трудным, очень трудным днём. Спустившись в зал, он наткнулся на услужливых поваров, которые быстренько

собрали ему завтрак и чуть ли не покормили его с ложечки. Закончив с трапезой, Виктор хотел было прогуляться по внутреннему двору, но его перехватил только что проснувшийся и тоже решивший чего-нибудь хлебнуть герцог. Он крепко обнял будущего зятя, забрал у поваров поднос бутербродами и повёл его в другое место.

— Ваша Светлость, куда мы идём? — Виктор слегка испугался разоблачения, и его нервозность не осталась незамеченной.

— Это секрет. Да не волнуйся ты так, не на плаху веду! Ты чего? Аж затрясся...

— Мне просто немного холодно, — соврал иномирец, делая вид, что посильнее укутывается в свой мундир. — Плохо спалось.

— Отчего же? — закидывая в рот целый бутерброд поинтересовался Герберт. — Так, нам сюда, в эту дверь.

— Ну, для меня всё это очень волнующе. Турнир, помолвка, свадьба и родство с вами — далеко не всякий может рассчитывать на такое. Мне на голову свалилось великое счастье, и, о Свет, я действительно безумно рад этому. Ведь будучи графом и имея такое состояние, такое имя и такие связи, я могу улучшить благополучие всего государства в тысячу раз! Пока вы, Ваша Светлость, контролируете герцогство из столицы, я стану вести дела на южных границах, поддерживая благосостояние морских и речных портов, пограничных крепостей и далёких провинциальных поместий с окружающими их фермами. Я... я...

— Полегче, полегче, мой дорогой друг, — рассмеялся герцог, прожёвывая очередной бутерброд. — Я нисколько не сомневаюсь в твоих управленческих способностях, и, кстати, очень жалею, что большинство моих вассалов совсем не такие, как ты. Но надо уметь держать себя, свои эмоции и свои слова в руках, понимаешь? Со мной, понятное дело, ты можешь говорить на любые темы, но вот в присутствии других придётся быть несколько сдержаннее. Иначе тебя вмиг выживут из герцогства, или попросту прирежут за углом тёмной ночью.

— Почему меня убьют, Ваша Светлость? Чего плохого в высоких идеалах?

— Потому что коррупция, алчность, жадность и иные моральные пороки прочно укорены среди властных и знатных людей. К сожалению, искоренить подобное никак нельзя — все эти негативные качества будут преобладать в человечестве во все времена, сколь бы развитым общество ни стало. Такова природа людей. Каждый борется за своё собственное счастье и богатство всеми доступными способами, прикрываясь только лицемерием. Поэтому тебя прирежут, Виктор. Потому что своими идеалами и нравами ты будешь мешать тем, кто держит в своих руках власть ради собственной выгоды.

— Тогда почему бы нам не взяться за таких людей всерьёз? Алчных лицемеров гнать из столицы, прошу прощения, ссаными тряпками. Конечно, это будет длительный процесс, но ради результата стоит подождать, разве нет?

— О, Джеймс, не будь ребёнком. Один в поле не воин. Даже если я начну выдворять негодяев за порог, меня обвинят в... государственной измене, например. И сотни якобы преданных мне людей вдруг станут давать против меня нехорошие показания. Закончится всё в лучшем случае изгнанием, в худшем — плахой или виселицей. Так что я поступаю несколько иначе: даю окружению мнимую свободу действий и иллюзию выбора. Вассалы считают, что они имеют какую-либо власть, но они глубоко заблуждаются. Да-да, не удивляйся, я тоже не рыцарь в сияющих доспехах. Я правитель, и ради Авельона я готов на всё.

— Думаю, я мог бы многому у вас научиться, Ваша Светлость, — вздохнул Виктор, понимая, что на самом-то деле графский титул пропадёт в тот самый момент, когда он убежит из дворца на поиски Книги, жизненно необходимой Даше. И если бы ему действительно выдался такой шанс, Виктор без сомнения отдал бы свою новую жизнь на благо пусть и чужого для него, но, всё-таки, общества.

— Зови меня Герберт, — вдруг улыбнулся герцог. — Только, пожалуйста, наедине. В присутствии иных людей я для тебя всё-таки Светлость, идёт?

— Хорошо, Ваша... Герберт. Благодарю за доверие.

— Да нет, это тебе спасибо. За преданность. Несмотря на видимое благополучие герцогства, ячейки высших сословий прогнили насквозь. И как только от меня останется лишь тень, шакалы вгрызутся в остатки Авельона и не оставят от него даже обглоданных косточек. Именно поэтому мне нужен такой человек, как ты. Джеймс, твоя семья станет основоположником новой династии, которая проследует за мной, когда я умру и моё мумифицированное тело заточат в железный саркофаг. Однажды и ты станешь герцогом, друг мой, и в этот день мой дух обретёт покой.

— Простите, я не расслышал. Вы, кажется, сказали что-то про мумификацию? Или мне показалось?

— Не показалось, — герцог повёл Виктора по очередному коридору. Открыв невзрачную дверь в самом его конце, стал подниматься вверх по узкой винтовой лестнице. — Да, немногие знают о том, что правителей в нашем государстве не хоронят в земле и не предают огню, как это принято. Мой отец, мой дед и прочие — все они плотно заварены в полых статуях в тайной герцогской гробнице далеко на севере. Я был в том склепе лишь однажды, ещё будучи ребёнком, в день почтения предков посреди зимы. Тогда мне то место казалось очень страшным, в особенности потому, что гроб для каждого правителя ставится там ещё при жизни. И вот представь, проходим мы мимо тринадцати саркофагов, а отец мне показывает на открытый, четырнадцатый, и говорит, что он приготовлен для него. А сейчас их там, соответственно, пятнадцать, и однажды мне придётся занять место рядом с почившим родителем.

— Ох... думается мне, это место хорошо охраняется, верно? Ведь там похоронены все ваши предки. Наверняка ещё и личные вещи лежат рядом в сундуках. Одежда, драгоценности, оружие.

— Ещё как лежат. Но никто на сокровища не зарится — склеп тайный, о его существовании знают очень немногие, а о местоположении — единицы. Это самое надёжное место во всём герцогстве. Ну, не считая храмовой сокровищницы глубоко под городом, которую охраняют пуще дворца.

И тут Виктор осознал совершенно точно и чётко: предмет его поисков — Книга — находится там, в сокрытой от чужих глаз герцогской гробнице. Сердце бешено заколотилось, гулко отдаваясь в ушах; руки снова затряслись, но на сей раз не от страха и волнения, а от предвкушения скорой победы, последний рывок к которой пока ещё был закрыт, но стоит сделать лишь одно небольшое усилие, и тайное станет явным.

— Э-эм... Герберт, я бы счёл за честь поклониться вашему роду. Мы можем как-нибудь съездить туда?

— Конечно, можем, — кивнул герцог. — Но не в этом месяце. И даже не в следующем. Сейчас у

нас на носу свадьба, и после этого надо будет разобраться с твоими новыми владениями, а это, надо сказать, процесс долгий. Не забивай пока этим голову, сегодня твой день, так что расслабься и получай удовольствие от заслуженных оваций.

— Да, хорошо, — замялся Виктор. — А далеко ли до склепа? Сколько мы будем до него ехать?

— Ну, если по Мофкритскому тракту — то дней десять, но обычно мы не ездим туда по дороге, ведь это тайное путешествие. Обычно мы идём по морю на каком-нибудь военном корабле, не маленьком, чтобы отразить нашествие каких-нибудь пиратов, но и не большом, чтобы не привлекать лишнего внимания. На судне мы будем плыть несколько дольше — недели три, но зато нам не придётся пробираться через сосновую чащу и три широкие реки, потому что гробница находится недалеко от морского берега. А что касается одного из твоих предыдущих вопросов: никто не позарится на наше родовое золото не только потому, что склеп хорошо спрятан, а ещё и потому, что там попусту никто не живёт. Абсолютная глухомань. Ближайшее поселение, деревня Арвенх, если мне память не изменяет, находится в целом дне пути отсюда на юг.

Виктор в глубине души ликовал. Он снова и снова воспроизводил в голове подробное описание местоположения гробницы, чтобы ненароком его не забыть и всё в точности передать Даше. А Герберт тем временем поднялся по лестнице до самого верха и упёрся в невзрачную деревянную дверь, на которой висел гербовый щит семьи Чаризз. Герцог передал поднос Виктору, а сам, смахнув с бороды хлебные крошки, достал из кармана ключ и просунул его в замочную скважину. С громким скрипом повернул его, толкнул дверь и вошёл внутрь, жестом приглашая своего товарища проследовать за ним.

Помещение оказалось абсолютно круглым. Через четыре широких окна, частично закрытых прозрачными занавесками, лениво пробивался утренний свет. У стен одиноко стояли скупые стулья без особых изысков, а в самом центре комнаты в небольшой стеклянной витрине лежал странного вида клинок.

— Добро пожаловать в самую высокую точку Авельона, и по совместительству главную башню моего дворца. Переведи дух, подъём сюда отнимает много сил. Оглядиись.

Виктор подошёл к одному из окон и обомлел. Весь город лежал перед его взором... да что там — город; казалось, что отсюда видно всё герцогство. Огромные поля на востоке. Горный кряж на севере. Густые леса на юге. Широкое море на западе. А, самое главное, отсюда отлично просматривалась шапка газового гиганта на горизонте, и выглядело это более чем внушительно. Глядя на Акемо, Виктор заметил на её фоне сразу три луны-сестры Пакемо — мира, в котором он сейчас находился.

— Ну, как тебе? — подмигнул герцог. — Неплохо, правда?

— Потрясающий вид, — согласился Виктор. — Невероятный обзор.

— Раньше это место именовалось Башней магов, или же просто Башней, но на самом деле мало кто желает жить здесь много десятилетий подряд. Сейчас придворный маг предпочитает более комфортную комнату внизу, неподалёку от кухни. А теперь иди сюда, я тебе кое-что покажу.

Не сразу оторвавшись от окна, Виктор подошёл к герцогу. Герберт открыл витрину и взял в руки лежащий там меч. Он оказался одноручным и совсем недлинным, но оттого выглядел не менее необычным. На чёрной кожаной рукояти виднелась белая пропись. Шарик навершия сверкал то голубым, то зелёным, то коричневым цветом. Короткие плечи гарды сильно закруглялись в противоположную от рукояти сторону. А само лезвие, тонкое и изящное,

извивалось, словно змея или язык пламени.

— Это мой родовой фламберг, — пояснил герцог. — Волнистый клинок из очень редкого и чрезвычайно крепкого сплава не раз пробивал даже самые толстые доспехи наших врагов. А навершие, или яблоко — это наш глобус, точная копия небесного тела, по которому ты ходишь, только в многократно уменьшенном варианте. У этого меча есть имя — его зовут Пакемберг. Вот, возьми его.

Герберт протянул оружие Виктору и стал ждать его оценки. Иномирец аккуратно оглядел лезвие со всех сторон, поразился качеству рукояти и глобуса в частности, пару раз сделал выпад в сторону несуществующей цели и довольно кивнул:

— Идеальный вес. Не тяжёлый, но и не слишком лёгкий. Очень удобно и приятно лежит в руке.

— Нравится?

— Ещё бы. Превосходный клинок!

Герцог похлопал Виктора по плечу и усмехнулся:

— Тогда возьми из витрины ножны и забирай оружие себе. Это мой тебе подарок, Джеймс. Подарок от чистого сердца. Самая ценная реликвия во всех моих владениях. А зубочистку свою выбрасывай, несолидно это. Такое чувство, что ты свой меч на базаре приобрёл.

Виктор от удивления чуть не выронил подарок из рук. Рассыпавшись в благодарностях за оказанную честь, он вложил Пакемберг в ножны и подвесил его на пояс взамен уже не нужной рапиры.

— Ничего прекраснее в жизни не видел, — всё не прекращал описывать меч Виктор. — Да с такой штукой я могу дракона одолеть!

— Ну, я бы на твоём месте не спешил с такими выводами. Ты ведь знаешь, что пепельники разводят драконов, устраивают между ними бои и делают на огнедышащих рептилий ставки? А так как эти существа могут вырасти с трёхэтажный дом, их убивают на пятом месяце жизни, чтобы, не приведи Свет, они не перешагнули порог юношества и не превратились в матёрых, почти неуязвимых убийц. Варварство, конечно, но эти крылатые «малыши» могут и в детском возрасте запросто сожрать двоих-троих пепельников, и даже не подавятся. И никакой Пакемберг не поможет против их непробиваемых панцирей.

— А эти драконы, часом, принцесс не похищают? — усмехнулся Виктор.

— Что? Принцесс? Знаешь ли, они неразборчивы, и уж если захотят пожрать, то они не станут выбирать каких-то там тощих принцессок. Они, скорее всего, проредят популяцию мирно пасущихся овец, если вырвутся на свободу. Да и не станут они похищать — у них нет понятия «про запас». Выпотрошат на месте, и дело с концом.

— Понял. И что же, в дикой природе драконы часто встречаются?

— Очень редко. Пустынные драконы — это продукт магической инженерии пепельников-шаманов. Они не различаются по полу, абсолютно стерильны, а потому не имеют возможности производить потомство, и живут чуть дольше лошадей. Так что если какое чудовище и вырвется из клетки, то скорее всего улетит как можно дальше и заляжет на дно. А потом и издохнет через десять-двадцать лет, так и не причинив никому особого вреда. Кроме безобидных овец,

конечно же. Бедолаги... ладно, с оружием разобрался? Тогда спускаемся, нам ещё встретиться с народом нужно — поздравить их с твоей сегодняшней свадьбой.

Виктор кивнул. Пока не появилась Даша, нужно продолжать придерживаться своей роли.

Герцог и граф спустились в главный зал и провели там в ожидании своей свиты чуть больше получаса. Затем знатная делегация направилась в центр Авельона, на главную площадь, дабы дать простолюдинам возможность взглянуть на жениха леди Оливии хоть одним глазком, благословить его на предстоящие деяния и просто пожелать удачи в будущей семейной жизни. Взобравшись на заранее подготовленную сцену, Герберт произнёс хвалебную в отношении Виктора речь, и новоявленный граф явно пришёлся горожанам по вкусу. Они радовались и ликовали, поздравляли своего будущего правителя со столь знаменательным событием. Многие женщины подносили к сцене корзины с выпечкой и фруктами, мужчины складывали возле ног Виктора ножи и кинжалы, мечи и булавы, молоты и копья, а дети забрасывали зная ярко-жёлтыми цветами и ромашковыми венками. Всё это внимание вызывало на лице иномирца лишь умиление и глупую широкую улыбку; Виктор, наслаждаясь овациями, не с первого раза услышал, как герцог передаёт право слова ему.

— Кхм, — откашлялся фальшивый граф. — Ну, я горд тем, что оказался победителем на вчерашнем турнире. Но главной наградой для меня стала именно помолвка с дочерью Его Светлости Герберта Чаризза! Я пока ещё её не видел, но уверен, что мы станем с ней отличной парой. У нас будет много детей и внуков. Каждый из них вырастет славным Авельонцем и будет служить на благо родины, отечества и всех вас! Ведь именно вы и являетесь нашим герцогством. Не города и крепости, не леса и горы, не реки и озёра. Авельон — это вы! И каждый из вас — это одно маленькое колечко в большой непробиваемой кольчуге. Держитесь друг за друга крепче, и ни один клинок не пробьёт нашу веру в будущее, стабильность настоящего и почтение к прошлому! Славься, народ Авельона!

Хоть речь Виктора не была запланированной, зрителям она очень понравилась, и новая порция одобрения не заставила себя долго ждать. Горожане радостно галдели и продолжали приносить подарки, но не отрывая их с трудом от сердца, а трепетно отдавая графу самое лучшее с абсолютно счастливым выражением лиц. Виктор, растроганный подобным поведением, даже пустил скупую мужскую слезу по своей загримированной и заклеенной ненастоящей бородой щеке. Происходящее вокруг казалось ему какой-то вымышленной утопией, но как только он вспоминал о ситуации за стенами города, или, напротив, внутри того же герцогского дворца, всё становилось на свои места, а горожане снова казались не осчастливленными жителями, а просто обманутыми и не знающими всей правды простолюдинами. Но Виктор не осуждал Герберта за то, что его народ остаётся в неведении о многих неприятных вещах, таких как грабители-болотники или насквозь коррумпированная власть, ведь счастливыми людьми управлять гораздо легче, чем обеспокоенными и недовольными.

Закончив с выступлением, виновник торжества в сопровождении герцога и его свиты вернулся обратно на банкет. К этому моменту празднично украшенный главный зал уже был полон старых гостей, а новые стекались во дворец десятками, если не сотнями. Многие из них приходили просто отдать дань уважения герцогу и его будущему зятю, оставляли какой-нибудь подарок и отправлялись восвояси, но некоторые планировали остаться на время всего гуляния, до самого его конца. А так как свадьба — это праздник далеко не однодневный, вселенских масштабов дворянская попойка могла затянуться на долгие, долгие дни, а, возможно, и недели. Как сказал Герберт, могло случиться абсолютно всё что угодно.

Виктор решил, что опасность разоблачения с прибытием новых гостей многократно возросла, а

потому старался прятать своё лицо, опускать взгляд или скрываться за телом герцога. Его единственным преимуществом было то, что все те, кто будут на него смотреть, вряд ли станут ожидать подлой подмены, не видя в этом ни малейшего смысла, а потому, скорее всего, попросту убедят самих себя, что разница между старым Берком и нынешним им попросту почудилась. Все эти мысли о возможном провале операции снова заставляли Виктора нервничать, а Даши, которая могла бы его успокоить, как назло всё не было и не было. Адмирал, к слову, тоже появляться на банкете не спешил, отчего в душу иномирца стали закрадываться не самые приятные фантазии, которые он тут же гнал от себя прочь.

В центре зала стояла самая огромная пирамида из бокалов с шампанским, которую только Виктор когда-либо видел. Несколько десятков человек окружили её, взявшись за руки, и не смогли это сооружение полностью обхватить. Каждый слой бокалов немного уменьшался, поднимаясь вверх, а самый последний элемент пирамиды почти задевал высоченный потолок. А те самые фениксы, что зажигали свечи на люстрах, выхватывали бокалы из абсолютно неожиданных мест и разносили их всем тем, кто ещё не обзавёлся своей порцией игристого напитка. И в каком бы месте услужливые птицы не нарушали целостность пирамиды, она не рушилась и даже не шаталась. Хотя, один из слуг громко объявил о том, что трогать этот монумент очень нежелательно, потому что фениксы, во-первых, обучены этому с самого рождения, а, во-вторых, используют для равновесия шампанской пирамиды кое-какие чары.

Пока Виктор, от изумления проглотив язык, наблюдал за происходящим, перед ним запорхала одна из волшебных оранжевых птиц. Она протянула иномирцу бокал и стала смиренно ожидать, пока тот примет подношение. Как только Виктор забрал напиток и кивком поблагодарил феникса, тот улетел под свод.

— Прекрасные создания, — заявил герцог. — Сколь умны и мудры они! Ты даже представить себе не можешь, сколько раз фениксы меня выручали в мелких и крупных проблемах. У меня есть одна личная пташка — Глория. Так вот она каждое утро будит меня именно в то время, о котором я её с вечера попросил. Глория частенько работает курьером. Она прекрасно ориентируется на суше и на море — может запросто переправить моё послание через весь океан и без труда отыщет там линкор адмирала Шарпа, даже если до него месяц пути. Ещё она всегда знает, когда мне плохо или хорошо. Порой, во время моей скорби, Глория садится рядом, смотрит на меня... и плачет. Я не шучу, у неё действительно бывают слёзы.

— А могу ли я завести одну такую? — поинтересовался Виктор.

— Отчего бы и нет. Хьюбнекхт, — подозвал Герберт слугу. — Принеси сюда одного из птенцов.

— Сию минуту, Ваша Светлость, — кивнул мальчишка, убегая в подсобные помещения. Спустя несколько минут он вернулся, держа в руках едва оперившуюся малютку размером не больше чем с кулак. Птенец, однако, не боялся и не улетал: он спокойно ожидал то ли приказа, то ли своей участи.

Виктор аккуратно перенял волшебное существо в свои ладони и улыбнулся.

— Ну, привет, — сказал он.

Птенец что-то пропищал в ответ.

— Он просит, чтобы ты дал ему имя, — сказал герцог. — Назови же его!

— Чарли, — решил Виктор, вспоминая, что когда-то давно так звали его домашнего попугайчика. — Тебя будут звать Чарли!

Глаза феникса на миг засияли, превратившись в горящие угольки. Птенец кивнул, принимая своё имя, и перелетел на плечо Виктора, признавая его своим полноправным хозяином и единственным другом.

Виктор погладил Чарли по головке, искренне наслаждаясь красотой сказочного создания. Птица казалась божественной, совсем не приземлённой. Её истинная цель — никак не служба при дворце или выживание в дикой природе. Тут было что-то иное, скрытое от человеческих глаз и примитивного людского разума. Феникс не требовал пищи — он мог месяцами обходиться без неё. Феникс не видел в сородичах врагов или соперников — его не интересовали несущие негатив поступки. Феникс никогда не предаст хозяина — он ценит его больше собственной жизни. Все эти качества плохо сочетались с понятием «птица», пусть даже существо и классифицировалось как экзотическое.

— О, смотри, что это тут у нас? — один из «разносчиков» доставил герцогу бокал, и тот, сразу его осушив, увидел на дне маленькую сияющую жемчужину. — Хьюбнехт, что это такое?

— Ваша Светлость, в каждом из бокалов лежит маленькое напутствие. Примечательно, что здесь нет ни одного повтора — над этой диковинкой трудились несколько последних месяцев. Лучшие чародеи вложили в эти самые напутствия большой смысл, так что это не просто слова. К ним стоит прислушаться.

— Вот оно что, — хмыкнул герцог, оглядев жемчужину со всех сторон. Заметив тоненький разрез, он поддел его ногтем и мини-шкатулка раскрылась, показав своё содержимое, коим оказалась сложенная в четыре раза бумажка размером с тыквенную семечку. — Так, что тут написано? Джеймс, дружище, прочитай ты, я без очков плохо различаю буквы.

— Конечно, Ваша Светлость, — кивнул Виктор, разглядывая бумажку Герберта. Увидев, что на ней написано, он на миг обомлел. — Тут сказано...сказано... «не верь».

— Не верить? Кому не верить? — герцог громко рассмеялся и направился к своему трону. — Вот же глупости какие! Эй, граф, а у тебя что за напутствие?

Виктор допил шампанское, раскрыл жемчужину и вытащил оттуда бумажку. На всякий случай отвернувшись в сторону, проверил её содержимое. На маленьком, пахнущем алкоголем клочке бумаги зловеще красовалось одно-единственное слово:

БЕГИ

Поспешно смяв напутствие и выбросив его в сторону, Виктор вернулся к Герберту и откашлялся.

— Что там было? — спросил герцог.

— Да так, ничего особенного. Что-то про долгую дорогу и озлобленные небеса. А каковы наши дальнейшие планы?

С удовольствием плюхнувшись на свой трон, Его Светлость пригласил спутника сесть рядом с ним. Когда Виктор с некоторым смущением опустился на соседний трон, по размерам меньше первого, герцог ответил:

— Теперь едим и пьём, попутно ожидая, пока моя дочь закончит предсвадебную мессу. Сколько

она ещё будет длиться — знает один лишь епископ, потому что именно он проводит с ней этот древний обряд. Хороший мужик, честно сказать. Род Люциев известен уже почти тысячу лет и начинается он с одного великого воина древности, который, кстати, заложил одну из пограничных крепостей герцогства — Хайен Лючия, самую грозную и неприступную твердыню, после Авельона, разумеется...

Почти до самого вечера герцог и Виктор просто сидели за столом, предаваясь праздному веселью и продолжая принимать от гостей нескончаемые поздравления и подарки. Всё это время Чарли не покидал плеча своего хозяина, смиренно ожидая приказа. Герберт предупредил, что фениксу необходимо постоянно давать какие-нибудь поручения, иначе он всего за пару недель зачахнет и уже никогда не сможет стать прежним. Услышав такую новость, Виктор поспешно ретировался и стал посылать птицу за вкусностями на разных концах стола, и Чарли, принося очередную закуску, выглядел донельзя счастливым. Питомец также оказался на редкость умным — он с первого раза понимал, чего от него хотят и, кажется, целиком и полностью понимал человеческую речь. Решив кое-что проверить, Виктор отвернулся в сторону, чтобы его не услышали окружающие, и попросил феникса принести ему кусок буженины. Но попросил он это на своём родном языке, отчего сначала сам впал в ступор — настолько чуждым прозвучал русский язык, а потом и слегка загрустил от осознания того, что совсем скоро эта речь с её тридцатью тремя ввевшимися в голову ещё во времена далёкого детства буквами сотрётся из памяти за ненужностью. Виктор вдруг понял, что даже с Дашей он говорил на языке этого мира, и самым неприятным было то, что местная речь казалась совсем родной и непринуждённой, что в устном виде, что в письменном. Птенец, кстати говоря, русскую речь прекрасно понял. Видимо, решил Виктор, он улавливает не слова, а сам смысл, посыл.

Когда, наконец, от песен и плясок, еды и напитков, подарков и поздравлений уже стало подташнивать, в зале появился епископ. На сей раз он прибыл абсолютно один, без какого-либо сопровождения. Облачённый в красивую алую мантию и высокую золотую митру, он чинно прошествовал по ведущему к герцогскому столу ковру и низко поклонился правителю. Герберт, не поднимаясь, поклонился в ответ, после чего Его Преосвященство занял последний незанятый рядом с герцогом трон и начал доклад:

— Всё прошло прекрасно, Ваша Светлость. Девочка с безукоризненной точностью претерпела все испытания и исповедь. Как того и требовали традиции, она со вчерашнего дня не ела и не показывала никому своего лица. О, Свет, я помню Оливию ещё совсем малюткой. Она выросла на моих глазах, а теперь я отправляю её во взрослую жизнь...

Виктор, всё ещё опасаясь какой-нибудь подлости со стороны епископа, старался в его сторону не поворачиваться и постоянно опускал взгляд в пол. Герцог, если и заметил это, то виду не подал, а вместо этого ответил Клоду Люцию:

— Жаль, что её мать не дожила до этого дня. Уверен, она была бы так счастлива, что этого её счастья хватило бы на весь Авельон! Впрочем, Джеймс тоже на своём веку успел потерять любимую жену, так что у нас с ним в какой-то степени братские души. Я ему полностью доверяю.

— Неужели у вас уже до этого была супруга? — вопросительно изогнул бровь епископ, поворачиваясь к жениху. — Я об этом не слышал. Тогда, получается, это будет ваш третий брак, не так ли?

— Да, это так, — кивнул Виктор. — Но я бы не хотел об этом особо распространяться. Давайте не будем об этом, хорошо?

— Как скажете, граф, как скажете.

— Как скоро Оливия сюда спустится? — поинтересовался герцог.

— Этого никто не знает. Как только облачится в свадебное платье, — ответил Клод Люций. — Сами понимаете, девушки, тем более в её возрасте, тратят на тряпки целую уйму времени. А ведь ещё надо сделать причёску, макияж, собраться с духом и побыть в одиночестве перед началом церемонии...

Слушая речь епископа, Виктор вспомнил свою первую свадьбу, которая тогда, давным-давно, выглядела как шикарная гулянка, а со временем стала казаться обычной попойкой собравшихся в небольшом деревенском домике шестидесяти не знающих меры родственников. Проводить ту свадьбу решили на родине Лизы, в посёлке, где доживали свой век её родители. Не имея в кармане ни гроша, они смогли накормить и напоить десятки человек, да ещё и каким-то образом остались в прибыли за счёт подаренных денег. Конечно, по масштабности исполнения тот праздник с нынешним сравнивать смысла нет, но почему-то воспоминания о старой деревянной церквушке, в которой проходило венчание, о плачущих от счастья матерях, о лошадках, впряжённых в украшенные ленточками и цветами телеги, приносили куда больше улыбок, чем вся эта возвышенная герцогская помпезность со всеми её богатыми яствами, безумно любящими себя и деньги дворянами и странными иномирскими традициями.

— Когда я был совсем молодым, все эти свадьбы казались мне куда веселее, — словно прочитав мысли Виктора, сказал герцог. — А вы, Ваше Преосвященство, жениться не надумали ещё? А то мы вам мигом красавицу подберём, да с приданным нескромным. Чего уж — дело-то хорошее, достойное настоящего мужчины.

— Грешно это, Ваша Светлость, — покачал головой епископ. — Я ведь дал обет безбрачия, и нарушить его для меня — всё равно что предать веру в Свет.

— Я, конечно, полностью доверяю вам в подобных вопросах, но, думается мне, грешно умирать, не оставив взамен себя хотя бы одного потомка. Иначе какой смысл во всём нашем существовании? Не думаю, что боги Света так рьяно желают, чтобы вы, Ваше Преосвященство, остались пусть и максимально высоко привилегированным в пределах церкви, но всё же несчастным в семейном плане мужчиной. Они, боги, поймут, я уверен в этом.

— А кто сказал, что я несчастен? — усмехнулся Клод Люций, принимая из лапок феникса-разносчика фужер. — Я чувствую себя самым счастливым человеком во всём герцогстве. Может, я и лишён всех радостей семьи, ласок любимой жены и любви проказников-детишек, но у меня есть иная ответственность — церковь, и я посвятил ей всю свою жизнь. Если мне придётся делить время и на службу, и на семью, если мне придётся разрываться между двумя ценностями, вот тогда я стану несчастным, Ваша Светлость. Тогда я, образно говоря, потеряю собственную жизнь и превращусь в живого мертвеца.

Герцог пожал плечами и задумчиво ответил:

— Каждому своё. Я бы не смог посвятить всю свою жизнь одному только храму. Это для меня слишком... однообразно.

— Свет избрал меня для этой цели не ради моего удовольствия, — заметил епископ.

Виктор в разговор не вступал и вовсе погрузился в собственные мысли, ожидая появления невесты. Ему хотелось как можно скорее со всем этим покончить, желательно разом, одним лёгким мановением руки. Подперев ладонью голову, он стал пристально вглядываться в лица

гостей, надеясь увидеть Дашу, но девушки до сих пор не было. Представив, что могло случиться, если Николас разоблачил обман, Виктор ужаснулся и спросил:

— А что же, Ваша Светлость, адмирал не явится на торжество? Ведь ему нечего стыдиться — он честно победил меня вчера, и вполне законно, если я не ошибаюсь, завоевал руку моей жены.

Герцог, спустя несколько секунд размышлений, пожал плечами.

— Сэр Шарп ещё утром покинул стены дворца, — ответил епископ. — Он забрал всех своих людей и отчалил на «Принципио» куда-то на север. Какие-то срочные дела.

— Ч-что?.. и Лару он забрал с собой?..

— Мне это неизвестно. Да и важна ли такая мелочь? Сегодня ваш день, граф, ваш и леди Оливии пока ещё Авельонской.

Виктор обомлел. Не в силах вымолвить ни слова, он медленно откинулся на спинку трона и прикрыл глаза, осознавая сложившуюся картину. Если Его Преосвященство не лгал, то велика вероятность того, что Даши здесь больше нет. Но с отсутствием девушки пропадает и весь смысл тайной операции. Виктор выругался сквозь зубы, понимая, что всё катится к чертям почти в самом финале, когда ему уже известно точное, скорее всего, местоположение Книги.

Забыв обо всё другом, Виктор так и застыл, надеясь на чудо.

И чудо явилось, но с некоторым опозданием. Спустя час томительного ожидания под красивую музыку и детское пение в зал спустилась леди Оливия. Она не была стройна как фотомодель, таких скорее называют «пышками», да и походка не блистала особой женственностью. Зато воздушное белое платье, полы которого несли позади невесты несколько пажей, сверкало и блестело как настоящий снег. Голову невесты полностью закрывала свадебная фата, а в руках девушка несла букет из голубых и бирюзовых роз. Но леди Оливия спустилась не одна: замыкали эту процессию несколько фрейлин, среди которых Виктор с удивлением обнаружил хоть и изрядно замаскированную, но всё-таки столь приятную для его взгляда Дашу. Как он узнал её в новом парике и значительно отличающемся от предыдущего платье — осталось загадкой. Возможно, помогла интуиция. Возможно, этому посодействовала эмоциональная встряска, активировавшая силу рун. Как бы то ни было, чудо всё-таки свершилось, но к чему всё это могло привести — Виктор старался не думать.

— Леди Авельонская Оливия Чаризз, единственная и неповторимая дочь нашего славного правителя Герберта Чаризза! — провозгласил глашатай. — Поприветствуем же её как должно верным подданным!

Гости встали со своих мест и осыпали невесту бурными овациями. А та, ничуть не смутившись, медленно, но решительно, приблизилась к герцогскому столу и, расплывшись в реверансе, произнесла:

— Да пребудет правитель наш в добром здравии. Долгих лет жизни ему и его владычеству!

Голос леди Оливии прозвучал довольно специфично. Он оказался немного грубее и ниже, чем предполагал Виктор, хотя интонации и постановка речи были выше всяких похвал. Сразу видно — с ней долго и упорно занимались самые лучшие учителя, коих только можно сыскать во всём герцогстве и за его пределами.

— Здравствуй, дочь моя, — улыбнулся герцог. — Сегодня великий день для меня, тебя и всех жителей герцогства. Сегодня день твоей свадьбы! Этой ночью ты станешь совсем взрослой, моя любимая девочка...

Последнюю фразу Герберт произнёс с некоторыми нотками грусти, которые мог заметить лишь воспитанный на Земле человек, потому что в этом мире, в этом обществе не считалось зазорным и аморальным проводить обязательную «первую ночь» с последующим доказательством совершения акта дефлорации. Но Виктору не предстояло попасть сегодня в ночные объятия леди Оливии, и ему по этому поводу очень хотелось обнадёжить герцога, но здравый смысл делать мешать процессу запрещал.

Невеста, наконец, выпрямилась после поклона и, отдав букет одной из фрейлин, громко произнесла:

— Мой суженый гордо скакал на коне, даруя мне славу от вражьих страданий. Так станет же верным супругом он мне, пусть станет героем всеобщих сказаний! И верной женой нарекусь навсегда, коль стану любимой, желанной супругой. И пусть будет трудно порой — не беда! Победа окажется общей заслугой.

Герцог едва заметно прослезился, но вида не подал. Утерев щёки рукавом, он добродушно улыбнулся и повернулся к Виктору:

— Давай, Джеймс. Вот время и настало. Выйди к своей невесте.

Виктор вздохнул так глубоко, как не вздыхал ещё никогда. Задержав дыхание и проверив наличие феникса на плече, он медленно встал со своего трона, ощущая на себе сотни, тысячи взглядов, один из которых принадлежал переживающей за своего сообщника Даше. Граф поправил воротник, гордо поднял подбородок и подошёл к леди Оливии. Поцеловав её ручку, посмотрел на толпу.

— Теперь вы, Ваше Преосвященство, — сказал герцог епископу. — Приступайте к церемонии.

Клод Люций кивнул и вышел к брачующимся. Он встал напротив них и воздел руки к потолку, после чего прикрыл глаза и нараспев прочитал длинную молитву на одном богам известном языке. Виктор не жаловал здешнюю религию, как и любую иную, но поднявшийся прямо внутри помещения ветер и небольшое похолодание воздуха заставили его пересмотреть своё отношение к вселенскому Свету. В конце концов, мир, основа которого погрязла в магии, может быть заполнен чем угодно — вплоть до самых сказочных богов. Впрочем, тема веры сейчас Виктора мало волновала, а потому он решил разобраться в себе и своём мировоззрении несколько позже.

— Леди Оливия Чаризз, — почти прокричал епископ. — Согласна ли ты взять этого человека в законные мужья, любить и оберегать его от всяческой скверны? Клянёшься ли жить в мире и преданности с ним до самой своей смерти и даже после неё?

Невеста чуть подалась вперёд и кивнула:

— Клянусь.

Клод Люций повернулся к Виктору:

— Граф Джеймс Берк, согласен ли ты взять эту девушку в жёны, любить и оберегать её от всяческой скверны? Клянёшься ли жить в мире и преданности с ней до самой своей смерти или

даже после неё?

Виктор представил, как среди гостей где-то сидит и усмехается Лагош. От этой мысли в голове закипела ярость, но выплёскивать её в столь знатный момент было бы верхом глупости. Вместо этого Виктор прикрыл глаза и постарался успокоиться, сосчитав перепрыгивающих забор десять беленьких овечек. Самая последняя овечка почему-то оказалась побитой и несчастной: она не преодолела препятствие и с грохотом рухнула на плетёнку.

— Граф Берк? — повторил епископ.

— Кля... клянусь, — откашлявшись, выдавил из себя Виктор, и сразу же почувствовал себя последней сволочью в отношении герцогской дочки. Но отступить было поздно.

— Вот и славно. Именем Света, я принимаю ваши клятвы, и с этого самого момента я объявляю вас мужем и женой! Можете друг друга поцеловать.

Не было никаких колец или иных символов бракосочетания. Леди Оливия под шум аплодисментов и свадебный марш повернула Виктора к себе лицом и положила руки ему на плечи. Её теперь уже законный муж приобнял девушку за талию, предварительно стянув с её головы фату. А убрав закрывающую лицо вуаль, чуть не впал в ступор.

— Поцелуй меня, — улыбнулась Оливия.

Сказать, что новоиспечённая жена оказалась страшненькой — это ничего не сказать. Совершенно неправильные черты лица резко перетекали то в округлые, то в угловатые формы. Над высокими и выпуклыми скулами смотрели в разные стороны два чрезмерно накрашенных глаза. Из-под очень тонких и алых от помады губ выглядывали зубы, между которыми зияли довольно крупные пробелы. И, разумеется, над всем этим великолепием был проведён обряд косметического вмешательства: веснушчатую и прыщавую кожу покрывал довольно толстый слой стекающего из-за жары тонального крема, присыпанного целой тонной обсыпавшейся пудры.

— М-мамочки, — только и выдавил из себя Виктор прежде чем «суженая» впилась в его губы сладким французским поцелуем.

— Горько! Горько, товарищи! — разнёсся знакомый женский голос над толпой. Кто выкрикнул эту фразу — было понятно без подсказок.

Оливия и не думала выпускать мужа из своих крепких объятий. А Виктор вдруг осознал, что это его первый поцелуй за долгие, долгие десятилетия. Последний раз он целовал таким образом лишь свою настоящую любовь, единственную и неповторимую — Лизу, но было это так давно, что всё уже и забылось.

— А ты красив вблизи, — шепнула Оливия. — Не терпится остаться с тобой наедине, любимый.

— Да... и мне тоже, — ужаснулся Виктор.

Епископ искренне извинился и покинул праздник, объяснив это тем, что у него есть ещё другие дела, касающиеся только сановников. Перед уходом он похлопал Виктора по плечу и как-то странно заглянул ему в глаза, не произнеся ни слова. Остолбневший от ужаса не жених, а уже муж окаменевшими ногами добрался обратно до своего трона и занял место подле герцога.

А свадьба взорвалась очередной бурей празднества. Бесчисленное количество бокалов разом ударились друг об друга, подняв на несколько секунд режущий слух звон. Гости словно ждали этого момента не потому что желали добра леди Оливии, а потому что хотели как можно скорее приступить к решительному и бесповоротному гулянию. Виктор отметил, что подобное отношение ко всем праздником остаётся и на его родине, так что привыкать к этому не пришлось.

Теперь уже законной жене графа Берка оставаться на празднике после обручения строго-настрого запрещалось, а потому фрейлины увели её обратно в свои покои. Герберт тем временем объяснил, что она будет ждать своего мужа ровно в полночь, а до этого момента есть ещё куча времени, чтобы подготовиться к этому ответственному событию. Виктор, слушая герцога, всё больше и больше проникался к нему уважением. Было совершенно ясно, что таких людей, как Герберт Чаризз в этом мире очень немного. По крайней мере, среди знати.

— Вот так и заканчивается моя отцовская миссия, — с тяжёлым вздохом и грустью в голосе произнёс он. — Отныне Оливия — это твоя ноша, Джеймс. Я так долго ждал этого дня, и вот, когда он наконец пришёл, мне непросто с ней расстаться. Не пойми меня неправильно, просто я её очень люблю. Очень. Она — главное счастье в моей жизни. Береги её так, как не берёт никогда даже собственную шкуру. И если с моей девчужкой чего плохого случится, то ответ буду держать с тебя, ты меня понял?

— Я прекрасно это понимаю, — кивнул Виктор, думая про себя: «Господи, да ведь он возложил на меня действительно огромные надежды. Совершив предательство и сбежав с Дашей, я разобью его сердце. Возможно, навсегда. Да что там — возможно! Однозначно — я оставлю его без малейшей надежды на будущее!». От этих мыслей настрой резко упал, потому что Виктор всегда считал себя человеком честным и никогда не крутил интриг за спинами пусть не друзей, но хотя бы знакомых ему людей, даже ради крупной выгоды. А в данной ситуации и выгоды-той и не предвиделось. Просто помощь родственной душе из далёкого-далёкого мира, именуемого Землёй.

— Расскажи о своей первой жене, Джеймс, — вдруг попросил герцог. Он откинул голову на мягкую спинку трона, прикрыл глаза и достал из внутреннего кармана накидки длинную прямую трубку и огниво. Пара щелчков — и воздух наполнился терпким ароматом незнакомых Виктору трав, совсем непохожих на обыденный табак.

— Ну... моя жена была чудесной девушкой. Мы познакомились ещё в детстве, и она мне нравилась задолго до того, как мы поженились. Она цвела как бутон тюльпана, когда я делал ей предложение. Пару раз мне приходилось даже драться ради неё...

— Рыцарский поединок, — кивнул герцог, протяжно выдыхая струю плотного дыма. — Понимаю. Мне самому приходилось сражаться ради своей суженой на ристалище.

— Ну, это были не совсем рыцарские поединки, — усмехнулся Виктор. — Скорее обычные кулачные бои... Но чести я не потерял и завоевал возлюбленную. Как же она была хороша! Красива собой, ангельский голосок, по хозяйству хлопочет, книги умные читает, на музыкальных инструментах играет, космос изучает. Да ещё матерью отличной стала. Только вот беда — почилла она уже очень и очень давно. Но, откровенно говоря, я люблю её до сих пор всем сердцем.

— Я не против, Джеймс, ты можешь любить свою первую жену. В этом я с тобой солидарен. Но пусть это не затуманивает твой разум. Ни в коем случае не давай прошлому встать поперёк настоящего, потому что от этого зависит лично твоё будущее и будущее моей Оливии. Держи

свою любимую вот здесь, — Герберт указал пальцем себе на висок. — И никогда её не забывай. Но помни, что теперь у тебя начинается новая жизнь с новой женой, так что будь любезен — прояви к ней должное уважение, хорошо?

— Несомненно, — солгал Виктор. — Я буду заботиться о ней всю свою оставшуюся жизнь.

Его Светлость по всей видимости удовлетворился этим ответом и снова неспешно затянулся. В отличие от гостей, ни он, ни Джеймс танцевать и предаваться разным застольным играм не собирались — не по чину это. А потому оставшееся время до вечера и традиционной «первой» ночи граф и герцог провели за долгими беседами друг о друге и многих иных вещах, после которых Виктор окончательно убедился в собственной сволочности и на миг даже подумал навсегда остаться в роли Джеймса Берка, но подоспевший на выручку здравый смысл вовремя отвесил иномирцу отрезвляющую оплеуху.

Ближе к закату Виктор написал на салфетке послание для Даши, в котором говорилось, что стало известно местоположение треклятой Книги и спрашивалось, что следует делать дальше. Скомканное сообщение унёсся доставлять по назначению новый питомец Виктора — услужливый феникс Чарли. Ответ пришёл спустя полчаса тем же путём. Даша говорила, что бежать надо как можно скорее, потому что её чуть было не раскрыли. В идеале — нынешней ночью.

Махнув для храбрости очередной бокал шампанского и усадив Чарли на плечо, Виктор распрощался с герцогом и направился, как он сказал, готовиться к предстоящей ночи. Герберт крепко пожал графу руку и хотел было что-то сказать, да передумал и лишь по-доброму улыбнулся на прощание.

Виктор натянуто улыбнулся в ответ. Хотя в душе он уже разрывал себя на части за этот на первый взгляд безобидный жест, в итоге оказавшийся главным оружием невероятно лживого и предательского лицемерия.

ГЛАВА 13

Говорят, у страха глаза велики. Пока Виктор плёлся в свои покои, для него прошла целая вечность. Ему казалось, что каждый шаг вперёд на полметра приближал его к неизбежному событию — первой супружеской ночи, в которой он не желал принимать ни малейшего участия. Но время шло, неумолимо тикая настенными часами, каждую четверть часа напоминая о скорой встрече с невестой протяжным «бом-бом». И всякий такой громкий удар отзывался в ушах ехидным смехом, смехом проказника Лагоша.

— Хоть бы показался среди гостей, что ли, — фыркнул Виктор, поворачивая на очередной развилке. — А то, ишь, затащил в этот мир, практически вынудил жениться, а на свадьбу не пожаловал. Вот же хам!

Бом-бом!

Добравшись до комнаты, Виктор сразу же рухнул на свою кровать и прикрыл глаза, предварительно строго-настрого приказав своему ручному фениксу разбудить его в половине двенадцатого. Но как назло сон приходил довольно долго. Причиной тому служила адская смесь переживаний и страхов, положительных и отрицательных эмоций, угрызений совести и даже некоторой толики гордости за пока что успешно проводимую операцию. Когда же всё-таки Виктор провалился в глубокий сон, сознание мгновенно очистилось, но в состоянии отдыха так и не вошло. Виктор, осознав, что он уже спит, понял, что находится во сне не один.

— Это ты там? — спокойно спросил граф в темноту, что окружала его. — Выходи. Наверняка тебе есть что сказать.

Вокруг всё было черно. Даже вытянутые вперёд руки терялись из видимости уже на уровне предплечий. Всё обволакивал тёмный густой дым, едкий, вызывающий острую резь в глазах, медленно опускающийся к полу. Вскоре марево рассеялось, оставив после себя широкую зелёную поляну посреди безлесых холмов под ясным ночным небом. Где-то на горизонте виднелась луна, и Виктор не сразу осознал, что место, где он находился, было Землёй. Родной, знакомой и любимой Землёй, путь на которую для иномирца теперь закрыт навеки.

— Я так полагаю, можно поздравить вас, граф Берк, — раздался знакомый голос за спиной. Виктор обернулся и увидел Лагоша в шикарном белом костюме с бутоном алой розы в нагрудном кармашке. Густо усеянными золотыми перстнями руки нежданный гость крепко сжимал зонт-трость, исписанный какими-то незнакомыми иероглифами. Лагош раскрыл зонт и спросил: — Как тебе? Был вчера в вашем Китае. Купил в безумно дорогом эксклюзивном магазине, где делают уникальные элитные предметы гардероба и прочие нужные лишь богачам безделушки. Представь, потратил на зонтик почти сто тысяч рублей, если на русские деньги переводить. У тебя, кстати, какая пенсия была?

— Шесть с половиной, — буркнул Виктор. — Послушай-ка, друг хороший, ты ведь обещался, что больше никогда в моей жизни не появишься. Не то что бы я не был рад твоему визиту, но мне просто интересно, так что...

— Ну, во-первых, я не обещал, а прогнозировал. А, во-вторых, как же можно пропустить такое событие? Перемещая тебя в этот мир я и понятия не имел, чем всё закончится. Честно-честно, мамой клянусь! Подумать только — землянин становится графом и женится на герцогской дочери, чтобы узнать о древнем захоронении всех правителей Авельона, где, скорее всего, располагается таинственная Книга, которую никому нельзя читать, но которую необходимо найти Даше, чтобы с неё спала лирическая шарада-печать, после чего она останется в живых и поможет тебе разобраться в твоей печати, чтобы ты, собственно, тоже не откинул коньки. Я ничего не упустил?

— Упустил маленькую деталь под названием «Лагош». Какую роль ты играешь во всём этом спектакле?

— Всею своё время, Дже... прошу прощения, Виктор. Я уже привык. Красиво звучит — граф Джеймс Берк. Хотя, конечно, граф Виктор Богданов звучит куда лучше, верно? Хе-хе.

— Ты как всегда в своём репертуаре. Объясняй уж, зачем появился на этот раз? И почему раньше не упоминал про печати? Это ведь обман. Обман чистой воды.

Лагош пожал плечами и неожиданно сменил улыбку на зловещий оскал:

— А мне плевать, — неожиданно резко ответил собеседник. — И будь учтивее с тем, кто может раздавить тебя одним пальцем, дедуля.

Виктор такого ответа не ожидал и несколько опешил, но вскоре ретировался:

— Ну так раздави, чего же ты ждёшь? Хочешь меня запугать? Не выйдет, проказник. Я уже был на грани смерти, когда ты меня нашёл. Думаешь, я боялся умереть? Нет. Я смирился. Причём так давно, что ты и представить себе не можешь, ясно?! Так вот, вздумал мне угрожать? Так катись же ты к дьяволу, сверхъестественный кусок дерьма! Я тебя не боюсь. Если ты такая сволочь и тебе просто приятно смотреть за чужими страданиями, то вот,

пожалуйста, дави меня! Ну же, не стесняйся, ублюдок!

Виктор сделал несколько шагов вперёд, расставив руки в стороны. Лагош минуту стоял, размышляя, опираясь на зонтик, после чего снова улыбнулся и поаплодировал разозлившемуся графу:

— Ну-ну, землянин, полегче. Ты меня, честно говоря, самую малость пристыдил. Ну и актёр из тебя вышел бы, Богданов. Эх, какой талант пропадает! Кстати, в Авельоне есть театр. Не хочешь устроиться? Будешь пользоваться чертовским успехом.

— Ты снова хочешь вывести меня из себя? — нахмурился Виктор. — Прошу тебя, не тяни. Говори, зачем пришёл.

— Я ведь на самом деле добрый, Богданов. Не держи зла на бедного Лагоша. Я же помочь тебе хочу, глупый!

— Да? И чем же ты хочешь мне помочь на сей раз?

— Сведениями. Мне показалось, что тебе это будет интересно. В общем, три часа назад корабль адмирала Николаса Шарпа совершенно случайно наткнулся в открытом море на личное судно некоего Рагнара Чёрного, которая, ко всему прочему, оказалась его передвижным мобильным штабом. Между двумя командами произошёл короткий абордажный бой в ходе которого люди Рагнара были полностью побеждены, а сам предатель взят в плен. К великому сожалению опечаленный пропажей своей новой невесты Лары Берк адмирал был вынужден прибегнуть к пыткам, в ходе которых Рагнар самую малость сболтнул лишнего по поводу некой Дарьи Стужневой, её липового кавалера и их так называемой секретной операции. Сведения эти, сам понимаешь, не предназначены для праздных ушей, а потому Принципио на всех парах мчится обратно в Авельон, дабы сэр Шарп лично передал информацию о предательстве века, не иначе, самому герцогу Герберту Чариззу. А ветер, кстати, дует счастливику в паруса, так что...

— Что?! — воскликнул Виктор. — Это катастрофа. Надо немедленно бежать. Не-мед-лен-но!

— Расслабься, герой. Куда ты денешься без Даши? А она пока находится подле невестушки-красавицы. О, кстати, напомни, я уже успел подшутить над тобой по этому поводу или нет?

— Да иди ты, — обиженно отмахнулся Виктор. — Дай мне проснуться, у меня мало времени. Я должен поскорее отыскать Дашу и бежать отсюда!

Лагош снова злорадно усмехнулся:

— Молодой человек, ничем не могу вам помочь. Всё есть тлен и безысходность, итог предрешён, все умрут и превратятся в труху. Ну-ну, довольно депрессии: спи дальше, Богданов, приятных тебе снов. И не забудь наутро вывесить из окна простынь с кровью девственницы. Не забудь, слышишь? А то народ, знаешь ли, расстроится. Ещё линчует ненароком за завтраком, хе-хе. Ведь бывало уже такое. Люди здесь очень суеверные, а невыполнение ритуала «первой» ночи якобы сулит тридцать лет неурожая и голода для всего государства. Как связан секс между знатными людьми и аномальная жара — ума не приложу, да и тебе это наверняка кажется явной глупостью. Но люди-то, люди верят, Богданов! Верят!

— Будь ты обычным смертным, я бы сломал тебе челюсть, — процедил сквозь зубы Виктор, стараясь сохранить самообладание. — Вот за все издёвки и чёрные шутки в мой адрес.

— Так в том-то и кайф, как говорят на твоей родине, ты меня и пальцем тронуть не можешь. Ну, удачи в поисках Книги. И тёплый пуховик не забудь. Это не шутка.

С этими словами Лагош мгновенно испарился, и всё вокруг снова стремительно потемнело. Дальнейшего сна Виктор не помнил: спалось так крепко, что время пролетело одним мгновением. А когда ответственный Чарли протяжно заголосил прямо над ухом, исполняя волю своего хозяина, Виктор подскочил так резко, что ударился головой о спинку кровати.

— Ну ты и птица, — держась за шишку, пробубнил граф. — В следующий раз увеличивай громкость своего будильника по нарастающей, идёт?

Чарли чирикнул и ожидающе уселся на край тумбочки.

— Так-с, а мне, кажется, предстоит интересная ночка. И Дашу найти, и из дворца сбежать, и постараться не вызвать гнев всей знати во главе с брошенной невестой и разъярённым папашей. Блеск, блеск! Да вот только как всё это повернуть? Пернатый, ты не хочешь мне помочь?

Феникс лишь поменял положение головы. Он не понимал, чем он мог помочь.

— Ну, да, конечно, — махнул рукой Виктор. — Как мне в голову могло прийти, что птица, пусть и волшебная, придумает за меня план? Пф-ф.

Погрузившись в мысли о предстоящих событиях, граф встал с кровати, подошёл к зеркалу и наспех привёл себя в порядок. После этого решил, что для побега лучше бы переодеться в более удобную одежду, а потому с облегчением стянул с себя праздничный наряд и облачился в более скромный костюм, в котором принимал участие в лесной охоте. Закончив с этим и подвесив на пояс Пакемберг, Виктор подмигнул птице и сказал:

— Ну, друг, показывай дорогу в покои герцогской дочки.

Где-то внизу до сих пор играла музыка, пел хор и танцевали до упаду гости. Как говорил Герберт, самые стойкие гуляки не покинут банкет до самого рассвета, да и тогда они уйдут лишь чтобы как следует выспаться перед очередным днём пиршества. У Виктора от одной мысли о бальных танцах, бесконечных столах с яствами и постоянных дамских реверансах к горлу подскочил неприятный тошнотворный комок. Слегка болела голова, но для силы рун эта неприятность была лишь мимолётной преградой. Сконцентрировавшись на голове и щёлкнув пальцами, Виктор разом избавился от головной боли, и вдобавок приобрёл мощный заряд отрезвляющей ясности, ранее для которой приходилось выпить не одну чашку крепкого кофе.

— Знать бы об этой функции раньше, — раздосадовано покачал головой Виктор. — Я мог избежать целой кучи неприятностей. Найти бы какую-нибудь инструкцию ко всей этой рунной системе с описанием опций и надстроек...

Чарли без труда отыскал дорогу меж ветвистых коридоров до нужного места. Виктор поднялся на длинный этаж, целиком состоящий лишь из длинной картинной галереи с работами самых известных художников всего Авельонского герцогства и богато украшенной бронзовым орнаментом двустворчатой двери в дальнем конце помещения. Каждая из работ на одной стене иллюстрировала какой-то определённый момент из жизни государства. Все они шли по порядку, начиная с самого основания герцогства. На противоположной стене висели портреты всех мало-мальски значимых для истории личностей. Были здесь и властители древности, и величайшие священнослужители, и прославившиеся военачальники. А в самом конце портретного ряда смотрел с холста облачённый в рыцарский доспех нынешний правитель —

Герберт Чаризз.

— Мне, наверное, сюда, — решил Виктор, оглядывая единственную находящуюся здесь дверь. Чарли тем временем вновь уселся на плечо и довольно оповестил хозяина о том, что приказ выполнен. — Умная птичка. Молодчина.

Сердце графа застучало в бешеном темпе. Казалось, ещё чуть-чуть и оно вырвется из груди, проломив рёбра, плоть и крепкую одежду, и успокоиться при помощи силы рун никак не получалось. Пожав плечами и плотно зажмурил глаза, Виктор три раза постучался.

— Кто бы это мог быть? — раздался с той стороны игривый голос невесты. — Открыто, заходите!

С трудом преодолев огромное желание сбежать прямо сейчас, Виктор набрался смелости и повернул дверную ручку. Но дверь открыл не сразу. Он постоял в таком застывшем положении ещё несколько секунд, словно впад в протрацию, и лишь жаждущая встречи с суженым Оливия вывела его из этого странного состояния:

— Ну же, я жду!

Виктор набрал полную грудь воздуха и вошёл в комнату невесты. В глаза ударил яркий свет — повсюду сияли десятки свечей, кроме всего прочего отражённые в нескольких дюжинах разномастных зеркал. Посреди обширных покоев, пол которых буквально утопал в густых меховых шкурах, стояла невероятных размеров кровать из чёрного дерева, укрытая пышным постельным бельём. Разумеется, на краю всего этого великолепия призывно сидела, закинув ногу на ногу, леди Оливия Чаризз. Её откровенную наготу прикрывали лишь прозрачная шаль и небольшой дамский веерок. Заглядевшись на эротическое зрелище, Виктор не сразу заметил, что подле кровати стоит целая толпа фрейлин, явно не собирающихся уходить. Среди них находилась и Даша.

— Иди ко мне, муж, — подмигнула герцогская дочка. — Я так долго ждала этого. С того самого момента, как ты сразил на арене последнего врага, я страстно желала тебя. Несомненно, ты мой герой. Ты тот, кто зачнёт моих детей. Ты...

— Погоди, погоди, д-дорогая, — замялся Виктор. — Вот так сразу?

— Конечно, глупый, зачем же тянуть?

— Ну, я ведь целый день был, так сказать, в боевой готовности. Праздник утомил меня до предела. К тому же, я вспотел, и вряд ли ты хочешь, чтобы я, весь такой грязный, лез обниматься, верно?..

Оливия залиvisto рассмеялась:

— Ох, ну, ты даёшь. Вспотел, и что с того? Иди сюда, да поживее!

— А... а как же твои помощницы? Они будут смотреть?

— Конечно. Это одна из обязанностей фрейлин — проследить, чтобы всё прошло без единой погрешности и строго по правилам, которые диктуют многовековые традиции. Прошу тебя, не испытывай моё терпение и марш в кровать!

Виктор, ожидая хоть какой-нибудь помощи от неподвижной Даши, пересадил феникса на тумбу

и стал медленно раздеваться. Оливия в этом его не торопила, хотя и постоянно сверлила своим нетерпеливым взглядом. Каждый миг длился целую вечность, и множество пар наблюдающих глаз явно не способствовали расслаблению и безмятежности.

— И парик тоже. Не хочу, чтобы ты меня исколол этим венником, — велела Оливия.

Виктор повинился и стянул с себя столь надоевший заменитель волос.

— И бороду.

Вот тут граф опешил. Если парик действительно являлся лишь предметом украшения, и все прекрасно понимали, что он искусственный, то с бородой вышла некоторая заминка, ведь предполагалось, что она будет выглядеть совсем как настоящая. Тем не менее, Виктор сорвал с себя всё, что наклеил на свою голову и с удовольствием размял покрывшиеся раздражением от негигиеничного клея щеки и нижнюю челюсть.

— Вот так-то лучше. Настоящий красавец... какой же шикарный мужчина мне достался! Зрелый!

— Ты даже представить себе не можешь, насколько зрелый, — вспомнил иномирец о своём настоящем возрасте.

Оставшись в одних трусах, Виктор опасливо приблизился к кровати. Как только он оказался рядом с Оливией, та вцепилась в него крепчайшим хватом и повалила на пуховую перину. Прижав графа всем своим весом, она страстно впилась в его губы своими, не стесняясь засовывать свой язык Виктору до самого кадыка. Приговаривая при этом что-то вроде «мой рыцарь, возьми меня!» и «я плохая девочка, накажи меня!», Оливия приблизилась рукой к трусам суженого и уже намеревалась их сорвать, как рядом очень вовремя подоспела Даша с подносом в руках.

— Моя госпожа, вы забыли про нектар любви.

Оливия, с жуткой неохотой оторвавшись от законного мужа, одобрительно кивнула и взяла протянутый ей бокал с персикового цвета жидкостью. Второй бокал, почему-то с жёлтым содержимым, переключившись в руки Виктора.

— За нас, дорогой мой. Допиваем до дна и продолжаем!

Герцогская дочка разом опрокинула свою порцию напитка и приготовилась продолжать. Виктор с надеждой посмотрел на Дашу, и та одобрительно кивнула, указав кивком головы на нектар. Пожав плечами и полностью доверившись своей подельнице, граф маленькими глотками растянул удовольствие и приготовился к худшему. Даша, забрав у любовников бокалы, отошла в сторонку.

— Продолжаем! — радостно воскликнула Оливия, вновь набрасываясь на Виктора, словно дикий волк на незащитного ягнёнка. Она терзала его длинными ногтями, не считывая силы, отчего всё тело графа покрылось красными царапинами, кое-где даже самую малость кровотоющими. Но вся эта боль казалась лишь лёгкой щекоткой в сравнении со скорым гневом Герберта и всей остальной знати, когда двое иномирцев сбегут из дворца далеко на север.

Трусы слетели с бёдер Виктора и упали на пол. И в самый последний момент перед точкой невозврата Оливия, нависнув над графом, вдруг остановилась. Она посмотрела на Виктора

каким-то странным, затуманенным взглядом. Проведя таким образом почти минуту, невеста медленно раскрыла рот, из которого вывалился обездвиженный язык. Глаза герцогской дочери закатились, и девушка рухнула прямо на Виктора, потеряв сознание.

Засуетились обеспокоенные фрейлины. Они окружили кровать и, предварительно освободив абсолютно голого графа из-под живого груза, стали Оливию всячески будить. Но ни пощёчины, ни стакан холодной воды в лицо, ни резкий едкий запах специального медицинского препарата не привели бедолагу в чувство. И лишь одна из фрейлин осталась в стороне, когда Оливии требовалась помощь: Даша, пользуясь тем, что все отвлеклись, закрыла входную дверь на два засова и вооружилась заранее спрятанными под платьем пистолетами:

— Уважаемые дамы, будьте любезны отойти от постели вон к той стене, — откашлявшись, попросила она. Стволы пистолетов грозно глядели на толпу ничего не понимающих фрейлин. — Ну же, бегом, курицы, иначе я нашпигую вас отменным свинцом. И чтоб ни звука!

— Ты просто спецагент какой-то, — усмехнулся Виктор, поспешно натягивая на себя трусы и прочую одежду.

— Ещё бы, я крутая, — хмыкнула Даша, а затем снова обратилась к фрейлинам: — Так, дамочки, а ну-ка все быстренько взяли со столика бутылку с нектаром и сделали по паре глотков. Живо! Не волнуйтесь, останетесь живы, просто крепко уснёте до завтрашнего обеда.

Испуганные прислужницы трусливо переглянулись и нехотя стали выполнять требование Даши. Уже через несколько минут одна за другой они попадали на пол прямо в скопище мягких меховых шкур.

— Я так рад тебя видеть, — искренне улыбнулся Виктор, застёгивая последние пуговицы и подвешивая на пояс Пакемберг. — Только вот жалко мне, что герцога подвожу. Стыдно очень.

— Стыдно когда видно, — парировала Даша. — А нас никто заметить не успеет, потому что мы скроемся ещё до рассвета. Я всё продумала: мы подождём, пока не закончится банкет, а затем спустимся на кухню и спрячемся среди ящиков с костями и субпродуктами, которые повезут в бедные кварталы Авельона. Скрытно заберёмся в телегу и уедем. Потом уйдём по канализации. Следом проникаем через местный фейс-контроль и смываемся лесами.

Виктор, выслушав план подруги, сперва протяжно вздохнул, затем собрался с мыслями и сказал:

— Лучше сядь. Я серьёзно, присядь.

Даша вопросительно изогнула бровь, но вслух ничего не спросила. Небрежно оттолкнув тело герцогской дочери в сторону, она уселась на край кровати и широко развела руками:

— Внимательно тебя слушаю.

— В общем, во сне ко мне опять приходил Лагош. Я, конечно, надеюсь, что он мне солгал, но чувствует моё сердце, что это не так. Итак, по его словам, некоторое время назад твой дружок Николас Шарп наткнулся в море на корабль Рагнара Чёрного и взял его в плен. И тот раскололся, рассказал всё про тебя и меня, про то, что мы с тобой как бы ненастоящие на этом празднике. Вот. И адмирал мчится в Авельон, чтобы предать нас анафеме.

— Вот с-скотина, — прошипела Даша. — Ублюдок! Сволочь! Ну, я ему... нет, стоп, я ничего ему не сделаю. Пока что. Надо бежать. Но план меняется — мы уходим немедленно!

С этими словами девушка подскочила с перины и бросилась к шкафу герцогской дочки. Разворотив его до дна, она всё-таки отыскала себе приличный наряд для путешествий, состоящий из брюк с сапогами и рубашки с камзолом, и, не стесняясь соотечественника, переделалась. Закончив с этим, Даша всё-таки не удержалась и провела лишние две минуты у зеркала, сетуя на чересчур влажный воздух, из-за которого у неё повыскакивали на носу прыщи, и на то, что пудра Оливии жутко пахнет сухим кормом для рыб.

— Может, мы уже пойдём? — с нетерпением спросил Виктор. — Я переживу, если мы сбежим незамеченными. Но если я хоть раз пересекусь с герцогом взглядами, то совершу самоубийство за ближайшим углом из-за угрызений совести.

— Ой, да ладно тебе, совесть у него. Если б не наша дерзость, то я бы так смиренно и ожидала своей участи. У меня ведь сроки заканчиваются, ты знаешь. Если в течение нескольких дней, точную цифру не могу назвать, я не исполню предназначение моей печати, то всё, как у Кранты. Баста. Адъос. Арриведерчи.

— Я понял тебя, не продолжай. Ладно, давай просто покинем замок. Местоположение герцогского склепа я знаю, но для этого нам надо сперва выбраться из города.

Даша всё продумала сама. Раскрыв нараспашку окно, она оглядела окрестности и угрюмо покачала головой: с десятого этажа слезть, не оступившись, казалось задачей непосильной даже для такой профессиональной скалолазки. К тому же, окно выходило прямо на главную аллею перед дворцом, где туда-сюда сновали десятки зорких и прекрасно обученных гвардейцев. А потому пришлось покинуть помещение по обычному для нормального человека проходу — через дверь, после чего крепко-накрепко закрыв её на ключ с входной стороны.

Дальше шли самыми безлюдными коридорами. Несколько раз приходилось делать здоровенные крюки как в горизонтальной плоскости, так и маневрируя между этажами, порой перескакивая сразу по два-три пролёта. Но в итоге этот лабиринт всё же привёл беглецов на первый этаж — практически к главному залу, где всё ещё шло веселье, пилось вино и играла музыка. Иногда им навстречу попадались небольшие гуляющие компании, но без парика и бороды они не замечали в Викторе виновника сегодняшнего торжества, хотя присматривались пристально, старательно сощуривая взгляд. Но пока что всё обходилось без каких-либо заминок, и побег шёл гладко.

— Может, расскажешь, что с тобой произошло после того, как я тебя «проиграл» в поединке? — усмехнулся Виктор. — А то я до сих пор остаюсь в блаженном неведении.

— Да ничего особо интересного-то и не произошло. Шарп, конечно, кавалер неплохой, то и дело дарит дорогие подарки, кормит самыми изысканными блюдами и совершает якобы романтические поступки вроде прогулки под лунами или прочтения стихов. Но вскоре после нашего с тобой «развода» он заявил, что хочет забрать меня с собой в плавание, да там и пожениться. Причём он вроде как даже выбора не давал, а просто поставил перед фактом, мол, собирайся, через час мы отчаливаем. В общем, я взошла на борт и мы отправились в открытое море, и вскоре я сделала вид, что мне стало плохо. Ну, морская болезнь и всё такое. Он отвёл меня к судовому врачу, а сам вернулся в свою каюту. Врача мне пришлось вырубить, а затем бежать оттуда через... самую неприятную часть корабля.

— И что же это за часть?

— Через галюн. Там, где туалет, понимаешь? На носу корабля.

Виктор сочувственно сморщился и решил, что Даша — настоящий герой.

— И что же, как скоро адмирал заметил твоё отсутствие? Или ты не в курсе?

— Да откуда ж мне знать-то? Думаю, что ещё часа три он смело полагал, что сейчас надо мной шаманит доктор, а потом он наткнулся в море на Рагнара, и ему стало не совсем до этого. Что случилось дальше — я понятия не имею.

Беглецам всё же пришлось пройти через главный зал. Приняв максимально расслабленный вид и взявшись за руки как пара, они аккуратно, стараясь не привлекать и толики внимания, проскользнули мимо сотен подвыпивших гостей, и с огромным облегчением вздохнули, когда в пределах видимости замаячила дверь центрального входа. Как ни странно, но конспирация в виде парика и накладных волос, ныне находящихся в покоях Оливии, сработала на отлично — без них Виктора никто не узнавал. Хотя оставалась большая вероятность того, что появятся представители церкви, знающие иномирца в его настоящее лицо, и тогда начнутся очень серьёзные проблемы. Но такая вероятность, по словам Даши, была крайне мала, так что Виктор постарался не нагружать себя скверными мыслями о возможном печальном будущем.

Друзья покинули дворец и с превеликим удовольствием вдохнули ночной прохладный воздух, подпитанный высоким уровнем озона, что говорило о недавно прошедшем в этих местах дожде. Да и затянувшие всё небо тучи явно указывали на этот факт. Несильный, но стабильный непрекращающийся ветер сперва освежал, а затем заставлял съёжиться и задрожать от холода. Виктор, вспомнив о правилах этикета, стянул с себя кафтан и накинул его на плечи спутницы.

Ни один стражник в их сторону даже не посмотрел, что не могло не радовать. Это означало, что Николас Шарп всё ещё не вернулся из плавания, и никто в столице до сих пор не знал о чудовищной махинации двоих иномирцев. Решив не испытывать судьбу, беглецы поспешили и прибавили шаг. Перед уходом заглянули в конюшню и забрали тех самых коней, на которых сюда прибыли. Скакуны оказались несколько сонными и ленивыми, ведь их плотно кормили и держали в тепле, а теперь какие-то люди заставляют их работать в такую скверную погоду, но пара ударов пятками по лошадиным бокам приводила конный «транспорт» в чувство и боевую готовность, отчего кони, хоть и недовольно фырча, но всё же бросались в стремительный галоп.

Улицы пустовали. Ещё бы, мало кто желал слоняться без дела под открытым небом дождливой холодной ночью, а потому движению никто не мешал. Даша, хоть и хорошо помнила дорогу, всё же пару раз сбивалась с пути и друзьям приходилось возвращаться. Побег из города со всеми заскоками не в те переулки занял почти полчаса. А когда друзья прибыли к восточным городским воротам, с небес обрушился сильный проливной дождь.

— Всё-таки хорошо, что не стали уходить канализацией, — сказала Даша. — В такие дни уровень воды поднимается там до полутора-двух метров, и идти вброд становится просто невозможно. Нас бы затопило — и поминай как звали. Нелепая смерть, наверное.

— Смерть есть смерть, — ответил Виктор. — Нелепой она станет для тех, кто о тебе потом узнает. Это всё равно, что разговаривать о «геройской» смерти, которая ничем не отличается от любой иной. Думается мне, что нелепо или героически можно жить, и судить тебя будут именно по прожитой жизни, а смерть — это просто конец пути.

— А вдруг не конец? Я не говорю о Рае или чём-то подобном, я просто говорю, что ты не можешь знать, что будет потом. Ты в состоянии увидеть, что происходит с телом после смерти мозга, но само твоё сознание куда-то должно деваться, верно? Не испаряется же оно бесследно.

— Вот видишь, и ты тоже не можешь знать этого наверняка. Но...

Беседу прервал появившийся у ворот стражник. Укрываясь своим щитом как зонтом, он лениво подошёл к путникам, протяжно зевнул и спросил:

— Вы куда так поздно ночью собрались? Проход до рассвета закрыт!

— Уважаемый, нам очень надо выйти, — взмолилась Даша. — Личные дела не терпят отлагательств. Если вы не пропустите нас, то с нами может случиться страшная, смертельно страшная беда.

Страж пожал плечами:

— Ничем не могу вам помочь, господа хорошие. Мы тут на посту, знаете ли, люди честные и службу несём исправно, так что отправляйтесь-ка вы восвояси, да возвращайтесь ближе к утру.

Даша закатила глаза и бросила стражнику мешочек с монетами.

— Эй, за кого вы меня принимаете? За взяточника? — возмутился тот.

— Именно так, — подтвердил Виктор, протягивая латнику ещё один бряцающий металлом кошелек.

— Ну, если вы так настаиваете, — широко улыбнулся стражник, бросившись открывать для покидающих город гостей ворота. — Будьте осторожны на дорогах, господа!

— Благодарим сердечно, — кивнула Даша, прищипывая коня. — Удачной службы!

Беглецы, не веря своей удаче, выскочили за стены Авельона и, не оборачиваясь, бросились вперёд, как можно дальше. Сперва им предстояло закрепить успех и сбежать так далеко, чтобы замести и запутать собственные следы. Тут и дождь оказался кстати — некогда ровная дорога превратилась в грязное месиво, и узнать, кто по ней прошёл, уже никогда не удастся.

— Ну, и куда мы движемся теперь? — спросила Даша, приводя в норму своё дыхание и стуча от холода зубами. — Было бы неплохо где-нибудь остановиться, чтобы поспать и отогреться.

— На отдых пока нет времени. Мы идём на север, но не по тракту — нам придётся пробираться сквозь лесную чащу. Не знаю, выдержат ли лошадки такую усеянную препятствиями дорогу.

— Не выдержат — бросим их и пойдём пешком. И Виктор, я... я...

— Что? — спросил граф.

— Ну... спасибо тебе за всё, что ты сделал. Если я выживу, то всё это только благодаря тебе. Эх, если бы не ты...

— Не спеши благодарить, — подмигнул Виктор. — Нам предстоит ещё долгий путь.

ГЛАВА 14

Спустя пять суток Виктор проснулся в мокрой и холодной траве с чётким осознанием того, что он совершил самую большую ошибку в своей жизни, решив отправиться в многодневный переход по сосновому лесу без каких-либо припасов или иных средств для выживания. Кони хоть и с трудом, но всё ещё преодолевали буреломы и густую лесную растительность, но силы

их подходили к концу: почти в самом начале пути на одном из привалов лошади наелись лесной травы, после чего их воротило как школьников после выпускного бала. И скакуны, видимо, решили больше не питаться здешними растениями, а потому уже выглядели чахлыми и практически засыпающими на ходу. Благо, что воды вокруг росло навалом — то и дело встречались чистые ручьи, где можно было напиться до отвала как путникам, так и их коням.

С пищей для людей тоже шло не очень гладко. И хотя Виктор получил некоторые навыки охоты в знатном герцогском кругу, это не помогло ему в поимке добычи, потому что с ним не было преданной и послушной собаки и дальнобойного оружия, не считая двух заряженных пистолей Даши, которые она наотрез отказывалась использовать ради добычи пищи, боясь остаться абсолютно безоружной при встрече с настоящим врагом. А одним мечом, пусть и легендарным Пакембергом, много дичи не нарубишь, и потому пришлось питаться тем, что не убегало от человека, едва завидев его издали: орехами, ягодами и особо медлительной форелью в ручьях, которую удалось поймать лишь однажды. Благо, костёр получалось разжигать без каких-либо проблем — сила рун в этом случае пришлась как нельзя кстати. Кроме того, она помогала на некоторое время справиться с голодом, но полностью заменить питательные вещества не могла, а потому без скорой дозаправки белками, жирами и углеводами с путниками могла приключиться катастрофически большая беда.

Вскоре решили дальше двигаться без лошадей, уж слишком устало выглядели лошадки. Даша предложила забить одного из коней на мясо, но Виктор отказался наотрез: ему было жалко лишать жизни существо, принёсшее друзьям такую огромную пользу. А потому скакунов попросту отпустили на все четыре стороны, чем они незамедлительно и воспользовались, убежав куда-то далеко на запад.

На седьмой день путешествия Виктор всё-таки заявил, что голод — не тётка, а потому настоял на использовании пистолей для охоты. Даша, хоть и демонстративно надулась, всё же согласилась, и уже тем же вечером у путников на ужин был жареный олень, шкуру которого Виктор наспех выдубил, как умел, и сделал из неё некое подобие накидки. Получилось довольно неплохо, по крайней мере для человека, ни разу этим не занимавшегося.

Герцог говорил, что дорога по Мофкритскому тракту займёт порядка десяти дней. Разумеется, он имел в виду путь верхом, а не пешком, а потому Виктор предположил, что им идти ещё не меньше двух недель, если продолжать продвигаться такими же темпами. Кроме того, он сделал поправку на лес, идти по которому было крайне тяжело, и на постоянные привалы, из-за которых десятая часть времени бесследно пропадала. Всё это выглядело довольно грустно, потому что друзья понимали: у Даши оставалось совсем немного времени, и каждый новый день мог оказаться для уроженки Земли последним, что было бы очень обидным, если учитывать, как близко они подобрались к финалу хорошо продуманной и чётко спланированной операции.

На десятый день, когда Даша упала в обморок от усталости или какой-то иной, сверхъестественной причины, Виктор решил: пора переходить на тракт, каким бы рискованным не оказался этот радикальный шаг. Ведь в первую очередь их ищут именно на оживлённых дорогах, а в том, что их уже тщательно выискивают, Виктор даже не сомневался. А это значило, что каждому дорожному посту из столицы было дано поручение проверять всякую пару людей, хоть отдалённо напоминающих беглецов. Но оставаться в лесу и надеяться на чудо, решил Виктор, тоже глупо — ещё пара таких дней и Даша совсем сляжет. А потому графу пришлось принимать нелёгкое решение. Он понимал, что ответственность за себя и за спутницу уже давно лежит на его мужских плечах, и заботиться об обоих придётся ему одному.

Даша согласилась с тем, что пора бы перейти на тракт, и этот план был тотчас воплощён в

реальность. И хотя военных патрулей, караванов и транспортных дилижансов на этой дороге оказалось не так много, как путники думали раньше, сердце Виктора каждый раз замирало при виде любой проезжающей неподалёку телеги, даже если вёл её старый чахлый жеребец, подгоняемый безобидным стариком-фермером. Никто не хотел «подбросить» шагающих пешком друзей, так что Виктору приходилось чуть ли не нести Дашу на руках, постоянно взывая к силе рун, наполняя своё тело очередной порцией волшебной свежести, хотя он и чувствовал, что с каждым таким разом его собственный внутренний стержень всё истончается и истончается.

Даше становилось всё хуже: она падала в обморок по несколько раз в день, а переночевать в комфортных условиях не было никакой возможности. Поэтому Виктор, забывая о безопасности, разжигал вокруг засыпающей на оленьей шкуре девушки сразу несколько костров и пытался поддерживать в них огонь до самого рассвета, ни на секунду не смыкая глаз. Такая самоотверженность пока приносила мало плодов, кроме приближения к цели: Виктор чувствовал себя донельзя измотанным; он понимал, что продолжать путешествие таким образом никак нельзя, иначе финал окажется смертельно плачевным, а потому решил тратить время не на продвижение вперёд, а на поиск того, кто мог бы их хоть немного подвести.

Оставив Дашу отдыхать на обочине, граф встал посреди тракта и начал останавливать все проезжающие на север обозы. Некоторые прогоняли голосующего на дороге Виктора, не желая останавливаться. Другие останавливались, но заявляли, что в ближайший час они сворачивают в иную сторону. И лишь к вечеру одиннадцатого дня удалось «поймать» дряхлую крестьянскую телегу с впряжёнными в неё двумя лошадаками. На поводьях сидел, укутавшись в толстые грубые лохмотья, паренёк лет пятнадцати, а позади него находились ещё четверо: очень старенькие дед с бабкой, мужчина средних лет и маленькая девочка, возраст которой разобрать было невозможно из-за чрезмерной худобы и покрывающего её плотного одеяла.

Виктор взмолился о помощи и предложил в обмен всё, что у него было, вплоть до подаренного ему Пакемберга, но мальчик с поводьями оказался абсолютно бескорыстным. Он сказал, что они двигаются в сторону Арвенха, той самой деревушки, о которой рассказывал Герберт. Тайный герцогский склеп располагался от этого поселения всего в дне пути в сторону моря.

— Спасибо вам, — с облегчением выдохнул Виктор, затаскивая почти бездыханную Дашу в телегу. — Если бы не вы, так бы и настал нам конец здесь.

— Мы всегда стараемся помогать нуждающимся, — сказал мальчик. — Когда-нибудь и нам аукнется. Меня зовут Мильх, а это моя семья: бабка с дедом, отец да сестрёнка.

Семья Мильха выглядела болезненно. Все они находились в странном состоянии полудрёма, но на разговор всё-таки реагировали короткими движениями глаз и поворотами головы.

— Вы не подумайте, они не болеют ничем. Просто мы едем уже целую неделю и у нас совсем нет еды.

— У нас та же проблема, — грустно усмехнулся Виктор. — А что же с вами приключилось, раз вы едете так далеко и без каких-либо личных вещей?

— С нами приключилась беда, — вздохнул Мильх. — Арвенх переживает не самые лучшие времена: северные разбойники то и дело совершают на нас налёты и облагают невыносимой данью. И никто нам не помогает. Вот мы и ездим на заработки — убирали поля при поместье одного вельможи. Но когда срок нашей службы, довольно голодной, надо сказать, подошёл к концу, никто нам не выплатил и гроша. Усадили только на телегу и дали пинка под зад. А ещё

говорят, что знать заботится о своих подданных...

— Ох, не верится мне в настолько жестокую несправедливость, — покачал головой Виктор. — Вот прям ни гроша не дал вельможа-то? Кажется мне, что если помещик станет себя так вести, то его жизнь станет очень недолгой.

Паренёк замялся. После минуты раздумий ответил:

— Ну, да, было там кое-что ещё. То, что нас голодом морили — это чистая правда, не вру я. Коль давали по куску хлеба да долька тыквы на человека в сутки, и тому рады были. А так порой и вовсе сырые семечки грызть приходилось на завтрак и ужин, да водой грязной запивать. Вот и подворовывали мы, так сказать, как и все остальные. То морковку с поля утащим, то пару картофелин, а то и кочан капусты целый — так это праздник настоящий! А вельможа всё глядел да глядел на это, но виду не подавал, змеюка. Зато когда мы пришли за деньгами, закончив все свои работы, он вдруг заявил: «Воровали? Пошли вон!». И вот мы, не солоно хлебавши, возвращаемся в Арвенх.

— Да уж, печально. А что с разбойниками? Вы не хотите собраться всей деревней и дать им отпор? Один раз дадите вилами по наглым рожам нахлебников, и они больше не сунутся.

— Эх, господин...

— Джей... Викферт.

— Господин Викферт, пробовали мы. Да только деревня-то мала, десяток дворов всего. Из каждого по мужику, да по сыну — вот и вся наша армия невеликая. А шайка негодяев с каждым месяцем растёт — их уже наверное под сотню. Мы ж не воины, а крестьяне. У нас вон только батяка мой, да ещё пара человек раньше служили близ столицы, но этого для защиты не уж точно хватит. Дед меня учил стрелять из лука, но, боюсь, что живого человека я убить не смогу. Одно дело — дичь стрелять, а другое — отнимать жизнь.

— Но ведь разбойники без труда отнимут жизни у тебя и твоих родных, разве это не повод для решительных действий? Стоит ли класть горло на нож, как бараны, просто потому, что вы боитесь драться?

— Ох, господин, да это ж смерть верная! Раньше из ближайшей крепости раз в неделю к нам приходили за припасами лыцари, так вот в обмен они обходили округу Арвенха и прогоняли непрошенных гостей. Но сейчас к нам уже никто не приходит — видно забыли о нас совсем. Так-то.

— Эх, хотел бы я вам помочь, да времени у меня мало совсем, — тихонько произнёс Виктор, прикрывая лицо ладонью. — Хотя, я вполне могу прийти на помощь после того, как... после своих дел. Обещаю, я вернусь и вместе мы что-нибудь придумаем!

— Господин Викферт, не надо только нас зря обнадёживать. Один лишний меч нам ничем не поможет, а лишь раззадорит бандитов.

Виктор довольно ухмыльнулся, пододвинулся к Мильху как можно ближе и показал ему свою руку. Крепко сжав ладонь в кулак, он напрягся так, что, казалось, ещё миг и вены на запястье взорвутся от чрезмерного давления. Спустя несколько секунд пальцы разжались, образовав пригоршню, а в самом центре ладони вспыхнул яркий неугасающий сноп огня.

— Меч вам, может, и не поможет. А что насчёт настоящего волшебника?

Мильх от удивления чуть не потерял управление телегой. Его широко распахнутые глаза смотрели то на пламя, то на внезапно свалившегося на его голову кудесника. А Виктор, довольный полученным эффектом, щёлкнул пальцами и огонь тотчас испарился.

— Ну, господин Викферт, это же совсем другое дело. А вы правда сможете нам помочь?

— Обещаю, сделаю всё, что в моих силах. Но сперва мне нужно будет разобраться с одним своим делом, которое не терпит отлагательств.

— Какое дело, господин? Может, я смогу вам помочь?

— Не думаю. Хотя... где-то в окрестностях вашей деревни, ближе к морю, стоит старый-старый склеп. Он сокрыт от чужих глаз, поэтому обнаружить его практически невозможно. Но мне позарез нужно его отыскать, понимаешь? Вопрос жизни и смерти. Причём так быстро, как только это возможно.

Мальчик задумался. Почесав голову, сказал:

— Нет, не видел такого. Я всю жизнь рос в тех лесах, но склепов не встречал. Точнее, встречал, но только не скрытые и не у моря. Курганы, каирны, руины древних крепостей... но если кто и знает, где находится ваша гробница, то только наш деревенский староста. Если не помер ещё, пока нас не было. Мы можем спросить у него, когда приедем.

— А далеко ли ещё до деревни вашей? А то время-то поджидает.

— Клячи у нас скверные, еле тащат повозку. Думается, что за четыре дня прибудем, если голод и холод нас не добьют. Потому что через пару сотен вёрст начнутся холмы да горы, а дождь сменится снегом. А пока до снега не добрались — радуйтесь дождю; он хотя бы не отмораживает вам пальцы ног.

Виктор кивнул и устроился поудобнее. Оглядев всех своих попутчиков, он решил, что долго они в таком положении не протянут, а потому подвинул их поближе друг к другу, а прямо между ними и Дашей посадил совсем ещё маленькую девчужку. Затем прикрыл глаза и представил, что телегу со всех сторон окружает большой пузырь, не дающий теплу вылететь за его пределы. И действительно — стало на порядок теплее, даже ветер вокруг повозки почти сошёл на нет, и все пассажиры заметно оживились. Проснулись старики и отец, заёрзала девчужка. Даже Даша, постепенно приходя в себя, стала выглядеть гораздо здоровее: вновь зарозовели щёки, а глаза наполнились живым, неподдельным блеском. Мильх просто не мог нарадоваться своему новому знакомому-чародею, и на радостях даже пришпорил своих лошадей, выжимая из них всё, на что они способны, лишь бы поскорее прибыть домой, в Арвенх. Постепенно все друг с другом перезнакомились, и дальнейшее путешествие стало протекать гораздо веселее. Но Виктор и Даша всё ещё старались сохранить конспирацию, дабы не вызвать случайный гнев местного контингента. Для общества они были господином Викфертом, странным путешественником, и его спутницей Дафной.

Через некоторое время действительно повалил снег. Сперва это были лишь мимолётные редкие снежинки, сразу же тающие, лишь переходя границы магического пузыря, поддерживаемого Виктором, но вскоре осадки переросли в сильный снегопад, которому сила рун оказалась не помехой. Местность сменилась на более неровную, и вскоре телега стала подниматься по извилистому серпантину на горный заснеженный кряж, густо усеянный вековыми соснами. Другие путешественники стали встречаться столь редко, что Виктор даже несколько расслабился. По его мнению, никто не мог догадаться, где они с Дашей сейчас находятся и куда направляются. А то, что древний склеп упоминался в беседе с герцогом, Герберт даже и

не вспомнит, а если и вспомнит, то не придаст этому ни малейшего значения. Как сказал Мильх, до крепости, якобы охраняющей Арвенх, полдня пути на лошади, так что охраной здесь даже и не пахнет, чем, разумеется, и пользуются северные разбойники и некоторые беглые преступники-пепельники. Хотя болотников в этих краях совсем нет — для них здесь слишком холодно и сухо; ящероподобные гуманоиды предпочитают более тёплые и влажные места. В идеале — далёкие заморские земли, где прямо над их головами нависает огромная тень газового гиганта, действующая на ту территорию как крышка парной теплицы.

Не в силах больше слышать урчащие от голода животы попутчиков, Виктор несколько раз отправлялся на охоту. На сей раз он использовал не пистолы, так как те находились в разряженном состоянии, а наспех выточенными из длинных прямых ветвей дротиками. Приноровиться к метательному оружию оказалось довольно сложной задачей, но дичи в здешних краях оказалось так много, что рано или поздно даже слепой попадёт в какого-нибудь щетинника своим копьём. Собственно, так и вышло — плотная пелена падающего снега практически лишала Виктора видимости, и метать дротики приходилось вслепую. Когда же с двадцатой попытки после очередного броска послышался агонизирующий крик мохнатого кабана, сердце Виктора наполнилось ни с чем не сравненной радостью, сладким чувством победы смешанной с гордостью за самого себя любимого. Довольный собой, иномирец лично разделал добычу и зажарил её на костре, а его новоиспечённая компания была настолько голодна, что кабан превратился в груды обглоданных костей всего за полчаса. С набитыми, наконец, животами и боевой настрой тут же подскочил до самых небес. Отец Мильха оставшийся до Арвенха путь вытачивал своим ржавым ножом из костей щетинника маленькие фигурки божеств Света, и Виктор в кои-то веки смог поподробнее узнать об этом странном, но до боли похожем на любой земной пантеоне богов. Главенствующей силой жители Авельонского герцогства считали неизмеримую обычными мерками сущность, пронизывающую всю вселенную, всю гелиоцентрическую систему мира. Свет был в каждой песчинке, каждом человеке и каждой звезде. Всё, что рождается, приходит из Света, и после смерти в него же и возвращается. Но есть и менее значимые, но всё же боги, правда, более одушевлённые и олицетворённые, нежели сам Свет: был здесь и бог стихий, богиня морских чудовищ, братья-боги Пороки. Всего их существует тридцать, но авельонцы почитают лишь двадцать семь из них, ибо оставшиеся трое — злые божества, подлые и злорадные, несущие лишь смерть и разрушение. К счастью, как сказал Мильх, вера в Свет, ежедневные молитвы, исповедь раз в месяц и маленький медальон на шее полностью оберегают верующего от всех злых сил.

Меньше чем за сутки до прибытия в Арвенх случилось непредвиденное событие. Виктор, разглядывая окрестный пейзаж, не сразу заметил у себя в груди странную, едва заметную, но до безумия навязчивую дрожь. Непонятная вибрация продолжалась не монотонно: она то угасала, то наоборот возгоралась с новой силой, и Виктор, беспокоясь о собственном здоровье, снял с себя верхнюю одежду. Увиденное заставило его схватиться за голову и практически впасть в истерику: на его шее до сих пор висел давным-давно позабытый медальон, подаренный иномирцу Грокотухом перед самым его предательством. Камень на цепочке мягко светился оранжевым светом и это именно он дрожал около сердца, привлекая к себе внимание.

Таинственное украшение внушало опасение: чем дальше продвигалась повозка, тем ярче светился камень. Виктор продемонстрировал эту странность Даше, но та лишь пожала плечами от непонимания, хотя сама, несомненно, тоже неслабо забеспокоилась.

И вскоре причина свечения камня стала ясна. Где-то впереди замаячили силуэты по меньшей мере дюжины обозов, и все они стояли так, чтобы полностью перегородить всем проезжающим дорогу. Виктор увидел также каких-то людей, и, прищурившись, попытался их разглядеть. А когда его взгляду удалось вычленить из этого бурана фигуру с размахистыми крыльями за

спиной, иномирец дёрнул Мильха за плечо и прокричал:

— Быстро, разворачивай телегу! Возвращаемся!

— Но... почему? Что это впереди за люди? Если разбойники — то у нас нет ничего ценного.

— Это не разбойники, — покачал головой Виктор. — Это работорговцы.

Мильх испуганно охнул и резко натянул поводья. С трудом развернул свою повозку обратно и пустил лошадей в галоп. Но старые и уставшие скакуны оказались чересчур медлительны — вскоре повозку окружили шестеро всадников во главе с предводителем Йормлингом, с которым Виктор успел познакомиться уже очень давно.

— Куда-то собрался, приятель? — спросил лидер наёмников-Орлов. — А мы тут, знаешь ли, как раз тебя и ждём.

— Какая неожиданная и приятная встреча, — пробурчал Виктор, вооружаясь Пакембергом. — Не смей приближаться! Я живым тебе не дам. Не для того проделал такой долгий путь, чтобы сдаваться тому, у кого в почёте лишь деньги...

— Но-но, осторожнее со словами, «граф». Ты-то, может, и готов расстаться с жизнью ради какой-то одному Свету понятной цели, а вот твои новые друзья-крестьяне и леди Лара Берк, или как там её там на самом деле, думаю, очень хотят жить. Правда, ребяташки?

— Прошу, не трогайте нас, — запричитал Мильх. — Мы ведь ничего вам не сделали...

— Это уже не мне решать, — пожал плечами Йормлинг. — Ведите свою дряхлую телегу к нашим обозам, и без глупостей, иначе уьём всех, начиная с маленькой девчонки.

Виктор понимал, что скорее всего слова Орла — чистый блеф, но рисковать жизнью ни в чём не повинных людей он не мог. Повинуясь, иномирец сложил оружие и похлопал Мильха по плечу:

— Давай, малыш, выполняй их требование.

И мальчик, повинуясь приказу, снова развернул коней. Прижавшиеся друг к другу от ужаса пассажиры повозки не издавали ни звука: они были так напуганы, что из них нельзя было вытащить хоть слово даже клещами. Кроме Даши, разумеется. Она, хоть и чувствовала себя абсолютным овощем, была готова потратить последние крохи сил на самоубийственный выпад в сторону превышающего численностью врага. Но она, как и Виктор, боялась, что крестьянам из-за этой бессмысленной атаки потом будет плохо.

Когда телега добралась до перегородивших дорогу обозов, пойманных путников встретил никто иной как сам глава каравана — хитрый и продажный пепельник Грокотух. Широко улыбнувшись и раскинув руки для объятия, он слащаво пролепетал:

— Вот это гости, м-м-м! Загляденье! Я уже устать ждать тебя, Век-тар Ев-ге-не-витч! Вот, даже имя твоё запоминать. А чего это ты так хмуриться? Бросить ты это дело, Вектар, давай лучше выпить за встречу.

С этими словами караванщик вытащил из-за пазухи бутылку магмагрога, и, не стесняясь окружающих, сделал пару глотков, никому больше напитков не предложив. Распробовав магматическое пойло и о чём-то задумавшись, он скомандовал:

— В кандалы их. Всех до единого.

Наёмники, не особо церемонясь, вмиг разоружили каждого пленника, даже перочинный ножик отобрали у Мильха, и заковали всех в наручники. Чарли же заблаговременно взмыл в серую затянутую тучами высь, но этой действие почти сразу же забылось на фоне других, более важных событий. Крестьян сразу же усадили в один из обозов, а Дашу и Виктора отвели к костру на другой стороне засады, где отдыхали остальные «Орлы» и другие пепельники.

Грокотух усадил пленников возле очага и снова громко их поприветствовал:

— Здравствовать, здравствовать, друзья из иного мира! Как же я рад вас видеть! Нет, вы только представьте: вас искать герцогская армия, личная гвардия герцогской дочери, весь инквизиторский орден и остальные охотники за головами, которые услышат о награде за ваши головы! Каким же оказаться мой настрой, когда я вспоминать о том, что давать тебе перед нашим не самым приятным расставанием поисковый кулон! Вот, посмотреть, у меня он тоже есть, — караванщик продемонстрировал Виктору точно такой же, как у него, камень на цепочке, который так же как и его копия источал оранжевый свет и слегка вибрировал. — Когда эти драгоценности теряться, то они снова находятся при помощи света и дрожи. Отличная вещь! Чем ближе они друг к другу, тем ярче свет. Гениально, согласись же, Вектар!

— Просто поклоняюсь гениальности этой подянки, — сплюнул Виктор. — Можешь проглотить свой подарок и подавиться им, сволочь.

— О, зачем же ты быть так строг ко мне? Я ведь думать только о хорошем. Честно-честно, я же не знаю, что ты не опасен. Нам говорить, что пришельцы из вашего мира — очень опасны и беспощадны, а, кроме того, они готовят какой-то государственный переворот. Я всего лишь выполняю свой гражданский долг, и ты не винить меня в этом!

— Если бы не твоя жажда лёгкой наживы и сущность работоторговца, то ты бы не стал поступать со мной так низко. Да вы же продали меня за мешок серебра как какую-то вещь! Как я могу тебя после этого не винить, скажи-ка мне?!

Грокотух осуждающе покачал головой:

— Во-первых, не за мешок серебра, а за мешок золота, это большая разница. Во-вторых, не смей повышать на меня голос, собака, иначе ты и твоя девчонка умирать раньше времени страшной и мучительной смертью!

— Тоже мне, запугал, — фыркнула Даша. — Мы столько раз пролетали на волосок от смерти, столько раз заглядывали в пасть самой вечности, что ни капельки не боимся умереть. По твоей, пепельная рожа, милости, Виктора пытали в темнице Ордена. И боли ему там доставили столько, сколько ты не испытывал за всю свою жизнь. Ты даже не сможешь себе представить, через что нам пришлось пройти ради того, чтобы достичь поставленной цели. Так что после всего, что мы вместе пережили, мы с гордостью встретим любое препятствие, пусть ей окажется даже сама старуха-смерть. И знаешь, почему нам плевать на твои угрозы, серокожий? Потому что есть вещи, за которые стоит бороться. Тебе, мелочному мерзавцу, этого никогда не понять.

Грокотух разъярённо зарычал и со всего размаху отвесил девушке пощёчину. Но та, лишь тихонько зашипев, восстановила на лице победную ухмылку и подмигнула Виктору, подбадривая его, не давая пасть духом.

— Не смей мне язвить, иначе... иначе я убью крестьян. Не думать о себе — так позаботиться о

них.

Виктор крепко сжал челюсти, чтобы ненароком не вымолвить какую-нибудь обидную для караванщика глупость. Даша, видимо, занялась тем же самым, потому что ни слова за всю последующую беседу она так и не вымолвила.

— Если тебе интересно, — смягчился Грокотух. — Весь Авельон стоять на ушах. Герцог аннулировать брак. Он просто в бешенстве, как и вся знать. Все бросаться на поиски поганца, и теперь уже каждый знать, что ты приходишь сюда из другого мира. Настоящих Джеймса и Лару Берк давно отыскали, и теперь помещик из Марлонно тихонько сходить с ума от правды о том, что ты сделать под его именем на турнире и после него. Какой кошмар, какой позор! Тебе ещё повезти, что отыскать ваш дуэт именно я, а не леди Оливия. Да-да, она лично в составе своей гвардии прочёсывать места к северу от Авельона, и они, возможно, почти нагнать вашу глупую компанию. Ха-ха, Вектар, ваша песенка спеть!

— Столько лет живёшь среди людей, а говорить по-человечески так и не научился, — Виктор старался контролировать каждое своё слово, дабы ненароком не задеть не щадящего жизни простых людей пепельника. — Я тебя иногда совсем не понимаю. И, думаю, «Орлы» со мной в этом солидарны.

— Мне плевать, — отрезал Грокотух. — В общем, так: за ваши головы давать маленькую награду. За вас живых и ещё дышащих золота выплатить гораздо, гораздо больше. Так что повезти мы вас в закрытом обозе под усиленной охраной, и если кому-то из конвоиров вдруг казаться, что вы собираетесь творить свою мерзкую магию, он мочь пристрелить вас на месте, а потом и всех ваших друзей-простолюдинов. Лучше уж привозить вас хотя бы мёртвыми, чем вовсе упустить награду из рук.

— А ты сам-то, Грокотух, смерти не боишься? — хмыкнул Виктор. — Тебя схватят псы Его Преосвященства и вздёрнут на суку за торговлю живым товаром.

— Ой, я тебя умолять, — махнул рукой караванщик. — Хотеть меня напугать? Так знать, что я этим делом заниматься уже многие-многие годы, как мой отец, как мой дед. Торговля налажена так хорошо, что среди стражников, инквизиторов и даже знатных вельмож всегда находиться наши друзья и знакомые, а также мои личные клиенты. Деньги решать всё в этом мире!

— И в нашем мире тоже, — пробурчал Виктор. — Но не зарекайся, змеюка. Рано или поздно и тебя ждёт клинок под рёбра.

— Может, и так. Но тебя настичь смерть гораздо раньше меня, а я ещё успеть искупаться в золоте за твою голову.

Грокотух приказал сворачивать лагерь. Виктора и Дашу, как и говорилось, посадили в отдельный обоз. Мало того, что их руки оказались намертво скованы кандалами, так эти самые кандалы ко всему прочему крепко прибили цепями к тяжёлым колодкам. Напротив них усадили одного из «Орлов» с заряженным арбалетом наперевес, но на этом охрана, как и ожидалось, не кончилась. По бокам обоза, не теряя бдительности, двигались на конях ещё двое наёмников, и каждый из них глаз не спускал с заключённых.

Караван стал отдаляться от Арвенха. Друзья снова двигались на юг. Даша, не смотря на печальные мысли о собственной скорой кончине старалась не унывать, она то и дело что-нибудь говорила, чтобы не провалиться в беспмятство, и заставляла также не терять сознание своего товарища по несчастью. За слишком громкие разговоры конвоир, что находился с ними

в одной повозке, подходил и давал обоим смачные оплеухи, после чего желание продолжать болтать мгновенно пропадало, но уже через полчаса возвращалось вновь. Глаза Виктора застилала пелена злости, и он не мог сосредоточиться на мыслях о побеге, как ни старался. Он пытался успокоиться, прийти в себя, и даже понимая, что это жизненно необходимо, иномирец всё равно не мог заставить себя не думать о мести и сосредоточиться на действительно важных вещах.

А вот Даша, напротив, оставалась с холодной головой и горячей решимостью сбежать из этого плена. Но и она, как назло, не могла придумать подходящий под ситуацию план. Ситуация усугублялась как минимум несколькими вещами. Во-первых, тотальным отсутствием оружия или хоть чего-нибудь, его заменяющего. Во-вторых, тщательной бдительностью конвоиров, коими были не какие-то пьянчуги, отрабатывающие свои пять грошей, а прекрасно обученные воины и убийцы, стаж которых внушал уважение даже у самых рьяных их врагов. В-третьих, даже чудом выбравшись из этой непростой ситуации, друзья никак не смогут достичь назначенного места в срок, ведь Мильх и его семья вместе с их повозкой и лошадьми сейчас находились вне зоны доступа. И эти крестьяне стали четвёртой причиной, затрудняющей положение: совесть не позволяла бросить их на произвол судьбы, потому что Даша знала точно — этих ребят никто не отпустит. В лучшем случае — прирежут да бросят тела в снег на съедение падальщикам, а в худшем — продадут на пиратские галеры или на стройку ханских пирамид в далёких пустынях. В любом результате их в итоге ждала лишь смерть, в одном варианте быстрая и относительно безболезненная, а в другом медленная, мучительная и голодная.

В таком состоянии караван прошёл в сторону Авельона не меньше пяти часов, прежде чем обозы по неведомой причине остановились. Личный сторож пленников-иномирцев напрягся, приоткрыл окошко и спросил у одного из товарищей, что происходит. Тот ответил, что их остановил встречный патруль, но уже вскоре караван продолжит движение.

Стоянка несколько затянулась. Пятнадцать, а то и двадцать минут Грокотух о чём-то громко спорил с кем-то из встретившегося ему на дороге патруля. Причина жаркого спора могла оказаться абсолютно непредсказуемой, и Виктор только сейчас осознал, в каком плачевном положении он сейчас находится. Если же вдруг караванщик что-нибудь не поделит с тем, с кем он сейчас разговаривает, то в пылу их боя выбраться из кандалов вряд ли удастся. Хотя, решил иномирец, поживём — увидим.

Грокотух что-то прокричал, и почти все наёмники бросились к головному обозу — поближе к своему работодателю. Лишь один из «Орлов», сидящий рядом, остался в обозе.

— Да что там происходит? — чуть ли не лопалась от интереса Даша. — Ты ничего не видишь?

— Как я могу что-то увидеть через это окошко? — прошипел в ответ Виктор. — К тому же, когда его загораживает голова этого недотёпы в латах.

Девушка шумно выдохнула и о чём-то задумалась. Спустя минуту она радостно засияла и довольно подмигнула товарищу:

— У меня появился план, — сказала она. — Только ты должен сделать всё в чёткости, как я скажу.

— И что же это за план? — нахмурился Виктор. — Напомню, нас пристрелят, если мы позволим себе использовать силу рун.

— Да не волнуйся ты. Главное — не попадись. Смотри, охранник сейчас следит за нами лишь в

полглаза, так что у нас есть небольшой шанс. Так вот. У меня в декольте лежит... мобильник. Небольшой такой, дамский, ну, ты понимаешь. Я его сейчас как чересчур раздувшийся кулон ношу.

— Мобильник? — удивлённо изогнул бровь Виктор. — Тот самый, который был у Палача, когда он меня пытал?

— Ага, тот самый. Но не в том дело. Тебе нужно незаметно расстегнуть у меня на груди две пуговицы и достать оттуда телефон. И прекрати строить эту глупую гримасу, в этом ничего смешного нет. И так как руки у нас скованы, тебе придётся это сделать зубами.

Виктор чуть не расхохотался от абсурдности ситуации. Он лишь на миг представил, как он выполняет поставленную задачу, и из горла сами собой стали вырываться короткие смешки. Но всё-таки заставив взять себя в руки, он спросил:

— И чем нам поможет твой мобильник, даже если я его смогу незаметно достать?

— Если достанешь — я объясню. Если же нет... то объяснение тебе больше не понадобится. Приступай.

Собравшись с духом, Виктор в очередной раз бросил взгляд в сторону стражника, и, удостоверившись в том, что тот пока занят несколько иным от слежения за пленниками делом, плавными движениями приблизился к Дашиной груди. Стараясь не впасть в панику, он медленно, но не совсем уверенно расстегнул зубами две верхние пуговицы на её рубашке, а потом тем же путём вытащил наружу и сотовый телефон.

— Ну, фто дальфэ? — не раскрывая рта спросил иномирец.

— Теперь так же аккуратно переложи его себе на колени.

Виктор с трудом и жуткой болью перекусил цепочку и переложил устройство с Земли на колено, прижав его к своей груди как можно плотнее. Стражник, видимо, не заметил этого странного действия: он продолжал глядеть в окно.

— Супер, — улыбнулась Даша. — А теперь прояви максимальную осторожность. Я надеюсь, что батарейка мобильного всё ещё не до конца разряжена. Понимаешь, когда я обнаружила у себя телефон, я была безумно счастлива. Мне казалось, что Лагош сделал для меня огромный подарок. Ведь в памяти телефона хранятся все мои любимые фотографии, песни, видеоролики... в общем, много чего, о чём я, находясь в этом мире, очень скучаю. И однажды, когда аккумулятор почти разрядился, я выключила мобильник, и решила, что включу его лишь тогда, когда мне это будет действительно необходимо, чтобы вспомнить о чём-нибудь из прошлой жизни и пустить по воспоминаниям горькую слезу.

— Хорошо, хорошо, это я понял. А что делать мне?

— Во-первых, зажми кнопку отмены вызова. Так телефон включится. Надеюсь...

Виктор выполнил указание. Даша облегчённо вздохнула, когда экран мобильного засветился и замигал приветственной фразой.

— Молодчина. А теперь тебе нужно отправить СМС с абсолютно любым содержанием на абсолютно любой номер. И через несколько секунд динамик разразится звуком отмены. А телефон у меня очень громкий, да и сам сигнал, который прозвучит, застанет того парня с

арбалетом врасплох.

— Предположим, я это сделаю. К чему это приведёт? Стражник попусту отнимет у нас игрушку и снова влепит пощёчину.

— Ну, влепит — так влепит, была не была. Просто доверься мне. Если получится — скажешь потом спасибо.

План казался полным бредом. Закатив глаза и покачав головой, Виктор стал нажимать на кнопки языком. С третьей попытки вошёл в меню, с пятой открыл папку с короткими сообщениями, и лишь спустя две минуты мучений смог нажать на кнопку «Новое сообщение». Немного передохнув, Виктор написал в СМС несколько несвязных символов, то же самое проделал и с полем «Получатель», после чего вопросительно взглянул на Дашу и после её утвердительного кивка надавил на зелёную кнопку вызова.

— Бросай его под ноги стражнику! — скомандовала девушка, и Виктор незамедлительно швырнул мобильник вперёд, пользуясь одной лишь силой челюстей. Телефон, чудом не разбившись, пролетел почти два метра, прежде чем рухнул прямо под скамьёй «Орла». Охранник недоумённо перевёл взгляд сперва на внезапную находку, затем на пленников, и потом опять на находку. Начал было вставать, готовясь наказать непослушных иномирцев, как вдруг раздался звук, оповещающий всех о невозможности отправления сообщения из-за отсутствия сигнала мобильной сети.

И звук этот, решил Виктор, оказался более чем подходящим. Сигналом отмены оказался громкий «взрыв» или «выстрел», который не на шутку перепугал «Орла», и, видимо, тех, кто находился снаружи. Громко заорал Грокотух: по всей видимости, он решил, что кто-то напал на конец обоза, пока он сам со своими наёмниками стоял возле его изголовья. Снаружи раздались первые выстрелы.

Стражник, испугавшийся грохота от мобильного телефона, сперва осознал, что ему пока ничего не угрожает, а затем распахнул дверь и выглянул наружу. В проёме Виктор смог заметить, как между наёмниками и кем-то ещё завязался бой, но в чью пользу он шёл — оценить пока не было никакой возможности. Привязанный к пленникам охранник не покидал поста, но не глядел в сторону заключённых — он наблюдал за битвой его товарищей. И в этот момент Виктор, максимально сосредоточившись, попытался расплавить свои кандалы силой рун. Вспотев и до боли сжав зубы, он всё-таки смог отыскать в себе остатки сил, после чего направил их в наручники, представляя себе, как они плавятся. В итоге произошло немного не то, чего Виктор ожидал, но результат оказался аналогичным: металл треснул в нескольких местах и рассыпался от малейшего движения. Иномирец, вспомнив о предательстве Грокотуха, наполнился злобой, и с голыми кулаками набросился на стоящего около дверцы «Орла».

Охранник среагировал почти мгновенно. Он резко развернулся и направил в сторону Виктора самострел, но тот в самый последний момент ударил по арбалету, уводя прицел в сторону. Болт всё-таки выстрелил, и, хоть в цель свою он не попал, зато пронзил случайную жертву — Дашу, пробив её правое плечо.

Девушка взревела от боли, а Виктор, разозлённый ещё сильнее, подпитался силой рун мощным ударом ноги выбросил стражника из обоза. «Орёл», пролетая из повозки, сильно задел головой дверной косяк, и оттого сразу же потерял сознание.

— Держись, Дашенька, держись, — Виктор бросился на помощь вопящей в агонии подруге. Оглядев рану, прикрыл своё лицо ладонью — болт проломал девушке ключицу, и теперь из-под

древка снаряда густым ручьём текла багровая кровь.

За пределами обоза всюду шёл бой между наёмниками и кем-то, кто в итоге мог оказаться как другом, так и ещё более злым врагом, нежели Грокотух со своими «Орлами», а потому Виктор поспешил с освобождением Даши. Он повторил свой фокус с раскалыванием кандалов на части и задумался, что делать с раной в плече. Решившись на отчаянный шаг, Виктор крепко схватился за основание болта, мысленно пожелал Даше удачи и что есть мочи потянул деревянный штырь на себя.

Не в силах сопротивляться боли, девушка отключилась. Она завалилась на бок, и из раны хлынула новая порция крови, столь критическая потеря которой могла закончиться для Даши фатально. Виктор вспомнил, как некоторое время назад обрубок его большого пальца был подвержен прижиганию, что, возможно, и спасло тогда иномирцу жизнь, и потому он решил повторить тот же самый фокус с Дашей. Прикрыв рану ладонью, Виктор силой мысли раскалил свои пальцы и стал ждать, пока не запахнет палёной плотью. Кое-как остановив кровавый поток, он аккуратно поднял девушку на руки и, заранее оглядев окрестности, вытащил её из обоза.

Теперь стало ясно, что нападающих на караван оказалось не меньше полусотни. Ни один из них не походил на разбойников, ополченцев или даже латников из герцогской армии. Все они были в лёгких кожаных одеждах с длинными пурпурными плащами за спинами, и лишь их грудь покрывали едва заметные кольчужные рубашки. На головах эти воины носили лишь глубокие капюшоны, а сражались они в большинстве своём либо длинными вычурными глефами и тяжёлыми алебардами, либо походили на древних греческих воинов, держа в одной руке лёгкий круглый щит, а в другой — короткое пехотное копье. По силе нападающие не уступали «Орлам», а потому потери с обеих сторон до сих пор хоть и оставались небольшими, но относились друг к другу в равных пропорциях. Виктор поблагодарил Вселенную, Свет и тридцать его богов, даже злых, за то, что битва происходила в полусотне метрах впереди, и даже пепельники-погонщики, которые в бой обычно не вступали, сейчас бились бок о бок со своими защитниками-наёмниками во главе с Йормлингом.

Немного пораскинув мозгами, Виктор решил, что ему необходимо освободить Мильха и его семью, а так же «угнать» один из обозов, чтобы как можно скорее добраться до Арвенха. На время оставив Дашу на земле, иномирец, стараясь не привлекать к себе особого внимания, проверил ближайшую к нему закрытую на засов снаружи телегу, но внутри обнаружили не те пленники, которых он искал. Шестеро испуганных оборванцев, едва учуяв запах свободы, немедленно сорвались и бросились наутёк. Виктор тяжело вздохнул и проверил другой обоз — история повторилась снова. Мильх со своей роднёй отыскался лишь в пятой по счёту телеге. Обрадовавшись почти благополучному исходу, беглецы пересели в личный дилижанс «Орлов», запряжённый тройкой сильных молодых коней и находящийся в самом конце караванной колонны, перенесли на мягкие кресла Дашу и едва тронулись в путь, как дорогу им перегородил непонятно как оказавшийся здесь Йормлинг. Широко распахнув своими крыльями, он одним движением руки заставил лошадей, приученных к его командам, остановиться.

— Я так и знал: что-нибудь пойдёт не по плану, — понурил голову Виктор, почти смирившись со своим поражением.

— Далеко собрались? — спросил «Орёл», направив лезвие своего меча в сторону иномирца. — На моём-то транспорте.

— Йормлинг! — раздался откуда-то издалека голос Грокотуха. — Ловить беглецов! Ловить и

убивать, если они сопротивляются!

Виктор несколько раз ударил коней хлыстом, но те не сдвинулись с места ни на шаг, и лишь покачали головами. Йормлинг посмотрел сбегающему пленнику прямо в глаза, и эта визуальная дуэль длилась, казалось, целую вечность. Лидер наёмников в любой момент мог одним рывком достичь своего противника, одним коротким взмахом оборвать его жизнь, затем ворваться внутрь транспорта и так же безжалостно расправиться с остальными пассажирами. Но он этого не делал. Размах его крыльев с каждым мигом сужался и сужался, а вместе с ним утихал и накал страстей. В конце концов Йормлинг и вовсе понурил голову, опустив взор в землю. Виктор смотрел на крылатого латника, но теперь он видел в нём не отчаянного головореза, сражающегося за деньги, и не бывшего члена инквизиторского Ордена, жаждущего вернуться в строй. «Орёл» сомневался, и это отчётливо ощущалось в его взгляде, его осанке, в каждом движении тела.

— Ловить его! Ловить! — кричал караванщик, но лидер наёмников уже не внимал его словам. Вместо этого он вновь упёр взгляд в Виктора, и крылья его вновь приобрели былой размах.

— Грокотух сообщил, что все тебя ищут. Но он не захотел упоминать, что многие выступают и за то, чтобы инквизиторские, герцогские и прочие ищейки оставили тебя, наконец, в покое. Они хотят знать, зачем человек из иного мира явился сюда. Они хотят понять тебя, твои мотивы, или же мотивы того, кто тебя сюда перенёс. В общем, не все гонятся за тобой, чтобы сдать Его Преосвященству за увесистый мешок золота.

— За... зачем ты мне всё это говоришь? — не понял Виктор.

— Многие верят, что пришелец из другого мира — это высшее благо, милость самого Света. Кое-кто даже поговаривает, что однажды ты сможешь разобраться со всеми проблемами герцогства. А лично я считаю, что граф с чужой планеты, имеющий чистое сердце и здравые помыслы, станет лучшим правителем для нашего государства, ведь он не будет связан ни с кем абсолютно никакими ниточками, и сможет беспристрастно управлять всеми доверенными ему землями. Возможно, такой государь сможет окончательно примирить ханство пепельников и человеческое герцогство. Возможно, именно такой граф найдёт общий язык с ящероподобными болотниками. Так вот скажи мне, Виктор, Викферт, Джеймс Берк или кто ты там ещё, ты сможешь оправдать возложенные на тебя надежды? Если дать тебе шанс, ты сможешь однажды вернуться и всё исправить? Я вижу, что ты владеешь Пакембергом — родовой реликвией семьи Чаризз. Украсть его самому попусту невозможно, я в этом уверен. А, значит, герцог лично вручил тебе этот меч, оказав тем самым самое особое доверие, какое он только может кому-либо оказать. И я верю Его Светлости. Верю и доверяю. А потому отпускаю тебя. Я и мои ребята не работоторговцы, мы лишь выполняли то, за что нам платили. Но теперь с нас хватит. Хватит прогибаться под серокожего аморального чужеземца, разлагающего наше герцогство. А теперь идите. Идите, пока я не передумал!

— По-постой... кто на вас напал? Почему вы сражаетесь?

— Мне, конечно, не стоит сейчас сбивать тебя с толку, да умолчать не могу. Это личная гвардия твоей как бы жены, леди Оливии Чаризз-Берк. И сама графиня сейчас тоже находится здесь, а потому вам надо бежать как можно скорее. И если тебя это действительно волнует, то сражаемся мы не потому, что Оливия узнала про тебя, а потому что её гвардия наткнулась на работоторговца со своим товаром.

Виктор, тронутый речью лидера наёмников, не смог больше сказать ни слова. Лишь коротко кивнув, он вновь хлестнул лошадей по спинам, и теперь они радостно бросились в путь. А

Йормлинг, тем временем, крикнул позади:

— «Орлы»! Отступить! Сложить оружие!

* * *

Последующие несколько дней пролетели как один. Совершенно неожиданно вернулся Чарли, о существовании которого Виктор чуть не позабыл. Тракт закончился уже давным-давно, но едва заметная дорога всё продолжала тянуться далеко на север. В конце концов она упёрлась в совсем уж небольшое поселение о десяти крохотных хижинах в нордическом стиле, окружённое едва ли защищающим от нападений разбойников деревянным частоколом. Расположение Арвенха казалось очень удачным: в его центре бил тёплый ключ, плавно перетекающий сперва в небольшой ручеёк, а затем и широкую быструю реку, впадающая в море далеко на западе. Сразу за стенами густая стена хвойного леса скрывала поселение от бурь и буранов, а также прятала деревню от чужих глаз. К сожалению, однажды Арвенх всё-таки был обнаружен, и при этом совсем не добрыми людьми.

Мильха и его семью встречали все. Сплочённые жители потратили на радушные приветствия и объятия четверть часа, прежде чем заметили стоящих в стороне и ждущих своей участи чужаков. Они пугливо осмотрели незнакомцев, и Мильх поспешил им объяснить, что Виктор и Даша — новые друзья, защитники деревни. Кроме того, ещё и могучие волшебники! После такого заявления отношение к чужеземцам резко сменилось на максимально положительное: добрых гостей расположили в доме старосты, который, как оказалось, всё ещё жив, и накормили чем Свет послал: пресной реповой кашей да вяленой рыбой с чёрствым хлебом. Даша, к тому времени уже относительно пришедшая в себя после попадания арбалетного болта в плечо, в целом и общем рану свою смогла исцелить при помощи силы рун, но окончательно залечиться не смогла: её жизненные силы таяли прямо на глазах. И происходило это, по мнению Виктора, из-за окончания предоставленного Даше срока для расшифровки печати и исполнения её воли. А потому, набив животы и как следует отогревшись, друзья решили, что на отдых стоит потратить не больше пары часов, потому что времени оставалось катастрофически мало. И пока «могучие волшебники» изволили отдыхать, Мильх расспрашивал у старосты о старом склепе, который ищут чужеземцы. Старик был мудр и умен, но память его уже подводила, а потому ему пришлось покопаться в собственной библиотеке, состоящей из пяти ветхих книг. В одной из них, «Летописи Арвенха», упоминалось о древнем сооружении, по описанию и местоположению напоминающем то, что искали Виктор и Даша, но там же говорилось и о запрете его посещения. Почему — неизвестно, но Мильх был уверен: это именно то, что нужно отыскать его новым друзьям.

Отдохнув и обрадовавшись отличным новостям, Виктор и Даша собрались было в путь, но на выходе их задержала бабушка Мильха. Она подарила путникам пусть старые и жёсткие, но всё же тёплые шубы. Весь Арвенх пожелал своим новым защитникам удачи и попросил поскорее возвращаться, пока разбойники не пришли за очередной порцией дани, возможно даже кровавой.

И иномирцы остались совсем одни против целого леса. Следуя полученным от старосты подсказкам, они меньше чем за сутки интенсивного шага прошагали такое расстояние, какое не смогли бы преодолеть даже верхом. Их подгоняло возбуждение и предвкушение скорой победы, к которой они стремились столь долго и упорно. Когда усталость начинала одерживать верх, Виктор брал Дашу за руку и вместе они старались синхронизировать свои силы рун, создавая непреодолимый барьер бодрости и решимости. Возможно, именно из-за такого настроения их не трогали дикие звери — снежные барсы, голодные медведи-шатуны и озлобленные стаи тощих волков просто обходили путников стороной, хотя Виктор и без того

был готов к бою хоть с целой армией разъярённых хищников.

Заледеневшего берега моря достигли поздней ночью. Где-то на горизонте горело полярное сияние, и Даша посчитала это хорошим знаком, хоть в подобные суеверия она не верила. Виктор тоже воодушевился этим переливающимся зрелищем и с удвоенным рвением продолжил поиски тайного герцогского склепа.

Путники искали эту гробницу до самого утра, и с каждым часом прочёсывания покрытой высокими сугробами местности настрой падал всё ниже и ниже. Решимость медленно но неуклонно угасала, а вместе с ней терялась и уверенность в скором успехе. Неожиданно Даше снова стало нехорошо, но от помощи она отказалась, стараясь самостоятельно держать на своих двоих. В конце концов Виктор всё-таки подхватил спутницу одной рукой, а другой зажёл яркий огненный шар, дабы он послужил таким импровизированным фонарём.

Вскоре Даша потеряла сознание, и Виктор понял, что это совсем не из-за усталости. Срок девушки стремительно подходил к концу, и если ей не помочь прямо сейчас, в этот самый момент, то потом станет уже слишком поздно.

Виктор глубоко вдохнул и призвал очередную порцию бодрости. Второе дыхание не преминуло явиться, даровав иномирцу ещё пару часов прилива энергии. Мышцы вновь затвердели, дыхание выровнялось, а пламя в левой ладони разгорелось с новыми силами. Виктор перекрыл в своём сознании всё, что могло его затуманить. Он оборвал самому себе доступ к собственному эго; теперь всё, о чём были его мысли — это лишь о цели, о склепе. Последнее слово засело в голове как назойливый клещ, впившийся в кожу. Оно всё звучало и звучало прямо над ухом:

Склеп. Склеп. Склеп.

А на фоне этого монотонного надоедливого речитатива гремели часы из дворца. Бом-бом. Склеп. Бом-бом. Склеп. Бом-бом.

И неожиданно всё вокруг прояснилось. Виктор заметил вдалеке какое-то бледное зеленоватое свечение, но что это — разобрать не смог. Он зашагал к этому свету через сугробы, постоянно обо что-то спотыкаясь. Пламя пришлось потушить, чтобы взять Дашу на руки, и Виктор почувствовал себя настоящим атомным ледоколом, пробираясь сквозь такие почти непреодолимые препятствия. Вдобавок ко всему снова повалил снег и поднялся пронизывающий до костей ветер. Где-то вдалеке раздались пугающие раскаты грома.

И как только Виктор достиг нужной точки, свечение пропало. Но никакого склепа здесь не наблюдалось, равно как и вообще хоть чего-либо, что могло этот свет излучать. Разозлившись на очередную неудачу, на плохую шутку Судьбы, Виктор уложил Дашу под одним из деревьев и протяжно закричал, выплёскивая накопившуюся в нём за время всего пребывания в этом мире злость, ярость и иные негативные эмоции. Как же так, думал он, неужели всё закончится именно так? Неужели весь этот путь, который он проделал, оказался пустой тратой времени и сил? Зачем Лагош поступил так подло, забросив его так далеко от родной Земли и повесив на него такую непосильную задачу?

Виктор разозлился на себя, Лагоша, судьбу и сам Свет настолько сильно, что одним рывком сорвал с пояса ножны с клинком и со всего размаху выбросил его куда-то в сторону, после чего, чувствуя себя абсолютно побеждённым, без каких-либо сил или желания искать свалился в сугроб и прижал колени к груди.

А где-то рядом послышался глухой звук чего-то большого и падающего. Приподняв голову и

оглядевшись, Виктор раскрыл от удивления рот. Губы застыли в безмолвном вопле то ли непонимания, то ли наоборот — осознания происходящего. Выброшенный Пакемберг упал прямо на камуфляжный настил из сосновых ветвей, усыпанных снегом, и вся эта защита разом рухнула в глубокую рукотворную яму, которую она и прикрывала от посторонних глаз.

Виктор тут же вскочил на ноги и подбежал к яме. К её дну по стене спускалась потрескавшаяся, почти истёртая, но всё же каменная и всё ещё целая винтовая лестница. А далеко внизу, куда упал Пакемберг, виднелась закрытая на засов дверь.

— Чёрт возьми, — выругался Виктор, хлопнув себя по лбу и повернулся к Даше. — Чёрт возьми, мы нашли, мы нашли его!

* * *

Воспоминание из прошлой жизни, причём совсем недавнее, вдруг встало поперёк горла. Виктор Евгеньевич Богданов, умирающий от рака старик с Земли, с трудом протискивается между грязными могилами на кладбище и сетует на кучи мусора, которые никто не в состоянии убрать. Вот он медленно подходит к месту вечного упокоения своей любимой жены Лизы и сидит рядом с ней целую ночь, ведя с давно почившей возлюбленной непринуждённую беседу-монолог. То чувство конечности происходящего, смертности всего бытия, меланхолии, грусти и вселенской тоски — всё это сейчас ворвалось в разум Виктора, внушило целый разряд ощущения безысходности, но в то же время вернуло уважение к предкам, не своим праотцам, а к предкам любой цивилизации, к тем, кто давным-давно истлел и оставил после себя лишь увядающие воспоминания.

Дверь поддавалась с трудом. Она не была заперта, нет. Напротив, услужливый рычаг справа от неё словно говорил: «Давай же, нажми на меня!». И Виктор незамедлительно дёрнул этот рычаг, на всякий случай поворачиваясь к проходу спиной и прикрывая от возможных ловушек лежащую на его руках без сознания Дашу. Но никакой подлости не произошло; где-то в глубине сооружения заработал дверной механизм. Заскрипев и загудев, он с натугой и кучей поднятой в воздух пыли медленно отворил перед путниками дверь и замолк.

Подземная гробница хоть и принадлежала самому знатному роду во всём герцогстве, но внешне по ней сказать этого было совершенно нельзя. Длинный узкий коридор с поддерживающими потолок стальными балками казался красивым, опрятным, но не вычурным и уж явно не герцогским. Неспешно шагая по мощёным плитам, Виктор по пути зажигал висящие на стенах факелы, причём сейчас ему для этого не требовалось касаться их руками. Один взгляд на факел — и вот он уже ярко горит, заполняя помещение колышущимся светом, слегка потрескивая от собственной древности и поднимая к потолку едва чернеющий дымок.

В конце коридора находилась ещё одна дверь, на сей раз слегка приоткрытая. Она не выглядела крепкой, потому что единственной металлической частью в ней была железная ручка, а всё остальное оказалось лакированным деревом. Отмахнувшись от свисающей с потолка паутины, Виктор ногой отворил дверь и втиснулся вместе с Дашей в невысокий проход.

Сразу за дверью находилось небольшое округлое помещение всего дюжину метров в диаметре. Здесь факелов не было, зато в самом центре комнаты стоял окружённый мелкой решёткой постамент с ритуальным кострищем. Виктор зажгёт его, и на миг даже испугался того, что он увидел: вокруг него, прямо по периметру стены, грозно возвышались до самого потолка пятнадцать невероятно красивых, но в то же время пугающих саркофагов, лишь один из которых всё ещё оставался открытым, ожидая в своё лоно нынешнего правителя Авельона —

Герберта Чаризза. На крышке каждого саркофага, практически повторявшего строение тела человека, но увеличенного в полтора раза, был изображён какой-нибудь бог из церкви Света, о которых Виктор услышал накануне от отца Мильха. Глаза каждого из божеств, похожие на рубины размером с персик, ярко отражали зажжённый в центре помещения свет, но они не выглядели при этом зловеще или пугающе. Напротив, взгляды саркофагов источали умиротворённость, монументальность и что-то иное, неуловимое для непосвященного человеческого разума.

Виктор аккуратно положил Дашу на пол, прислонив её спину к стене, а сам тем временем постарался прийти в себя от увиденного и начал поиски того, зачем он, собственно, сюда пришёл. Книга должна была находиться где-то здесь, в этой самой комнате, в такой дали от цивилизации, тепла и комфорта. На миг Виктор представил, насколько же далеко его забросило от родной Земли, на которую обратного пути уже нет и никогда не будет. По замёрзшей щеке скатилась одинокая скупая слеза. Разозлившись на собственную плаксивость, Виктор резко смахнул её и решительно принялся за поиски.

Кроме массивных саркофагов в помещении находились несколько крупных сундуков с личными вещами и драгоценностями всех упокоенных здесь правителей древности. Они тоже не были закрыты, как и входная дверь, так что Виктор без труда стал тщательно обыскивать каждый из них. Тут было всякое: ценные книги, личные журналы, золотая посуда, превосходное оружие, дорогие украшения, в том числе и короны, одежда, обувь и даже портреты находящихся в этой комнате герцогов. Всё это, кроме литературы, Виктора не интересовало, поэтому он достал все написанные от руки тома, аккуратно смахнул с них пыль и стал по очереди их просматривать. Попадалось ему и «Жизнеописание Шульца Чаризза, четвёртого герцога Авельонского», и «Тайны астрологии, книга третья», и «Сказ о хане Лундуке, охотнике Буртаге и о прекрасной царевне Зундурбук», но ни одна из этих книг явно не могла претендовать на титул той самой Книги Сожалений, которую якобы нельзя читать, но ради которой даже максимально самовлюблённый вор готов рискнуть жизнью, чтобы её выкрасть прямо из под носа церкви и всего Ордена. Виктор вдруг решил, что он обязательно её прочтёт после того, как всё это закончится, потому что раз эти знания так тщательно скрывают и охраняют, значит, их обладатель получит невиданную силу, власть или что-нибудь подобное. Но для начала Книгу всё-таки предстояло отыскать.

— Да где же ты, чёрт возьми?! — снова разозлился Виктор, по третьему кругу обыскивая каждый сундук. Ни в одном из них искомая вещь не наблюдалась. Тогда иномирец отставил сундуки в сторону и стал внимательно осматривать стены и сами саркофаги, надеясь, что разгадка кроется именно в них. Но молчаливые боги с рубиновыми глазами ответ давать не желали. Виктор проверил их на наличие секретных рычажков или кнопок, подёргал за каждую выпирающую из них деталь, но всё оказалось тщетно: если в этом помещении и находилось что-то тайное, то оно было скрыто настолько хорошо, что простой человек никогда не додумается, где это искать.

Потратив на безрезультатные поиски почти целый час, Виктор вдруг вспомнил и о Даше, что лежала рядом. Он присел рядом с ней и, убедившись в наличии пульса, попытался разбудить девушку лёгкими шлепками по лицу. Даша на эти действия никоим образом не отреагировала и продолжила лежать тряпичной куклой. Её дыхание замедлилось, а кожа похолодела, и Виктор готов был поклясться, что буквально чувствует, как чёрная когтистая лапа смерти уже тянется по коридору с факелами. Даже слышались шаги, от которых Чарли вдруг занервничал и стал летать по помещению кругами.

— Стоп. Что? — нахмурился Виктор, подходя к двери и заглядывая в коридор. Если смертельная длань ему почудилась, то шаги определённо были настоящими. Причём звук шёл

не от одной пары ног, а сразу от нескольких, заставляющих под своим весом скрипеть сугробы и ломаться ветки. Виктор продолжил стоять, наблюдая за коридором, не в силах сдвинуться с места от закравшегося в его сердце ужаса. И вот он уже услышал, как тяжёлые каблуки ступили на разваливающиеся ступени, как ноги ускорили темп и звуки шагов с каждым мигмом становились всё громче и громче. Казалось, что даже ветер смолк, затаившись, испугавшись непрошенных гостей. А Виктор всё продолжал ждать, попутно перебирая десятки вариантов, кто мог отыскать его в такой далёкой и дикой глуши.

Сперва появились тени. Они быстро увеличивались, предзнаменуя появление кого-то неожиданного. Через пару мгновений в коридор твёрдой поступью вошли друг за другом несколько силуэтов, и Виктор не сразу понял, кто это идёт. А когда всё-таки разглядел, громко выругался и резко захлопнул дверь, после чего приставил к ней два сундука, взгромоздив их друг на друга.

— Открывай, лжеграф, твоя песенка спета, — зарычал верховный инквизитор Клод Люций. — Открывай немедленно, во имя Света, и мы, возможно, сохраним тебе жизнь, если ты раскаешься в своих злодеяниях и согласишься на сотрудничество!

Испугавшийся резкого голоса Чарли вдруг взмыл под потолок и уселся на верхушке одного из саркофагов. Спускаться вниз он явно не собирался.

— Нет уж, Ваше Преосвященство, — крикнул в ответ Виктор. — Проваливай отсюда! Оставь меня и Дашу в покое!

— О, твоя подружка тоже с тобой, да? Ох, как много она нам насолила, ты и представить себе не можешь! Столько вылазок в храм... столько обращённых в полнейший хаос библиотек... и после такого святотатства ты смеешь её покрывать?! Послушай меня, девчонка, ты проиграла свою маленькую войну! Твой горячо любимый покровитель Рагнар Чёрный сегодня утром был вздёрнут на самой высокой рее «Принципио», корабля адмирала Николаса Шарпа! Что, каково себя чувствовать загнанной в угол крыской, а?

Виктор поблагодарил судьбу за то, что Даша этого не слышала. Подумав над ответом, сказал:

— Тебе не взять нас живыми. Мы будем драться до последнего вздоха!

— Ну, скажи, зачем тебе это? Обманул всё герцогство, предал Герберта Чаризза, обесчестил его единственную дочь. А теперь бежишь непонятно куда и непонятно зачем. К чему всё это? К чему всё это, если ты всё равно в таком темпе напорешься на наши инквизиторские клинки?! Как видишь, нам не составило труда отыскать тебя даже в этой глуши. Склонись перед нашей силой, силой Света и величием Его Светлости!

Виктор бы сейчас с удовольствием повторил эпизод из одного давным-давно просмотренного им фильма, где герой, запертый и окружённый, выпускает своих преследователей внутрь, даёт себя схватить и показывает всем гранату с выдернутой чекой, после чего взрывает всех и вся, в том числе и самого себя. Но у Виктора с собой не было и быть не могло никаких гранат, так что идея на первый взгляд казалась абсолютно безнадёжной.

— А что, если...

Виктор представил перед собой огромный огненный шар, гораздо больше, чем он когда-либо делал, превосходящий своими масштабам даже герцогский дворец. Чётко его сформировав в своём сознании, с трудом сжал его сперва до размеров арбуза, затем до яблока и в итоге уменьшил снаряд до маленькой вишенки. Маленькая огненная ягодка только казалась на вид

безобидной — на самом же деле она содержала в себе всю мощь первоначально задуманного пламенного «привета». И в нужный момент его можно было мгновенно увеличить всего лишь при помощи одного мысленного посыла.

— Эй, ты чего это там замолчал? — спросил инквизитор. — Послушай, Викферт, или как там тебя... я даю тебе последний шанс сдать добровольно, иначе мы выламываем дверь и ты со своей подружкой умрёшь медленной и мучительной смертью. Выбирай свой путь, предатель. У тебя есть минута на раздумья.

— Что за мода пошла — смертью нас пугать? Пф-ф.

Виктор в очередной раз оглядел Дашу — та была совсем плоха. Он снова попытался её разбудить чтобы проститься с ней, но та никак не реагировала, и, похоже, почти не дышала. В смятении Виктор несколько секунд бегал по помещению, судорожно пытаясь отыскать то, что не смог найти за всё проведённое здесь время, но это, разумеется, не принесло ему никаких результатов. Почти потеряв контроль над собственным самообладанием, он всё-таки заставил себя собраться и принять бой достойно. Взяв в правую руку рукоять Пакемберга, а в левую — скомканный до размеров ягоды огненный шар, Виктор встал в боевую стойку прямо напротив саркофагов, и с вызовом посмотрел на забаррикадированную дверь. Вся его новая жизнь, начиная с первого появления Лагоша, пронеслась перед глазами, не вызвав абсолютно никаких негативных впечатлений. Виктор вдруг понял, что всё произошедшее с ним в этом мире ему понравилось, несколько интересным выглядел даже тот факт, что его однажды продали как раба. Всё это было одним большим приключением, о котором и не мог мечтать умирающий от рака старик.

— И всё-таки спасибо тебе за предоставленный шанс, Лагош, — грустно улыбнулся Виктор. — За шанс, за печать и за всё остальное.

За дверь угадывалось какое-то движение. Видимо, Клод Люций собирался выламывать дверь.

— Стоп, — почему-то нахмурился иномирец. — Печать, печать... Узреть мимоходом, что скрыто от взгляда... хм... услышать беззвучного грома раскат. Лихой и желанной казалась награда, и нет уже больше дороги назад. Так-с... свободе поддавшись, свой нюх напряги, и запах костра не замедлит явиться. Не будет друзей, разойдутся враги — лишь надо железным богам поклониться. Лишь надо... железным богам?!

Виктор резко обернулся и взглянул на саркофаги. На него своими огромными рубиновыми глазами глядели тринадцать богов-истуканов. Постучав по одному из них, Виктор убедился, что сделаны эти изваяния из металла.

— Чёртовы железные боги! — воскликнул иномирец. — Лагош, сукин ты сын!

Истериčno рассмеявшись от собственной догадливости, он отошёл от саркофагов на несколько шагов, вложил клинок в ножны и потушил свою магическую гранату. Чувствуя странный прилив энергии, он снова усмехнулся, не веря в происходящее, и сперва опустил перед железными богами на одно колено, а затем, крепко зажмурив глаза, наклонил голову.

Первые несколько секунд ничего не происходило. Но совсем скоро внутри центрального саркофага что-то зашипело, и крышка герцогского гроба с шумом отъехала в сторону, а потом и вовсе рухнула на бок, расколовшись напополам. Но в саркофаге не оказалось засушенной мумии правителя — там находился очередной проход в ещё более секретное место, чем весь этот злосчастный склеп.

— Сволочь, ты ведь знал, ты ведь всё это заранее продумал! — хлопнул себя по лбу Виктор. — А вы, там, за дверью, лучше не гневите свой так горячо любимый Свет и отправляйтесь восвояси. Я не шучу, для вас это плохо кончится! Проваливайте!

— Ты сделал свой выбор, Вик-тор, — низко пробасил Клод Люций. — Ломайте дверь!

Иномирец вновь опустился на колени перед Дашей и прощупал пульс. Холод подступил к его пальцам, когда он понял, что девушка совсем не дышит, и сердце её биться перестало. И весь смысл операции вдруг разом померк. Пропало всё, к чему Даша так стремилась. Она не успела.

— А вот за это будь ты проклят, Лагош! — завопил Виктор. — Будь ты проклят, слышишь?! Какой смысл в этой злой шутке?! Ублюдок, ответь мне!

В этот самый момент кто-то в коридоре со всего разбегу врезался плечом в забаррикадированную дверь. Сундуки пошатнулись и несколько отодвинулись, но Виктор не стал их поправлять. Вместо этого он коротко поцеловал Дашу в лоб и юркнул внутрь открывшегося саркофага, махнув на прощание сидящему на саркофагах Чарли и уже абсолютно наплевав на всё, что могло произойти дальше.

Спустя миг прозвучал ещё один удар. Сундуки разлетелись в стороны, дверь с грохотом вылетела с петель, и помещение склепа мигом заполнили вооружённые до зубов инквизиторы. Виктор решил обернуться и посмотреть в лицо своему врагу, но от удивления лишь ойкнул: крышка саркофага уже не лежала расколотая на полу. Она стояла там, где ей и было положено, а с той стороны громко переругивались между собой озадаченные и обведённые вокруг пальца преследователи.

Виктор не стал задумываться над природой этого фокуса и просто двинулся дальше, попутно разжигая много лет назад потушенные факелы. Тайная комната тоже оказалась круглой, но гораздо меньшей в размерах, нежели предыдущая. И здесь, в отличие от погребального помещения, был лишь один-единственный предмет интерьера — хрупкая стеклянная витрина на цилиндрической подставке. И под толстым слоем пыли, осевшем на стекле, угадывались размытые очертания старого, как сам мир, фолианта. Виктор не сомневался — он, наконец, отыскал ту самую заветную Книгу, которая могла бы спасти Даше жизнь, будь она найдена вовремя. Но теперь в ней не было абсолютно никакого смысла. Даже пропало желание ознакомиться с её сверхъестественным содержимым, из-за которого наверняка погибло гораздо больше людей, чем известно в официальных источниках.

За спиной слышались скромные аплодисменты. Виктор хоть и вздрогнул от неожиданности, но поворачиваться в сторону проклятого им существа не стал. Вместо этого он вплотную подошёл к витрине и, смахнув с неё пыль, стал разглядывать содержимое.

— Ну, что ж, — продолжал аплодировать Лагош. — Я пришёл поздравить тебя, дружище. Ты просто молодец, скажу я тебе. Ещё ни разу не видел столь способного игрока, как ты. Хотя, кажется, тебе просто повезло, но не стану же я лишать тебя главного приза только из-за такой глупости, верно?

— Приз? Игрок? — Виктор перевёл взгляд на Лагоша. — Что ты несёшь? Мало того, что убил Дашу, так ещё и злорадуешь?!

— Нет, нет, как можно, сударь? Злорадствовать? Да разве же я похож на того, кому нравится наблюдать за чужими страданиями?..

Виктор не ответил. Он лишь положил ладонь на рукоять Пакемберга, намереваясь освободить

клинок от оков ножен и сразиться с Лагошем в честном бою.

— Но-но, герой, полегче. Тебе нужны объяснения? Что ж, ладно, получай. Ты игрок, смекаешь? Как и Даша, и некоторые другие до неё. Я даю вам шанс начать всё сначала, вручаю загадку, которую вы должны разгадать. А взамен, в самом финале, игроки получают главный приз, за который они так усиленно боролись. Даша, увы, до конца не добралась буквально каких-то десять шагов. У вас на Земле это назвали бы дешёвым реалити-шоу. Но вот ты, ты превзошёл все мои надежды, Богданов! Интереснее тебя я не видел ещё никого! Так что, клянусь, я вознаграждаю тебя без каких-либо подвохов или новых печатей. Я освобожу тебя от всей этой шелухи. Честное слово.

— Ты что, бог?

— Шутник ты, Богданов, — рассмеялся Лагош. — До бога мне ещё расти и расти. Божества обычно не вмешиваются в дела простых смертных. Они, честно говоря, вообще ни во что не вмешиваются. Даже в свои собственные дела, прости за каламбур, но ты ведь и понятия не имеешь, о чём сейчас идёт речь, да? Ладно, речь не о богах и не обо мне. Так что переходим непосредственно к награждению!

— И что же станет наградой? Треклятая Книга?

— Книга? Нет. Она была лишь целью Даши. Ну, ты, конечно, можешь заглянуть в неё одним глазком, и я даже не зачту это за награду. А после того, как ты ознакомишься с содержимым, я непременно верну тебя на твою родину, на Землю, но уже в обновлённом виде. И ты проживёшь там долгую, счастливую жизнь... правда, имя сменить придётся, но это ведь не проблема в вашем обществе, верно?

Виктор замер:

— Э-э... вернуть меня... на Землю? — протяжно спросил он. — Но... но я не хочу возвращаться. Моя жизнь там уже прожита, а теперь началась новая, здесь. Разве ты не понимаешь? Кто ещё на моей планете может удостоиться возможности попасть в иной мир, и остаться там навсегда?

— Ну, я, честно говоря, знаю парочку таких людей, но не будем о них. Кхм, то есть, ты отказываешься от главного приза, верно? Ты что, настолько глуп?

— Я не глуп, — покачал головой иномирец. — Просто у меня к тебе встречное предложение.

Лагош вопросительно изогнул бровь:

— И что же ты хочешь получить вместо возвращения домой? Настоящий титул графа? Богатство? Собственный дворец? Или, может, ты желаешь, чтобы я одним махом уничтожил всех пепельников?

Шумно выдохнув, Виктор ответил:

— Верни Дашу к жизни. Я готов расстаться со своей наградой, если ты дашь ей... третий шанс. Для тебя ведь это не проблема, верно?

Воцарилось недолгое молчание. Лагош, задумчиво потирая подбородок, прошёлся по комнате взад-вперёд. Он постоянно что-то бубнил себе под нос, словно о чём-то рассуждая, или взвешивая все «за» и «против» встречного предложения Виктора. Наконец, остановившись рядом со своим лучшим игроком, Лагош широко улыбнулся и щёлкнул пальцами:

— Да будет так, Богданов. Да будет так. Как только ты покинешь это помещение, твоя девчонка оживёт. Без фокусов и подвохов.

Виктор застыл, ожидая очередной подколки со стороны собеседника, но Лагош казался абсолютно серьёзным. Иномирец сперва обрадовался расположению дел, но вскоре раздосадовано схватился за голову и упал на колени:

— Там же Его Преосвященство... чёрт, что мне делать? Как выбраться?

Вновь ехидно ухмыльнувшись, Лагош разочарованно пожал плечами и ответил:

— Наверное, надо было раньше об этом думать, Богданов. И, знаешь, я доволен твоей опрометчивостью. Кажется, после всей этой какофонии на нашем прекрасном концерте всё-таки ещё прозвучит финальный аккорд, ага? Хе-хе...

С этими словами самое странное из существ, которое когда-либо встречалось Виктору в его жизни, громко рассмеялось и растворилось в чёрном дымном облаке, оставив иномирца один на один с его бедой. И Виктор, уже не в силах даже проклинать проказника, просто понурил голову и мысленно выругал себя за такую халатность в выборе награды. Ведь он мог попросить о чём-то большем, чем просто вернуть к жизни едва знакомую ему девушку, которая, в сущности, никем для него не являлась. Ведь он мог обдумать своё решение, а не глупо бросаться словами на ветер. Но он послушал своё сердце, и осознание этого факта внушило ему новую надежду на спасение.

— Ну, слово — не воробей, верно? — бросил в пустоту Виктор. Он медленно поднялся с колен, отряхнул свои брюки от грязи и, собрав всю свою решимость в кулак, сделал шаг в сторону выхода из комнаты, туда, где сейчас его искали фанатично настроенные инквизиторы. Затем о чём-то задумался. Постояв так с минуту, искоса поглядел на Книгу, что всё ещё томилась под стеклянной витриной и почему-то глупо улыбнулся.

Толстый фолиант, скованный золотыми ремешками, густо усеянный россыпью драгоценных камней, взывал к себе, манил, практически заставлял взять его в руки, открыть первую страницу и предаться блаженному чтению того, за что боролись и умирали сотни людей.

Виктор скинул шубу. Он вспотел, и ему стало не по себе. Но назад он не повернул — твёрдой рукой иномирец снял с витрины крышку, вытащил Книгу наружу и лишь на мгновение заколебался, прежде чем открыть первую страницу и с неподдельным удивлением прочитать название вступительной главы:

— «Дарующему жизнь, первому графу бескорыстной доброты» закладка

* * *

Кто-то однажды сказал: «Знания — сила! А сила есть — ума не надо». Пролистав всего лишь несколько первых страниц, Виктор чётко и ясно осознал, как сильно эта поговорка сейчас подходит к его ситуации. Читать мудрёный текст было тяжело, но после прочтения каждой строчки хотелось быть волком и лезть на стены, лишь бы забыть всё только что прочитанное. Виктор и предположить не мог, насколько фантастическую, даже на фоне мира, насквозь пронизанного магической силой, информацию он почерпнёт из древнейшей и бессмертной Книги Сожалений.

Говорили, что тот, кто прочтёт хоть строчку — умрёт страшной и мучительной смертью, а душа читающего навек достанется тёмным богам. Но Виктор остался жив, и, более того,

почувствовал себя в какой-то степени просветлённым, в сравнении с состоянием, в котором он пребывал всего несколько минут назад. Захлопнув Книгу и взяв её с собой, граф с планеты Земля бесстрашно и безмятежно покинул комнату. Подойдя к саркофагу с его «внутренней» стороны, он без труда отыскал открывающий крышку рычаг и плавно на него нажал. Каким же было удивление Его Преосвященства и прочих, когда на их глазах из места священного упокоения старого герцога вышел, словно с порога собственного дома и как ни в чём не бывало довольный собой иномирец.

— Вот ты и попался, — довольно потёр ладони Клод Люций. — Долго же шла эта игра, верно?

— О, ты даже не представляешь, насколько долго, — согласился Виктор и посмотрел на всё ещё лежащую в сторонке Дашу. Девушка, кажется, начинала приходить в себя: её грудь хоть и медленно, но поднималась и опускалась, наполняя тело долгожданным и так необходимым ей кислородом. Наконец, Даша раскрыла глаза и непонимающим взглядом уставилась на всё происходящее вокруг.

— Что? — поражённо воскликнул Клод Люций. — Вы ведь проверили, девчонка была мертва!

Инквизиторы от непонимания пожали плечами.

— Значит так, — начал Виктор. — Либо ты отходишь в сторонку и даёшь мне с Дашей уйти, либо сразись со мной в честном бою. И пусть твои ищейки постоят в сторонке.

— Нет, вы слышали эту наглость? — разъярился Клод Люций. — Как ты смеешь вызывать на поединок наместника Света среди смертных?!

— Ну, раз уж ты наместник самого Света, так пусть он тебе поможет в этом бою, — усмехнулся иномирец, откладывая книгу в сторону и вооружаясь Пакембергом. Извилистое лезвие меча вспыхнуло ярким пламенем, заставив окружающих Клода Люция инквизиторов отступить в сторону.

— Каков наглец! — рявкнул Его Преосвященство. Не желая терять лица при своих приближённых, он схватил свою рапиру и немедленно набросился на противника грозным и мощным выпадом.

Лезвие Пакемберга без труда отразило этот натиск, а удар ноги Виктора откинул верховного инквизитора к противоположной стене. Клод Люций сразу же приблизился к Виктору и вновь нанёс удар, а затем ещё несколько, но ни один из них цели не достиг. Виктор играючи отбивал жалкие атаки, словно фехтовал с самого детства, но на самом-то деле он прекрасно понимал, в чём его сила. Лагош, со смехом на устах выполняя последнюю просьбу иномирца, забыл забрать и свой дар — рунную силу. Забыл, или же не захотел забирать. Это было неважно.

— Да что вы стоите, олухи? — прошипел Клод Люций. — Схватите его!

— Да, чего же вы стоите? — гоготнул Виктор. — Подойдите и попробуйте схватить меня!

После этих слов иномирец вытянул свободную руку вперёд, и в ней яркой вспышкой образовался самый настоящий зауженный к низу кавалерийский щит, похожий на те, что использовались на турнире во дворце. Да только вот состоял он не из многослойной стали и кожаной подкладки, как это обычно бывало, а из самого настоящего первородного огня, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Склеп мгновенно наполнился жаром, а края одежды Клода Люция едва заметно затлели. Единственным кроме Виктора человеком, которого пламя не трогало, была всё ещё пытающаяся прийти в себя Даша.

— Что это за магия?! — воскликнул верховный инквизитор, пятась к своим бойцам. — Покайся, пока ещё не поздно!

— Повторяю в последний раз — проваливай, иначе мне всё-таки придётся совершить в этом мире первое умышленное убийство!

Епископ переглянулся с инквизиторами и что-то быстро им шепнул. Ищейки кивнули и покинули родовую гробницу семьи Чаризз, но сам Его Преосвященство остался. Он убрал оружие в ножны и уже с некоторым страхом в голосе смиренно спросил:

— Чего же ты хочешь? Теперь я вижу, что ты не просто человек, и явно не желаешь никому зла, так что...

— А раньше ты понять этого не мог? — нахмурился Виктор. — Хватит валять дурака и пресмыкаться передо мной. Ты хочешь знать, чего я хочу? Хочу, чтобы ты отошёл в сторону, дал мне коня и никогда больше не вспоминал ни обо мне, ни о Даше!

— Не вспоминать? Но, позволь, почему бы не начать сотрудничество? Ты расскажешь нам всё о себе добровольно, и я даже обращаю тебя в нашу веру. Свет простит тебя. Ты станешь нашим новым послушником, возможно даже высокопоставленным сановником, и у тебя будет всё, о чём ты только можешь мечтать! А ещё...

— Хватит. Сладкими словами разбрасываешься, да только по губам твоим стекает яд лжи и лицемерия. Ты ничем не лучше остальных. Тебе просто повезло. Разве ты не видишь всей правды? Разве не понимаешь, где стоит искать ответы, а где нет? Взгляни на себя. Ты так долго жаждал поймать и запытать меня до смерти, но резко изменил отношение ко мне на лояльное, лишь узрев силу, превосходящую твою во много, бесконечно много раз. Как я могу тебе доверять? А теперь отойди и дай мне пройти. Ещё раз повторять не стану.

Виктор не стал дожидаться ответа верховного инквизитора. Вместо этого он потушил щит, спрятал клинок в ножны и Книгу за пазуху, после чего поднял Дашу на руки, свистом позвал на своё плечо всё ещё сидящего на верхушках саркофагов Чарли и с гордо поднятой головой прошёл мимо Клода Люция, даже не посмотрев в его сторону. Он знал: епископ не станет бить в спину. Уже не станет.

Всё так же чинно шагая, Виктор поднялся по винтовой лестнице на поверхность. С удовольствием вдохнул свежий морозный воздух, на миг улыбнулся лучам малого компонента звёздной пары, что уже взошёл над горизонтом в преддверии основного светила, затем повернулся к собравшимся подле входа в склеп инквизиторам и коротко повелел:

— Коня мне дайте.

Пока один из ищеек выполнял требование иномирца, из гробницы выбрался Его Святейшество. Тяжело дыша, он с отчаянием на лице смотрел на то, как его жертва сперва взгромождает на коня девушку, а затем и лично забирается в седло. Закончив с приготовлениями, Виктор уже готов был пришпорить скакуна и унести вдалёку, но вдруг на миг задумался и спросил:

— Погоди-ка, епископ, то есть ты не знал про то, что в склепе есть тайная комната, где хранится так горячо любимая вами Книга?

— Я... я не знал, иначе не бы стал так мешкать. Просто некоторое время назад Его Светлость Герберт Чаризз зачем-то изъясил Книгу из хранилища церкви, а что он сделал с ней дальше — я не знал до этого самого дня, клянусь.

— Герберт изъял Книгу? — нахмурился иномирец. — Это не ложь? Но ведь в таком случае он и Лагош ... заодно? Нет, не может этого быть, не может...

— Прошу прощения, кто-кто заодно с Его Светлостью?

— Уже не твоего ума дела, — подмигнул верховному инквизитору Виктор.

Наконец полностью очнулась после «смертельного» сна Даша. С трудом приподняв голову, она посмотрела своему другу прямо в глаза и искренне произнесла:

— Спасибо. Ты спас мне жизнь.

— Пустяки, дело-то житейское. К тому же, теперь мы в расчёте.

Даша попыталась рассмеяться, но в итоге лишь закашлялась. Затем уже на порядок тише, чтобы не вызвать очередной приступ, спросила:

— И куда мы направимся? У нас теперь не осталось цели. А жизнь без цели — это хождение по кругу.

— Ну, во-первых, жизнь — это и есть круг. А по поводу цели... нет её, говоришь? А как же Арвенх с его бандитами? А как же герцог Чаризз с его причастности к странной игре Лагоша? А как же... как же пепельник-работорговец Грокотух? Уж очень мне хочется его найти и посмотреть в его наглые нечеловеческие глаза. Если, конечно, Йормлинг со своими «Орлами» или личная гвардия леди Оливии не превратили его в серокожий пепельный фарш.

— Я, пожалуй, помогу тебе, если ты не против.

— Без проблем, — кивнул Виктор и на миг о чём-то задумался. Тряхнув головой, взбодрился, причём без помощи силы рун или иного неестественного магического способа. Но всё-таки не удержался и сладко-сладко зевнул во весь рот. — Только мне нужно немного отдохнуть. Устал я самую малость. Но ты не переживай, выпью чаю, да вздремну часок, а потом отправлюсь разбойников прогонять. Я ведь обещал Мильху, что вернусь и помогу его деревне.

Даша согласилась и крепко вцепилась в лошадиную гриву. Но перед тем, как предаться чувству окончательной и бесповоротной победы, она вдруг нахмурилась и спросила:

— Постой, а с Книгой-то что? Ты ведь её открывал? Какие тайны она содержит? Что за секреты скрыты на её страницах?

— Люди всегда хотят большего, чем то, что у них уже имеется, даже конкретно не понимая, чего они желают. Так что имеет ли значение, каково содержимое Книги? У нас и без того всё, наконец, начинает налаживаться. Пусть же оно так и остаётся. И я не могу быть уверен, что всё останется так же, если мы в порыве жадности начнём познавать все тайны древней рукописи.

Если Даша и расстроилась из-за такого ответа, то виду не подала. Согласившись с другом, она лишь кивнула и приготовилась к очередному путешествию.

Виктор пришпорил коня.